

**ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В.Г. БЕЛИНСКОГО**

На правах рукописи

Феклистов Александр Геннадьевич

**ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ДЕНЕЖНОЙ
РЕФОРМЫ 1922-1924 ГОДОВ**

Специальность 07.00.02. – «Отечественная
история»

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук
профессор А.С. Касимов

Пенза - 2002

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Финансово-экономическое положение губерний Среднего Поволжья при переходе к нэпу	27
1.1. Экономика и финансы средне-волжских губерний в начале 1920-х годов	29
1.2. Состояние денежного обращения в губерниях региона. Реорганизация регионального финансового аппарата	41
Глава 2. Финансовая политика региональных органов власти в 1922-1925 годах	61
2.1. Экономическое развитие региона в 1922-1923 годах	63
2.2. Финансово-экономические мероприятия региональных властей в 1923-1925 годах	76
2.3. Результаты финансово-экономических мероприятий региональных органов власти в 1923-1925 годах	95
Глава 3. Бюджетная система и налоговая политика финансовых органов региона. Банки Среднего Поволжья в первой половине 1920-х годов	104
3.1. Бюджет губерний Среднего Поволжья в первой половине 1920-х годов	106
3.2. Налоговая система и деятельность фискальных органов региона	133
3.3. Кредитные учреждения Среднего Поволжья в первой половине 1920-х годов	165
Заключение	181
Список использованных источников и литературы	190
Приложения	204

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Современный период истории России характеризуется состоянием глубочайшей трансформации всего общества, когда идет поиск новых моделей экономического развития, происходят финансово-экономические и социально-политические потрясения, присущие переходным этапам исторического развития. В этой связи, в условиях перманентно переживаемых нашей страной экономических и социально-политических кризисов, может быть полезен опыт новой экономической политики, ставшей попыткой выхода из того болезненного политико-экономического состояния, которое охватило Россию в начале 1920-х гг. Это был поворот от гражданской войны к гражданскому примирению, от революционно-насильственных, административно-командных к государственно-регулируемым рыночным методам хозяйствования и управления производством.

Одним из существенных направлений этой политики стала финансовая реформа 1922-1924 гг. Основными задачами этой реформы были увеличение емкости внутреннего рынка как за счет крупного производства, так и за счет увеличения товарного предложения со стороны крестьянских и кустарных хозяйств; рост размеров товарооборота через развитие торговли внутренней и внешней, государственной, кооперативной и частной; «железная урезка» административных расходов; сокращение, а затем и прекращение бумажно-денежной эмиссии.

В результате проведения финансовой реформы после длительного периода инфляции в стране была создана новая денежная система на основе обращения и взаимного размена банковских червонцев, казначейских билетов, а также серебряной и медной монеты. Несомненными достижениями финансовой политики этого периода стало сокращение, а затем ликвидация бюджетного дефицита и определенная финансовая стабилизация. Таким образом, финансовая реформа, проводившаяся в 1922-1924 гг., стала важной

составной частью новой экономической политики и одним из факторов, определивших ее успех.

В отечественной исторической литературе изучение вопросов, связанных с осуществлением финансовой реформы 1920-х гг., не является новой проблематикой. Эта тема, как один из наиболее благодатных в плане научного поиска объектов исследования, привлекает внимание специалистов самых разных направлений исторической науки. Однако их труды касаются, в основном, проведения денежной реформы на общегосударственном уровне, на уровне центральных финансовых ведомств и партийно-государственных органов. Если же исследователи касаются положения дел на периферии, то делают это, как правило, чтобы проиллюстрировать региональными примерами проведение реформы в общегосударственном масштабе. В целом же, можно сказать, что региональный аспект данной темы мало изучен. Особенно это положение характерно для Среднего Поволжья, региона, который имел свои экономические особенности, в той или иной степени влиявшие на проведение финансовых преобразований.

К числу этих особенностей можно отнести аграрный характер местного хозяйства, крайне незначительный удельный вес промышленного производства в структуре экономики региона, почти полное отсутствие тяжелой промышленности общегосударственного значения, низкий уровень доходов населения. Данное экономическое положение усугублялось в начале 20-х гг. прошлого века последствиями гражданской войны и политики «военного коммунизма». Все это налагало совершенно особый отпечаток на характер и содержание финансовых мероприятий в Средневолжском регионе, формировало общие и отличительные черты финансовых преобразований по сравнению с аналогичными мероприятиями на федеральном уровне.

Нынешнее обращение к изучению финансовой реформы на уровне регионов – это исследование региональных особенностей экономики и финансов 20-х гг. истекшего столетия, являющихся составной частью и одной из основ политики федерализма, берущей свои истоки в этот период. Исходя из

этого, можно сказать, что опыт разработки и осуществления финансовой реформы 1922-1924 гг. не утратил научно-практического интереса и в наши дни, когда вновь, уже на новом этапе исторического развития и на иной экономической основе, правительство возвращается к идеям финансового федерализма. В этом смысле может быть полезен и опыт проведения финансовых мероприятий в регионах, в частности на Средней Волге. Многие финансово-экономические меры нэпа (проведение деноминаций рубля, например) имеют ряд сходных черт с той финансовой политикой, которую проводит нынешняя российская власть. Апробация этой политики на региональном уровне могла бы способствовать более успешному развитию экономики регионов и страны в целом.

Степень научной разработки исследования. В общем потоке исследований данной темы можно выделить советскую и российскую, зарубежную, региональную историографию.

Советская и российская историография. Начало изучения истории финансовой реформы совпало со временем ее проведения. Первые публикации носили пропагандистский характер и непосредственно, следом за событиями, показывали первоначальные шаги государственного руководства в области финансов.¹ Несколько особняком здесь стоят сборники статей по различным вопросам финансовой политики, авторами которых были в основном старые дореволюционные специалисты, перешедшие на сторону советского правительства.² В связи с завершением денежной реформы выходят аналитические труды партийных экономистов М.Г. Бронского, Л.П.

¹ См., напр.: Денежная реформа.— М., 1924; Денежная реформа. — Л., 1924.

² См. об этом: Очередные вопросы финансовой политики: Сборник статей. Вып.1-2.-М., 1922; Денежное обращение и кредит. Т. 1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914-1921).- М., 1922; Вопросы банковской политики — М., 1922.

Боголепова, Б.В. Сигала.³ Их работы зачастую основаны на непосредственном опыте участия и наблюдениях за проведением реформы. Авторы указывают на положительное значение денежной реформы для экономики и развития товарно-денежных отношений.

Во второй половине 1920-х гг. после завершения финансовой реформы в изучении проблемы обозначились новые подходы. Тема финансовой реформы подробно и объективно рассматривалась в монографиях Л.Н. Юровского, Д.В. Кузовкова, З.С. Каценеленбаума.⁴ Эти авторы опирались в своих исследованиях на обширный статистический и фактический материал, а также на свой опыт практического участия в финансовой деятельности. Главный вывод, сделанный исследователями, выражался в том, что основные шаги финансовой реформы являлись неизбежными звеньями развития денежной системы в условиях переходной экономики времен нэпа.

Таким образом, в период проведения денежной реформы 1922-1924 гг. и после ее завершения в освещении истории и итогов реформы сложилось два направления. Одни авторы (Г.Г. Бронский, Д.П. Боголепов, Б.В. Сигал) оценивали реформу однозначно положительно; в то время как другие (Д.В. Кузовков, З.В. Каценеленбаум), подчеркивая неизбежность реформы и правильность ее методов, вместе с тем, относились к финансовым преобразованиям с умеренной осторожностью, призывая к их дальнейшему углублению.

В 30-40-е гг. XX века в советской исторической литературе

³ См. Бронский М.Г. За оздоровление денег (О денежной реформе). - М., 1924; Боголепов Д.П. Деньги Советской России. - Л., 1924; Сигал Б.В. Итоги денежной реформы. - Харьков, 1925.

⁴ См. Юровский Л.Н. Современные проблемы денежной политики. - М., 1926; Он же. Денежная политика Советской власти (1917-1927). - М., 1928; Кузовков Д.В. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. - М., 1925; Каценеленбаум З.С. Денежное обращение в России 1914-1924. - М., 1924.

сформировалось устойчивое и упрощенное отношение к финансово-экономической практике нэпа. В это время появилось незначительное количество книг по данной проблеме.⁵ Освещение в них темы финансовых преобразований полностью укладывалось в схему «Краткого курса истории ВКП(б)», который трактовал нэп как временное отступление от прямой линии построения социализма, отступление с целью, «накопив силы и средства,.. перейти затем в решительное наступление, чтобы уничтожить остатки капитализма в стране».⁶ Исходя из этого, финансовые мероприятия нэпа долгое время не получали должной оценки историков.

Наиболее интересными из трудов этого периода являются работы З.В.Атласа и В.П. Дьяченко. Профессор З.В.Атлас рассматривал основные этапы и методы проведения денежной реформы, опираясь на богатый фактический материал и архивные источники Наркомата финансов, дающие уникальную возможность вникнуть в сущность происходивших событий. Однако в силу ряда причин, обусловленных временем написания монографии, ее автор оказался несвободен от тенденциозного и одиозного подхода к некоторым аспектам рассматриваемой проблемы. Сложности в проведении денежной реформы, например, объяснялись деятельностью «реакционного финансиста» Юровского и «участника троцкистско-бухаринской банды» Сокольников.

Книга В.П. Дьяченко являлась основательным исследованием вопросов развития финансово-кредитных отношений в СССР. Ее автор, будучи экономистом-финансистом, с 1929 по 1943 гг. работал в Наркомате финансов СССР, затем возглавлял Институт экономики АН СССР. Благодаря этому он

⁵ См., напр.: Козлов Г. Советские деньги. - М. - Л., 1939; Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917-1925). - М.,1940; Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе социалистического государства. Ч.1. - М.,1947.

⁶ История ВКП(б). Краткий курс. - М.,1952. С.245.

имел возможность опираться в своем исследовании на богатые архивные материалы и другую информацию о советских финансах времен нэпа, что делает монографию особенно ценной.

С середины 50-х гг. прошлого века начинается новый период в изучении нэпа. В работах этого периода речь шла, преимущественно об отдельных элементах этой политики – госкапитализме, торговле, кооперации. История же финансовых преобразований первой половины 1920-х гг. рассматривалась вскользь, в комплексе с другими проблемами.⁷

В дальнейшем, в 60 - первой половине 80-х гг. XX столетия появились новые труды известных исследователей (З.В.Атлас, В.П. Дьяченко), в которых нашли отражение различные аспекты денежной реформы 20-х гг. З.В.Атлас, отказавшись от прежних тенденциозных оценок, подробно проанализировал предпосылки и особенности советской финансовой реформы, показал ее задачи и методы реализации. Большой интерес представляет сравнительный анализ советской денежной реформы и финансовых реформ, осуществлявшихся в предыдущий период в России и за рубежом. На основе этого анализа автор приходит к выводу о том, что «денежную реформу 1922-1924 гг. можно считать классической социалистической системой стабилизации валюты. Эта реформа по социальному содержанию глубоко отличается от капиталистических денежных реформ».⁸

С этой оценкой перекликается вывод об особенностях советской финансовой системы времен нэпа, сделанный в работе «История социалистической экономики СССР»: «Социалистическое обобществление средств производства и обращения и новые, присущие только социалистическому государству, функции требовали создания новой финансово-кредитной

⁷ См. Атлас М.С. Развитие Государственного банка СССР.– М.,1958; Генкина З.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина в 1921-1923 гг.– М.,1969.

⁸ Атлас З.В. Социалистическая денежная система.– М.,1969. С.23.

системы, принципиально отличающейся от финансов буржуазного государства и кредитной системы капиталистических стран... Но в первое время воспроизводились формы и методы, выработанные практикой капиталистических стран, без достаточно критического к ним отношения. Это обусловило своеобразие советской системы финансов и кредита в первые годы нэпа».⁹

В книге В.П. Дьяченко был систематизирован большой исторический материал по вопросам развития финансов и кредита в СССР, охватывающий период с 1917 по 1950 гг. Исключительная добросовестность в отборе исторических фактов и их широкий охват, тщательный отбор документального материала, богатое отражение в книге архивных источников делают эту работу фундаментальным трудом по истории финансов СССР.¹⁰ Названные авторы подробно проанализировали систему и методы государственного регулирования экономики нэпа, выделив их финансовые аспекты.

Проблема хронологических рамок денежной реформы и специфики финансовых преобразований нэпа как экономических мероприятий переходного периода была поставлена в монографии Я.А. Кронрода.¹¹ Период восстановления народного хозяйства, в течении которого была проведена денежная реформа (1922-1924 гг.) и закреплены ее результаты (1925 г.), рассматривается им как первый этап в развитии стабилизированных товарно-денежных отношений экономики переходного периода. Социально-экономические отношения переходного периода, в свою очередь, определялись многоукладностью экономики. Автор подчеркивает принципиальное для финансовой стабилизации значение регулирующих мер государства в экономике.

В это же время ряд особенностей и направлений финансовой реформы

⁹ История социалистической экономики СССР. Т.2.— М.,1976. С.110-111.

¹⁰ Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.).— М.,1978.

¹¹ Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе.— М.,1960.

рассматривался в научно-популярных изданиях.¹² В этих трудах подробно описаны условия и методы реформы и условия стабилизации рубля. Особое внимание уделяется значению реформы, подчеркивается то обстоятельство, что она была проведена без внешних заимствований, на основе внутренних ресурсов и при сохранении государственной собственности на средства производства.

Всестороннее исследование финансово-экономических мероприятий нэпа было проведено в это время в трудах В.П. Дмитренко.¹³ При этом финансовая политика государства рассматривалась им через призму процессов, происходивших в торговле, в банковской и налоговой системах. Главная цель финансовой политики нэпа, как отмечает Дмитренко, заключалась в мобилизации оборотных средств, увеличении государственных доходов, с тем чтобы аккумулируемые средства направлялись главным образом на развитие крупной промышленности. Исследуя налоговую систему этого периода, жестко детерминированную классовым подходом, автор обращает внимание на ее громоздкость и некоторое несовершенство, хотя задачи, которые перед ней ставились, эта система выполняла. Благодаря ней государство изымало значительную часть доходов у нэпманской буржуазии и перераспределяло финансовые ресурсы в пользу социально необеспеченных слоев населения.

Таким образом, исследования 50-середины 80-х гг. XX века обогатили науку рассмотрением ряда новых направлений работ, ввели в научный оборот значительный и разнообразный фактический и статистический материал. Они стали основой для научного поворота в отечественной историографии

¹² Мец Н.Д. Наш рубль. Исторический очерк.— М.,1960; Мельникова А.С. Твердые деньги.— М.,1973.

¹³ Дмитренко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу.1921-1924 гг.— М.,1971; Он же. Нэп и построение социализма в СССР.— М.,1981; Он же. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры.— М.,1986.

проблемы, который обозначился в последние годы.

Современный период в историографии рассматриваемой проблемы начался с конца 80-х гг. прошлого века. В фокусе исследования оказалось рассмотрение нэпа в качестве попытки реализации рыночных реформ в рамках советской политической системы. На фоне критических оценок прежних концепций и парадигм исторической науки, характерных для этого периода, обострился интерес к финансовой реформе нэпа. К изучению этой темы обратились, прежде всего, экономисты.¹⁴ Они оценивали реформу как один из важнейших экономических и социально-политических итогов нэпа, так как в результате удалось осуществить переход к твердой конвертируемой валюте и создать прочную финансовую систему на основе устойчивого рубля.

Более критический подход демонстрируется в статье В.П. Дмитренко.¹⁵ Пересмотрев свои прежние взгляды, этот автор утверждает, что червонец, пришедший на смену совзнаку, стал послушным инструментом в неэквивалентных отношениях между городом и деревней; экономической функцией новых денег являлось обслуживание неразвитого, но уже деформированного рынка, где быть устойчивым было просто невозможно. В то же время, А.С. Соколов по этому поводу замечает, что данная точка зрения несостоятельна, так как сущность финансовой реформы не сводилась к простой замене одних бумажных денег другими, а заключалась в переходе от денежной системы, функционировавшей в рамках натурального распределения, к денежной системе рыночного типа.¹⁶ Вторая точка зрения представляется нам

¹⁴ См. Казьмин А.И. Опыт перехода к рыночной экономике. //Деньги и кредит. 1990. №9; Голанд Ю.М. Финансовая стабилизация и выход из кризиса. Уроки советского червонца. //Коммунист. 1991. №3-4; Борисов С.М. Червонец – валюта нэпа. //Деньги и кредит. 1992. №1.

¹⁵ Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа. //Вопросы истории КПСС. 1991. №3.

¹⁶ Соколов А.С. Финансовая реформа 1921-1924 гг. Автореферат канд. дис. – М., 1997.

наиболее достоверной, поскольку в данном случае нельзя игнорировать ряд положительных результатов денежной реформы, в том числе связанных с внедрением твердого денежного эквивалента в обмене между городом и деревней.

Различным аспектам финансовой политики нэпа посвящены работы Н.С. Симонова. Он приходит к выводу о том, что насущная необходимость восстановления народного хозяйства после гражданской войны заставила партийное и советское руководство создать твердую валюту посредством финансовой политики, считающейся только с объективными законами товарно-денежных отношений.¹⁷ В целом, финансовые мероприятия нэпа и их видимые результаты (денежная система, которая опиралась на золотой червонец) оцениваются им очень высоко. Но одновременно Симонов указывает, что в стратегическом плане финансово-экономическая реформа 1922-1924 г была проведена безупречно, в тактическом же отношении проведение реформы было сопряжено с целым рядом ошибок и упущений, которых можно было если не избежать, то свести к минимуму.¹⁸ Данное мнение является, на наш взгляд, несколько поверхностным, так как оно оправдано лишь с высоты сегодняшнего исторического опыта и не вполне отражает исторические реалии того времени.

Одной из последних по времени публикаций по истории финансовой реформы является монография А.С. Соколова.¹⁹ По мнению исследователя, специфика кредитно-денежной системы, созданной в ходе реформы, заключалась в том, что в ней были отражены попытки сочетать традиционные черты мировой финансовой системы (конвертируемость рубля, поддержка

¹⁷ Симонов Н.С. Советская финансовая политика в условиях нэпа (1921-1927). //История СССР. 1990. №5.

¹⁸ Симонов Н.С. Из опыта финансово-экономической реформы 1922-1924 гг. //Нэп: приобретения и потери. – М.,1994.

¹⁹ Соколов А.С. Из истории становления и развития финансовой системы России в период новой экономической политики. – М.,1998.

валютного паритета) с присущими советскому хозяйству чертами (планирование экономики, монополия внешней торговли). Отношение к преобразованиям в области финансов в 1920-е гг. оказались составной частью борьбы, с одной стороны, за продолжение и углубление нэпа и, с другой стороны, за свертывание новой экономической политики.

Важной чертой историографии 90-х гг. XX века является возвращение в историю имен политиков и ученых, в числе которых и те, кто был непосредственно связан с проблемами финансов 1920-х гг. Исследования В. Гениса, Ю. Голанда, В. Ефимкина, М. Николаева посвящены Г.Я. Сокольникову, Л.Н. Юровскому и Н.Н. Кутлеру. Современные авторы считают их выдающимися российскими экономистами, ответственными за разработку финансовой политики нэпа.²⁰

В настоящее время среди исследователей финансовых преобразований нэпа продолжаются дискуссии относительно хронологических рамок и авторства денежной реформы, анализируются причины ее кризиса. Несмотря на то, что за последние годы появилось небольшое количество трудов по данной теме, ее творческое развитие продолжает авторы нового поколения.

Зарубежная историография. Исследование финансовой реформы 1920-х гг., оказалось одним из направлений деятельности экономистов-эмигрантов. Так, известный экономист С.Н. Прокопович, исследуя развитие хозяйства и финансов нэповской России, пришел к выводу, что проводимые в этот период финансовые мероприятия оказали непосредственное влияние на

²⁰ Генис В. Упрямый нарком с Ильинки //Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте.– М.,1995; Голанд Ю.М. Леонид Наумович Юровский. Портрет на фоне эпохи. //Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917-1927).– М.,1997; Ефимкин В.П. Дважды реабилитированные.– М.,1991; Николаев М.Г. Царский министр делает советские деньги.– М.,1999.

производительные силы страны, их восстановление и развитие.²¹ Ученые же либерального направления, в частности, профессора-экономисты М.В.Бернацкий и А. Марков были более умерены в своих оценках финансовых преобразований в Советской России. Они считали, что успех реформы мог быть полным только в случае коренных экономических и политических изменений в нашей стране.²² Ценность их трудов состоит в том, что выполненные в условиях отсутствия цензуры и какого-либо политического давления, они содержат ряд интересных наблюдений и выводов о нэпе и его финансовой составляющей. В то же время эти исследования, несвободные от эмоциональных оценок происходящего в России, требуют к себе серьезного критического анализа.

Финансовая реформа 1922-1924 гг. нашла отражение и в западной историографии. Хотя в ней почти нет работ, детально анализирующих данную проблему, но эта историография интересна прежде всего тем, что ставила вопросы в рамках международных финансово-экономических проблем. Зарубежные историки и экономисты оценивают реформу как одно из важнейших достижений нэпа и как один из результатов развития рыночной экономики и государственного регулирования рынка. При этом одни авторы (А. Ноув, Г. Гроссман) считали финансовые преобразования нэпа простым возвращением к «стихийному» капитализму с учетом особенностей государственного регулирования рынка. Другие исследователи (П. Сорокин, Р. Дэвис, П. Гатрелл) подчеркивали особое значение мер государственного регулирования рыночной экономики в области финансов. В целом, работы

²¹ Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т.1. – Нью-Йорк, 1952; Он же. Что дал России нэп. //Нэп: взгляд со стороны.– М., 1991.

²² См., напр.: Бернацкий М.В. Денежная реформа в Советской России. //Сборник статей, посвященный П.Б. Струве. - Прага, 1925; Марков А. Советская денежная реформа и русское народное хозяйство //Свободная Россия. 1924. №2.

западных исследователей внесли свой вклад в изучение данной проблемы и, в условиях достаточно свободного обмена мнениями, выдвинули ряд интересных положений.²³

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исследуемая проблема, несомненно, привлекала внимание отечественных и зарубежных специалистов. Ими проведена большая работа по изучению истории финансовой реформы и финансовой политики 1920-х гг., выдвигались разнообразные характеристики ее результатов и оценки ее исторического значения. Исследователями был сделан однозначный вывод о том, что денежная реформа являлась составной частью нэпа, переход к твердой валюте имел важное значение для развития экономики страны.

Вместе с тем, имеющиеся труды исследователей содержат разного рода стереотипы, обусловленные политическими пристрастиями авторов. Кроме того, как уже указывалось, эти работы касаются проведения денежной реформы на общегосударственном уровне. Региональный же аспект данной темы мало изучен, что можно продемонстрировать на примере региональной историографии проблемы в Среднем Поволжье.

Региональная историография по исследуемой теме, в целом, невелика по объему. В 20-е гг. прошлого века выходил ряд экономических сборников, в которых обобщался экономико-статистический материал по состоянию промышленности, сельского хозяйства, торговли региона. Но назвать их историческими трудами сложно, это скорее статистические обзоры региональной экономики.²⁴ Но некоторые аспекты рассматриваемой проблемы затрагиваются

²³ См. об этом: Nove A. The Soviet Economic System. – L., 1977; Grossman G. Economic System. — N.Y., 1974; Sorokin P.A. Leaves From Russian Diary and Thirty Years after. – N.Y., 1970; Дэвис Р.У., Гатрелл П. От царизма к нэпу. //Вопросы истории. 1992. №8-9.

²⁴ См. напр.: Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Вып.1-2. – Самара,1925; Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Вып.2.– Самара, 1924; Сборник статистических

и в этой литературе. Так, в 1-м выпуске «Материалов по районированию и организации Средне-Волжской области» проводился интересный анализ динамики цен в регионе в связи с кризисом 1923 г. («ножницы цен»). Авторы сборника показывали «последовательное и постепенное нарастание кризиса сбыта» в течение 1922/23 г. и оправдывали принятие энергичных мер по его преодолению. Некоторые сведения о состоянии финансов Среднего Поволжья, позволяющие сравнить их с общероссийскими данными, содержатся также в сборнике «Народное хозяйство России за 1921-1922 гг.». ²⁵

В 1930-1950-е гг. в связи с уменьшением интереса исследователей к изучению сферы денежного обращения внимание к этой теме в региональной историографии практически исчезает, возобновляясь лишь в 60-е годы прошлого века.

В 60-80-х гг. XX века в рамках краеведческого направления отечественной историографии выходят историко-экономические обзоры различных областей региона и многочисленные труды по истории областных организаций КПСС. ²⁶ Особенно большое количество подобных трудов издавалось в преддверии и в связи с очередными годовщинами Октябрьской революции и образования СССР. Написанные с позиций господствующей идеологии, эти работы увязывали финансово-экономические проблемы с вопросами партийного руководства хозяйством подотчетных территорий. При этом, как правило, показывался неуклонный экономический рост и успешное

сведений по Пензенской губернии. 1920-1926 гг. – Пенза, 1927. и др.

²⁵ «Народное хозяйство России за 1921-1922 гг. – М., 1923.

²⁶ Килеева А.И. Пензенская партийная организация в борьбе за восстановление народного хозяйства. – Пенза, 1961; Путь в полвека. Пензенская область за 50 лет Советской власти. – Саратов-Пенза, 1967; Край Ильича за 50 советских лет. – Ульяновск, 1967; Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. – Куйбышев, 1967; 1983; Очерки истории Пензенской организации КПСС. – Саратов, 1983 и др.

преодоление трудностей под «мудрым» партийным руководством. В то же время, какие-либо сложности и «зигзаги» экономической политики 1920-х годов в них почти не имели места. Исследуемая же проблема затрагивалась в них вскользь, в связи с другими аспектами новой экономической политики в регионе.

Одними из немногих специализированных трудов по данной тематике являются статьи А.З. Лившица и Е.И. Лягушева.²⁷ Статья Лившица, хотя и не ставила в качестве отдельной задачи изучение финансовых вопросов нэпа, содержала уникальные сведения о состоянии региональной экономики в начале 1920-х гг. и мерах Советского государства по преодолению голода в начале нэпа, в частности, о налоговых льготах крестьянству Среднего Поволжья. Лягушев подробно исследовал многие аспекты продналоговой политики первой половины 1920-х гг., например, размеры и тяжесть обложения отдельных губерний и крестьянских хозяйств, динамику хлебных цен, деятельность местных государственных и партийных органов по сбору налога и т.д. Данные работы начали изучение финансовых аспектов нэпа на региональном уровне. Их ценность заключается в том, что они определили некоторые направления исследования данной темы и начали создание историографической базы для этого.

На протяжении 1990-х гг. нарастал интерес к изучению нэпа в Поволжье. В это время в различных областях региона были опубликованы сборники и монографии, авторы которых рассматривают те или иные проблемы кредитно-финансовой и налоговой политики, проводимой в Среднем Поволжье региональными властями в 1920-е гг.²⁸ Их авторы зачастую опирались на

²⁷ Лившиц А.Э. Нэп и восстановление хозяйства Поволжья. // Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. – М., 1974; Лягушев Е.И. Продналоговая политика Советской власти на Средней Волге (1922-1924 гг.). // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып.2. – Куйбышев, 1972.

²⁸ Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней. Кн.3. – Самара, 1997; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918-1998). – М., 2000; Гошуляк

источниковую и историографическую базу, созданную их предшественниками, внося свои оценки происходивших в годы нэпа процессов. Основными объектами исследования стали налоговая политика региональных властей, развитие промышленности и сельского хозяйства региона. При этом подчеркивается важность и необходимость государственного регулирования региональной экономики, выделяются некоторые его методы. Авторами сборника «История Самарского Поволжья...» сделан важный вывод о том, что суть налоговой политики в годы нэпа заключалась в том, чтобы государственные органы руководствовались интересами поднятия сельского хозяйства, тщательно учитывали реальную платежную силу крестьянских хозяйств.

Большой интерес представляют труды Л.Н. Лютова, в которых исследуются проблемы финансовой политики в промышленности края в годы нэпа.²⁹ Автор показывает налоговую и кредитную политику в отношении государственной и частной промышленности, на основе значительного статистического материала делает вывод о проведении органами государственной власти в период нэпа льготной политики по отношению к государственной и кооперативной промышленности и дискриминационной политики в отношении частной промышленности. Однако причины такой политики, на наш взгляд, раскрыты им не полностью, недостаточно выявлены причины изменения соотношения бюджетного финансирования и банковского кредитования промышленности в середине 1920-х гг. Однако в целом монографии и статьи Лютова внесли, несомненно, ценный вклад в изучение

В.В. История Пензенского края. В 5 т. – Пенза, 1999.

²⁹ Лютов Л.Н. Частная промышленность в годы нэпа (1921-1929). – Саратов, 1994; Он же. Государственная промышленность в годы нэпа (1921-1929) – Саратов, 1996; Он же. Промышленность Симбирской губернии в условиях либерализации централизованно-плановой экономической системы. 1920-е гг. // Симбирский вестник: Историко-краеведческий сборник. Вып.3. – Ульяновск, 1996; Он же. Формы организации производства в промышленности Симбирской губернии в 1920-е гг. // Тезаурус. 1997. №1; Он же. Экономика Симбирской губернии в начале 20-х гг. // Прошлое и настоящее России: – политика, экономика, культура. – Саратов, 1999.

названных проблем.

На рубеже столетий появился первый обобщающий труд, затрагивающий финансовые аспекты деятельности региональных органов власти в годы нэпа.³⁰ И.А. Чуканов, автор этой работы, в одном из ее разделов делает попытку проанализировать проведение денежной реформы 1922-1924 гг., налоговую политику и особенности кредитной системы этого периода на региональном уровне. Для этого им привлекаются обширные архивные материалы, главным образом, из архивов Ульяновской области и республики Татарстан. Указанные проблемы рассматриваются исследователем через призму возможности и необходимости построения рыночной экономики в годы нэпа, принципы «свободного рынка» являются для него безусловной и самодостаточной ценностью. В целом, нэп в данном контексте представляется в качестве упущенной возможности возрождения рыночных отношений в России того времени. Автор делает вывод о том, что в результате проводимых в России преобразований, несмотря на ряд реальных достижений и успехов в экономике в годы нэпа, в стране так и не было создано стихийно-рыночных регуляторов; этому в немалой степени способствовала проводимая центральным и местным руководством экономическая политика, направленная на повсеместное утверждение плановости в народном хозяйстве. Данные выводы представляются нам несостоятельными, так как их ошибочность кроется на мировоззренческом и методологическом уровнях. Нэп, на наш взгляд, с самого начала не был и не мог быть попыткой восстановления в России «свободного рынка». Это, скорее, была первая в мире попытка создания государственно регулируемой, социально ориентированной рыночной экономики. С этой точки зрения можно анализировать сущность и особенности этой политики на общегосударственном и региональном уровне, исследовать набор применявшихся методов государственного регулирования рынка, выявлять

³⁰ Чуканов И.А. Кредитно-финансовая политика местных органов власти Среднего Поволжья (ноябрь 1917-1932 гг.). – Ульяновск, 2000.

причины ее свертывания. В этом случае все то, что Чуканов ставит в вину государственным и региональным органам власти того времени – перераспределение большей части национального дохода через бюджет и налоговую систему, государственное регулирование цен, установление норм доходности синдикатов и трестов - становится их огромным достижением в деле реализации основных принципов нэпа, в том числе и его финансовой политики.

Таким образом, в настоящее время в региональной историографии проблемы наметились два основных направления исследований. Одни авторы при рассмотрении главных аспектов нэпа, в том числе и его финансовой составляющей в регионе, придерживаются концепции осуществления государственного регулирования экономики в этот период. Другие исследователи подчеркивают ценность и значение принципов свободной рыночной экономики, в том числе и в финансовой сфере. Ведутся дискуссии о возможности и необходимости государственного вмешательства в экономику, о допустимых границах такого вмешательства, а также о его путях и методах. Среди основных аспектов исследования выделяются рассмотрение деятельности региональных финансовых органов, влияние социально-экономических и политических процессов на их деятельность и т.д.

Вместе с тем, опубликованные на сегодняшний день работы освещают данные проблемы недостаточно полно, некоторые аспекты, в частности связанные с проведением политики государственного регулирования экономики на региональном уровне, не подвергались должному изучению. К тому же, обобщающего исследования, посвященного финансовой политике органов местной власти Среднего Поволжья в период подготовки и проведения денежной реформы 1922-1924 гг., еще не было.

Актуальность и научная значимость этой темы, а также ее недостаточная разработанность определили цели и задачи исследования.

Цели и задачи исследования. В диссертации предпринимается попытка комплексного исследования финансовой политики органов местной власти

Среднего Поволжья в период подготовки и проведения денежной реформы 1922-1924 гг. При этом ставятся следующие задачи:

- проанализировать социально-экономическое положение губерний Среднего Поволжья в первой половине 1920-х гг., выявить взаимосвязь экономических процессов и финансового состояния региональной экономики в рассматриваемый период;
- определить и исследовать этапы, способы проведения и региональные особенности денежной реформы в Среднем Поволжье;
- рассмотреть механизм и определить методы государственного регулирования экономики региона;
- выявить особенности проведения финансово-экономических преобразований в различных губерниях Среднего Поволжья, установить причины различий;
- показать развитие бюджетной, налоговой и кредитной систем в губерниях региона, установить взаимосвязь этих систем;
- определить результаты и последствия финансовых преобразований в Среднем Поволжье, сравнить их с общесоюзными данными.

Объектом исследования являются финансово-экономические преобразования на территории Среднего Поволжья в первой половине 1920-х годов. **Предметом исследования** является финансовая политика региональных органов власти в рамках проведения финансовой реформы 1922-1924 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1925 годы, то есть время подготовки и проведения денежной реформы, а также период закрепления ее результатов. Более широкие временные границы исследования обусловлены тем, что в Среднем Поволжье реформа началась несколько позднее, чем в целом по стране (с начала 1923 г.), а закрепление результатов реформы совпало с периодом преодоления последствий неурожая 1924 г. Такое расширение хронологических рамок дает возможность проследить в динамике разработку и проведение финансовых преобразований

на региональном уровне с момента провозглашения нэпа. Это позволяет наиболее полно проанализировать практическую деятельность региональных финансовых и государственных органов, выявить общие черты и особенности реформы в регионе в сравнении с общегосударственными показателями.

Территориальные рамки исследования охватывают три губернии Среднего Поволжья: Самарскую (бывшую в 1920-е гг. наиболее развитой в индустриальном отношении), Пензенскую (занимавшую промежуточное положение), Симбирскую (имевшую наименьший уровень индустриального развития).

Источниковая база исследования. Изучение проблемы выявило необходимость глубокого анализа широкого круга как опубликованных материалов, так и архивных источников. Среди них одно из ведущих мест занимают статьи и выступления руководителей РКП(б) и государственных деятелей (В.И. Ленина, Г.Я. Сокольникова), а также региональных партийных лидеров и руководителей местных органов власти. Эти документы показывают как официальную, так и неофициальную позицию этих деятелей по основным проблемам проводимой финансовой политики.

Отдельный комплекс документов составляют стенографические отчеты и материалы региональных партийных конференций, съездов Советов, совещаний финансовых работников, губернских экономических совещаний. Именно на этих форумах непосредственно обсуждались вопросы финансовой политики региональных ведомств.

К данной группе источников примыкают отчеты, докладные записки и информационные сообщения, посылавшиеся региональными органами власти в центральные государственные и партийные ведомства. В них деятельность региональных органов освещается по неофициальным каналам, что позволяет представить более полную картину происходивших процессов.

Самостоятельный комплекс источников представляют статистические сборники и ежегодники, выходившие во всех губерниях Среднего Поволжья. В

них помещены данные об экономическом положении различных губерний региона, о развитии хозяйства, о различных направлениях бюджетной работы финансовых органов и о динамике налоговых поступлений, о кредитных организациях Среднего Поволжья. Данные источники позволяют сравнить финансово-экономическое положение различных губерний, выявить общее и особенное.

Особым источником для изучения исследуемой темы является региональная периодическая печать: газеты «Заря», «Экономический путь», «Пролетарский путь»(Симбирск), «Коммуна»(Самара), «Трудовая правда» (Пенза) и журнал «Под знаменем ленинизма»(Пенза). Периодические издания отражают как позицию официальных властей губерний Среднего Поволжья, так и обмен мнений по различным экономическим и связанные с ними социальным вопросам жизни региона.

Опубликованные материалы позволяют достаточно полно ознакомиться с положением дел в финансовой сфере средневожских губерний. Особенно разнообразны эти источники по Самарской губернии, где публиковались все отчеты о работе сессий губисполкома, губэкосо и губернских съездов Советов. Данные этих источников зачастую дублируют аналогичные архивные документы, что позволяет оптимизировать работу исследователя. Тем не менее, анализ современной историографической ситуации диктует настоятельную необходимость активно использовать архивные материалы, без которых невозможно всестороннее изучение финансово-экономических преобразований на региональном уровне.

Для данного исследования привлекался широкий круг документальных источников. Многие из них находятся в составе Российского Государственного архива экономики (РГАЭ): фонд Наркомата финансов (Ф.7733) и фонд Центрального Статистического управления (Ф.1562). Материалы этих фондов позволяют проследить отношения центральных и региональных финансовых ведомств, выявить общие черты и особенности в понимании происходивших финансово-экономических процессов на региональном уровне, показать

проведение финансовых преобразований глазами руководителей финансовых ведомств региона.

Интересная информация о практической реализации финансовой политики нэпа в Среднем Поволжье содержится в фонде Центрального Комитета РСДРП(б)–РКП(б)– ВКП(б) (Ф.17), хранящемся в Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Анализ этих документов позволяет показать точку зрения региональной партийной элиты на происходившие процессы и события, проследить динамику восприятия финансовых мероприятий нэпа региональными партийными организациями и массой партработников.

В работе используются также материалы региональных архивов: фонд Пензенского губисполкома (Ф.р-2), фонд Пензенского губфинотдела (Ф.р-313), фонд Пензенского Общества сельхозкредита(Ф.р-377), находящиеся в Государственном архиве Пензенской области(ГАПО); фонд Самарского губисполкома(Ф.81), фонд Самарского губфинотдела (Ф.р-142) в Государственном архиве Самарской области (ГАСО); фонд Финансового отдела Симбирского губисполкома (Ф.р-183), фонд Ульяновского отделения Госбанка СССР (Ф.р-573), фонд Ульяновской губернской плановой комиссии (Ф.р-334), хранящиеся в Государственном архиве Ульяновской области (ГАУО). Использование информации этих архивов дает возможность определить реакцию местных властей и финансовых ведомств на проводимую финансовую политику, выделить общие черты и различия в проведении финансовых преобразований в отдельных губерниях региона, выяснить причины этих различий и показать их влияние на социально-экономические процессы в регионе.

Таким образом, источниковую базу исследования составили разнообразные материалы, всестороннее изучение которых позволяет раскрыть данную тему.

Методологической основой исследования является принцип историзма, включающий в себя объективный отбор фактов, анализ конкретной

исторической ситуации, исследование явлений и процессов в их становлении и развитии, в органической связи с порождающими их условиями, на фоне изучения глубинных тенденций, преобладающих в данный период.

Научная новизна исследования состоит в разработке на материалах Среднего Поволжья регионального аспекта проведения финансовой реформы периода нэпа. Большое внимание при этом уделено региональным особенностям осуществления политики государственного регулирования экономики, выявлены основные методы этого регулирования в условиях преодоления последствий кризиса 1923 г. и неурожая 1924 г. Проведен подробный анализ бюджетной и налоговой политики, а также состояния кредитно-финансовой системы в губерниях региона. Впервые дается сравнительный анализ финансово-экономических преобразований в различных губерниях края. При этом в диссертации используются ранее неизвестные архивные документы, которые вводятся тем самым в научный оборот.

Структурно исследование состоит из введения, трех глав, заключения, приложений, списка источников и литературы.

Глава 1

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГУБЕРНИЙ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПРИ ПЕРЕХОДЕ К НЭПУ

Социально-экономическое положение губерний Среднего Поволжья при переходе к нэпу уже не раз становилось предметом научного анализа различных исследователей. Данные о нем фиксировались еще в 1920-е годы в многочисленных документах как республиканских, так и региональных партийно-хозяйственных органов. Анализировался статус Среднего Поволжья как аграрного региона со слаборазвитой промышленностью, отмечалось влияние неурожая и голода 1921 г. на социально-экономическую ситуацию в Поволжье. Например, в экономическом обзоре Пензенской губернии за 1922/23 бюджетный год, составленном в губернском финотделе, подчеркивается «зависимость развития торговли и промышленности от благосостояния сельского хозяйства. А так как последнее отличается крайней бедностью, то это уже само по себе предопределяет жалкое положение торгово-промышленной жизни губернии, перерабатывающей на своих фабриках продукты крайне скудного по производительности сельского хозяйства и ведущей торговлю среди земледельцев, с трудом добывающих средства лишь на свое пропитание и на несение необходимых государственных повинностей.»³¹ Аналогичные оценки состояния экономики средне-волжских губерний в этот период содержатся и в более поздних публикациях, освещающих историю региональных партийных организаций, а также в очерках региональной истории Среднего Поволжья³². В целом, в научных трудах данного направления

³¹ ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.249.

³² См. Поддубная Р.П. В борьбе за единство. – Куйбышев, 1971; Самарская летопись. Очерки истории Самарского края. – Кн.3.- Самара, 1997; Очерки истории Пензенской организации КПСС. – Саратов, 1983 и т.д.

содержится ряд безусловно ценных фактов и положений. Однако в основу системного анализа экономических проблем этого периода положен принцип их рассмотрения по отдельным отраслям хозяйства региона. Это, конечно, позволяет более детально показать динамику и тенденции развития той или иной отрасли. Однако, с другой стороны, при таком «отраслевом» принципе анализа из поля зрения исследователей выпадает тот «общий знаменатель», который является связующим звеном между всеми отраслями экономики. Иными словами, при наличии глубокого детального анализа у ряда исследователей слабо решается проблема синтеза полученного знания. На наш взгляд, основой такого синтеза может стать рассмотрение финансовых проблем новой экономической политики в тесной связи с изучением развития отдельных отраслей народного хозяйства. Данная концепция характерна для ряда авторов публикаций самого последнего времени (Н.С. Симонов, А.С. Соколов и др.³³). Однако их труды касаются финансово-экономических проблем страны в целом. Региональные материалы если и привлекаются, то лишь в качестве иллюстративных примеров, не имея самостоятельного значения. Так, в работе Соколова используются данные из архивов Рязанской губернии. Что же касается трудов исследователей по экономической истории Среднего Поволжья периода нэпа, то в них означенный взгляд характерен лишь для отдельных авторов.³⁴

Такой подход ставит перед исследователем ряд самостоятельных проблем. Прежде всего, необходимо рассмотреть общее социально-экономическое положение губерний Среднего Поволжья при переходе к нэпу, уделив особое внимание финансовым аспектам неурожая и голода 1921 г.

³³ Симонов Н.С. Советская финансовая политика в условиях нэпа (1921-1927). История СССР. 1990. №5; Соколов А.С. Из истории становления и развития финансовой системы России в период новой экономической политики. М., 1998.

³⁴ См. Чуканов И.А. Кредитно-финансовая политика местных органов власти Среднего Поволжья (ноябрь 1917-1931 гг.). – Ульяновск, 2000.

Далее следует проанализировать проблему так называемого «денежного голода», его причины и последствия. В связи с этим нужно обратить внимание на состояние денежного обращения в губерниях Среднего Поволжья в начале 1920-х годов, попытаться установить количество денег у населения (в целом) и количество различных образцов денежных знаков, то есть проанализировать структуру денежного обращения в губерниях Среднего Поволжья. В рамках изучения подготовительного периода денежной реформы необходимо рассмотреть первоначальные мероприятия в области финансовой политики в 1921-1922 гг., в том числе меры по оживлению товарооборота в средне-волжских губерниях, мероприятия, направленные на реорганизацию регионального финансового аппарата. Завершить рассмотрение этого периода следует выявлением тех проблем, которые были поставлены перед финансовыми органами на этом этапе финансовой реформы и к решению которых финансовые органы приступили в период проведения реформы. Данным вопросам посвящена первая глава нашей работы.

1.1. Экономика и финансы средне-волжских губерний в начале 1920-х гг.

Среднее Поволжье, являясь одним из важнейших регионов нашей страны, испытало все социально-экономические потрясения, выпавшие на долю России в период революции и гражданской войны. Экономическое положение средне-волжских губерний в начале 20-х годов XX века определялось этими историческими условиями, а также особенностями их хозяйства и социальной структуры населения.

Среднее Поволжье было земледельческим районом страны со слабо-развитой промышленностью. К началу 1923 г. в Пензенской губернии, например, рабочие составляли всего 3,85% к общему числу взрослого населения. Значительная часть рабочих и служащих не порвала с сельским хозяйством. Аналогичное положение было и в Симбирской губернии, где 90%

населения составляло крестьянство.³⁵ «Индустриальных рабочих в городе чрезвычайно немного и почти все они разрознены по мелким предприятиям».³⁶ Несколько лучше было положение в Самарской губернии, но и здесь промышленность давала всего 10% продукции, производимой в губернии.³⁷

Структура населения Среднего Поволжья в первые постреволюционные годы отличалась чрезвычайной социальной мобильностью и пестротой. «Революция перепутала карты. Нередки случаи, когда помещик занимается извозным промыслом, чиновник сделался садоводом или огородником, купец - чиновником, ремесленник - торговцем, рабочий - ремесленником, и только крестьянин тверже других задержался на своих позициях».³⁸

Гражданская война и политика «военного коммунизма» имели катастрофические последствия для экономики средне-волжских губерний. За годы гражданской войны свернулось производство на многих фабриках и заводах. В Самарской губернии работало лишь две трети крупных предприятий, но и они давали только 12% довоенного выпуска продукции. На крупнейшем в Самаре Трубочном заводе, где до Октябрьской революции числилось около 30 тысяч рабочих, в 1921 г. осталось всего 500 человек. Большинство цехов стояло.³⁹

Тяжелое положение сложилось на транспорте. Разрушен был целый ряд железнодорожных линий, повреждены шоссейные дороги, связывающие города Среднего Поволжья; сожжены и разрушены были большая часть подвижного состава железнодорожного транспорта, многие склады и станционные здания; выведены из строя телеграфная и телефонная сеть. Разруха в промышленности, на транспорте приводила к резкому сокращению числа занятых рабочих.

³⁵ Поддубная Р.П. Указ. соч. С.11.

³⁶ Весь Симбирск. – Симбирск, 1923. С.3.

³⁷ Поддубная Р.П. Указ. соч. С.11

³⁸ Весь Симбирск. С. 3.

³⁹ Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. – Куйбышев,

Рабочий класс расплылся, часть рабочих уходила в деревню.

В плачевном состоянии находилось и сельское хозяйство средне-волжских губерний. Если в целом по стране продукция сельского хозяйства составила в 1920 г. половину к уровню 1913 г., то в Поволжье она была еще меньше. В Самарской губернии валовой урожай зерновых уменьшился до 20,1 млн. пудов по сравнению со 146,4 млн. пудов в 1913 г., то есть более чем в семь раз».⁴⁰ В Пензенской губернии к весне 1921 г. яровой клин сократился по сравнению с 1917 г. на 40%, озимый - на 13%, количество лошадей уменьшилось на 33,4%, рогатого скота - на 50%.⁴¹ В сельском хозяйстве не хватало рабочих рук, тягловой силы, сельхозинвентаря.

Еще более усугубил и без того тяжелое положение средне-волжского региона неурожай и голод 1921 г. Посевные площади в 14 голодающих губерниях сократились на 50%, а поголовье рабочего и крупного рогатого скота только в Самарской губернии уменьшилось на 60%.⁴² Уже к осени 1921 г. в губерниях, полностью пораженных засухой, голодало свыше 23 млн. человек. Неурожай и голод почти полностью охватили Самарскую и Симбирскую губернии, где от голода пострадали соответственно 2,5 млн.⁴³ и 1,4 млн. человек⁴⁴, а также Городищенский, Саранский, Краснослободский и Наровчатский уезды Пензенской губернии. В Самарской губернии за 4 месяца от голода и болезней умерло почти 15 тысяч человек.⁴⁵

1983. С.97.

⁴⁰ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Выпуск 1. – Самара, 1924. С.155.

⁴¹ Трудовая правда. - 1922 г. – 20-22 июня.

⁴² См. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф.644. Д.1472. Л.10.

⁴³ Известия Самарского Губсоюза. – Самара, 1922. С.1.

⁴⁴ Отчёт Симбирского Губернского экономического совещания №2. Октябрь 1921 – март 1922 г. – Симбирск, 1922. С.7.

⁴⁵ Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. - С.101.

Фантастически подскочили цены на все съестное. В октябре 1921 г. в Самаре за пуд ржи платили 221250 руб., а в марте 1922 г. уже более 3 млн. Цены на ржаную муку за это время выросли в 15 раз. Фунт ржаного хлеба весной 1922 г. стоил 68 тыс. руб., а за фунт пшеничного хлеба платили 132500 руб. За зиму в 20 раз подорожал картофель.⁴⁶ В то же время в Симбирске 1 января 1921 г. пуд ржаной муки стоил 48125 руб., 1 октября – уже 192 тыс. руб., а 1 декабря – 322,5 тыс. руб., картофель стоил соответственно 5900 руб., 32 тыс. руб. и 77,5 тыс. руб. В два раза за это время повысилась цена сливочного масла и 8,5 раз – на мясо.⁴⁷ В Пензе с января по октябрь 1921 г. картофель подорожал в 6 раз, масло сливочное – в 6,5 раз, мясо – почти в 10 раз.⁴⁸

Голод и его последствия обострили социальную ситуацию в Среднем Поволжье. Повсюду росло разочарование в политике Советской власти и правящей партии. Информационные сводки ОГПУ отмечали тяжелое материальное положение рабочих и служащих. Например, из Самарской губернии сообщали, что среди населения в связи с голодом и недостатком дензнаков ведется антисоветская агитация. Крестьянство потеряло веру в улучшение своего положения. Отношение к компартии и Советской власти враждебное.⁴⁹ Информационное сообщение Пензенского губкома РКП(б) от 21 апреля 1921 г. констатировало начавшийся массовый выход населения из партии в связи с тяжелым материальным положением.⁵⁰ Тогда же информационный доклад о

⁴⁶ Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. – С.101.

⁴⁷ Отчёт Симбирского Губернского экономического совещания на 1 октября 1921 г. – Симбирск, 1921. С. 13-15; Экономический путь. 7 декабря 1921 г.

⁴⁸ Вычислено по: Статистический ежегодник. 1918-1921 гг. Выпуск 2. – М., 1921. С. 102-104, 105-106, 109-112; ГАПО. Ф.р-2. Оп.1. Д.166. Л.483.

⁴⁹ Соколов А.С. Из истории становления и развития финансовой системы России в период новой экономической политики. – М., 1998. С. 18.

⁵⁰ Российский Государственный архив социально-политической истории

положении дел в Симбирской парторганизации сообщал о том, что «голод, поразивший губернию, застал ... весь аппарат власти неподготовленным. Растерянность, граничащая с паникой, ослабление партийной работы, упадок энергии, рост расхлябанности среди власти повлекли за собой анархические попытки масс спастись поодиночке и стихийным переселением среди крестьян, забастовки на заводах и т.п.». ⁵¹

Для борьбы с голодом были приняты чрезвычайные меры. Правительство пересмотрело смету денежных ассигнований и увеличило финансовую помощь голодающим губерниям. Наркомфин выделил за год для голодающих территорий дополнительно сотни миллиардов рублей. Расходы наркоматов на борьбу с голодом увеличились с июля по декабрь 1921 г. в 15 раз. ⁵²

Столь катастрофическое социально-экономическое положение накладывало свой отпечаток и на состояние финансовой сферы в губерниях Среднего Поволжья. Экономика и финансы в этом регионе, так же как и в целом по стране, переплетались в довольно сложный клубок взаимосвязанных проблем, поэтому решать их можно было только комплексно. Однако понимание этого пришло не сразу. Первоначально в мышлении многих руководящих работников губерний Среднего Поволжья преобладали настроения времен «военного коммунизма», и возникшие сложности предлагалось решать паллиативными мерами.

Так серьезной проблемой в начальный период нэпа стала нехватка денежных средств в кассах предприятий и учреждений, острый «денежный голод», начавшийся уже с первых месяцев новой экономической политики. Легализовавшийся в это время свободный рынок быстро вышел за рамки местного оборота и противопоставил натуральным формам товарообмена

(РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 11. Д. 78. Л. 42.

⁵¹ Там же. Ф.17. Оп.12. Д.508. Л.36.

⁵² Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921-1922). – Красноярск, 1988. С. 173.

денежные. Как только появился рынок, на котором можно было сравнительно свободно покупать товары, среди населения сразу же увеличился спрос на деньги. Так летом 1921 г. в докладе заведующего Симбирского губфинотдела сообщалось о том, что «натурального товарообмена на базаре не производится. В виде опыта был приспособлен особый павильон для натурального товарообмена, но положительных результатов не получилось».⁵³ Поэтому уже в марте 1921 г. приказом Симбирского Исполнительного комитета Советов разрешалась «свободная торговля ненормированными продуктами» и изделиями кустарных промыслов, а органам правопорядка запрещалось «отбирать, конфисковать и реквизи́ровать ненормированные продукты на рынке».⁵⁴ Аналогичные приказы были изданы и в Самарской губернии.⁵⁵ Таким образом, если на введение разверстки и запрет свободной торговли в период «военного коммунизма» мелкие производители ответили натурализацией отношений обмена, обесценившей денежные знаки, то с введением продналога и снятием ограничений с частного обмена они стали использовать эти денежные знаки в обороте.

Возрождающийся торгово-промышленный оборот настойчиво требовал денег, между тем как постоянное и стремительное обесценение рубля приводило к острой нехватке денежных средств. Испытанный в годы гражданской войны способ – эмиссия совзнаков – уже не оправдывал себя, так как темп роста цен был выше темпа эмиссии. Так, с декабря 1921 г. по март 1922 г. ежемесячный рост эмиссии составлял в среднем 69%, а рост цен по стране – 102%, то есть цены росли ежедневно в среднем на 3,4% или на 48% быстрее эмиссии.⁵⁶ В этих условиях губернские финансовые органы все настойчивее

⁵³ Российский Государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.7733.Оп.1. Д.2010. Л.16 об.

⁵⁴ Заря. – 1921 – 29 марта.

⁵⁵ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.25. Л.59;75

⁵⁶ Атлас З.В. Социалистическая денежная система. – М., 1969. С.207.

добивались увеличения отпуска денежных знаков из центра.

Симбирский Губфинотдел сообщал, что из-за недостатка средств дело доходило до того, что в марте 1921 г. касса ГФО работала всего лишь одну неделю, остальное время оставаясь пустой. Удовлетворялись только крайне неотложные потребности ударных учреждений, и то далеко не в полном объеме.⁵⁷ В это время месячная норма дензнаков для Симбирской губернии была определена центром в 1,5 млрд. руб., между тем как требовалось 4-5 млрд. Сумма высылаемых центром дензнаков составляла лишь 40% действительной потребности учреждений.⁵⁸ В это же время Самарское губернское экономическое совещание констатировало, что количество получаемых из центра денежных подкреплений совершенно не отвечает текущей в них потребности.⁵⁹ С января по сентябрь 1921 г. финансовыми учреждениями Самары было получено из центра 52282,5 млн. руб., за это же время было выдано из касс Губфинотдела 61144,1 млн. руб.⁶⁰ В Пензенской губернии потребность в денежных средствах была определена местными финансовыми органами в сумме 1969 млрд. руб. (в дензнаках до 1922 г. выпуска), из центра же было получено только 438 млрд. руб., что составляло примерно лишь 20% испрашиваемой суммы. «Сопоставление этих цифр ясно свидетельствует о том, что открытых кредитов совершенно недостаточно».⁶¹

Отдельные учреждения шли еще дальше в своих требованиях денежных средств. Так, Самарское Губернское управление местного транспорта исчислило свои потребности за август 1921 г. в сумме 436867 млн. руб. (в это

⁵⁷ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.2010. Л.4.

⁵⁸ Отчёт Симбирского Губернского экономического совещания на 1 октября 1921 г. – Финансы – С.1-2.

⁵⁹ Отчёт Самарского Губернского Экономического совещания. Выпуск 1. – Самара, 1921. С.125

⁶⁰ Там же. С. 126.

⁶¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф.р-313. Оп.8. Д.40. Л.87-88.

время на всю Самарскую губернию было получено из центра всего 17500 млн. руб.). «При таком легком обращении с цифрами никакая фабрика госзнаков не в состоянии, конечно, ответить на все запросы, не говоря уже о том, как выполнение подобных требований должно отразиться на общем состоянии государственных финансов», - с некоторой растерянностью замечалось в отчете Самарского Губэкосо.⁶²

Разумеется, имелись объективные причины столь «неумеренных аппетитов» местных учреждений и ведомств. «Несомненно, громаднейшее значение в смысле усиления бумажно-денежной эмиссии сыграло то обстоятельство, что с началом новой экономической политики целый ряд государственных учреждений и предприятий перешли на хозяйственный расчет и что на вольном рынке стали приобретаться те изделия и предметы, которые до тех пор предоставлялись государственным предприятиям и учреждениям в порядке распределения».⁶³ Кроме того, в условиях сильной галопирующей инфляции все предприятия и учреждения стремились повысить зарплату своих сотрудников, чтобы хоть ненамного приблизить ее к прожиточному минимуму. Следует отметить, что этот показатель постоянно рос и, например, в Самаре в сентябре 1922 г. он составлял 1 млн. руб. в месяц на человека.⁶⁴

Нехватка денег и недостаточное финансирование региональных нужд из центра заставляло предприятия прибегать к так называемому «разбазариванию продукции», то есть продаже ее ниже себестоимости, либо продаже запасов сырья и материалов. В этих условиях Ленин в письме к Троцкому в сентябре 1921 г. подчеркивал: «Вопль о неимении денег всеобщий, универсальный... Везде на местах бешено (так говорят) распродают все, пускают в продажу все возможное и невозможное... Где деньги? Мы опаздываем. Волна торговли

⁶² Отчёт Самарского Губернского экономического совещания. Выпуск 1. – С.126

⁶³ Народное хозяйство России за 1921-1922 гг. – М., 1923. С.229.

⁶⁴ РГАЭ, Ф.7733. Оп.1. Д.589 Л.237 об.

сильнее нас».⁶⁵

О таком же положении дел сообщалось и в отчете Самарского губэконосо за 1921 год. Самарские предприятия в этот период стремились использовать в своих интересах и ассигнования, полученные из центра, и укрытую от налогов прибыль. В основном эти средства шли на увеличение зарплаты рабочих и администрации предприятий. «Таким образом нарушается единство бюджета, государство не только лишается соответствующих кассовых поступлений, но не в состоянии даже учесть фискального значения этой меры [перевода предприятий на хозрасчёт]», – замечалось в отчете.⁶⁶

Очень серьезную статью государственных и местных расходов в этот период составляли мероприятия по борьбе с голодом. Крестьяне Самарской и Симбирской губерний полностью были освобождены от уплаты продналога. Продналог был также полностью снят с девяти волостей Городищенского и многих волостей Саранского уездов Пензенской губернии, а для ряда других уездов значительно сокращен.⁶⁷ Государство оказывало и материальную помощь пострадавшим губерниям. Самарская губерния получила в 1921-1922 гг. безвозвратно почти 4,5 млн. пудов семенных ссуд. Льготы по продналогу составили 16,6 млн. пудов зерна.⁶⁸ Крестьянам выдавались денежные ссуды под обязательство не продавать сельхозинвентарь. Для голодающего населения Пензенской губернии правительство выделило 5800 тыс. руб. и 12 тыс. пудов хлеба, около 20 тыс. пудов картофеля и других продуктов. Для обсеменения полей в весеннюю посевную кампанию 1922 г. было отпущено еще 45 тыс. пудов безвозвратной семенной ссуды.⁶⁹

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.53. С.234.

⁶⁶ Отчёт Самарского Губернского экономсовета. Выпуск 1. – С.130.

⁶⁷ Килеева А.И. Пензенская партийная организация в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.). – Пенза, 1961. С. 17.

⁶⁸ XI Самарский Губернский съезд Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Стенографический отчёт. – Самара, 1924. С.7.

⁶⁹ Трудовая правда. - 1925 г. – 25 августа

Следует отметить, что голод и тяжелое материальное положение сказались на всех категориях населения Среднего Поволжья, в том числе и на финансовых работниках. Архивные документы этого периода передают поистине ужасающую картину их положения.

Если в декабре 1920 г. партийные органы, отмечая «продовольственную разруху» в Пензенской губернии, сообщали, что население получает 15 фунтов хлеба в месяц (губерния, кстати, тогда занимала третье место в стране по процентному выполнению продразверстки)⁷⁰, то в 1921 г. в связи с голодом эта норма еще более сократилась. В апреле 1922 г. служащие Симбирского Губфинотдела получали в виде натурального пайкового довольствия в среднем 30 фунтов муки в месяц, денежного довольствия на каждого в среднем 800 тыс. руб. В то же время рыночная стоимость пуда муки составляла 10 млн. руб., а фунта масла - 1 млн. руб.⁷¹ В Самаре в сентябре 1921 г. прожиточный минимум был настолько высок, а вознаграждение за труд настолько мизерно, что даже «увеличение ставок служащих до 40-кратного размена оказалось слишком далеко от необходимого прожиточного минимума»⁷².

Согласно «Секретной записке заведующего Симбирского Губфинотдела в Организационно-инструкторское управление Наркомфина», датированной сентябрем 1921 г., «губернские и уездные финотделы отнесены – по снабжению пайками ответственных работников – к последней категории и сотрудники этих Отделов, как неударных, абсолютно никаким пайком не пользуются; поэтому, оставаясь совершенно без всяких средств к существованию, они почти нищенствуют. Некоторых из них... нередко встречают в роли собирающих милостыню, других приходится отправлять в беспомощном виде в больницы:

⁷⁰ РГАСПИ. Ф.17. ОП.12. Д.367. Л.74.

⁷¹ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.5328. Л.25.

⁷² РГАЭ. Ф.1562. Оп.2. Д.417. Л.36.

они страдают от паразитов и пухнут с голоду...»⁷³ Это сообщение дополняет доклад Саранского уфинотдела Пензенской губернии за май 1922 г., в котором говорится о том, что из-за сложного материального положения «служащим приходится заботиться более об изыскании способов к пропитанию, чем о служебных обязанностях, что вызывается неаккуратной выдачей продовольственного пайка, да еще в уменьшенной норме, а также необеспеченностью денежным содержанием».⁷⁴

(Здесь уместно будет заметить, что такое положение дел, помимо всего прочего, свидетельствует о моральном облике финансовых работников того времени, которые в тех крайне тяжелых условиях, даже имея дело с немалыми материальными ценностями, не стремились облегчить себе жизнь за счет государственной казны. Как говорил заведующий Пензенского Губфинотдела И.В. Валентинов, «я удивляюсь их стойкости, действительно, аппарат состоит из самоотверженных людей, они голодают, бедствуют... Необходимо срочно обратить внимание на тяжелое материальное положение финработников».⁷⁵)

В этих условиях попытки правительства сократить расходы в бюджете путем задержки выплаты жалованья вызвали резкое недовольство среди населения. Повсюду образовалась огромная задолженность по выдаче заработной платы. В Симбирской губернии эта задолженность к 1 октября 1921 г. равнялась 3725 млн. руб.⁷⁶ В Пензенской губернии задолженность по заработной плате была подсчитана только по двум учреждениям. В Губпродкоме сумма задержанной зарплаты на 1 апреля 1922 г. равнялась 10 млрд. руб., а в Губземуправлении - 33,6 млрд. руб.⁷⁷ В Самарской губернии

⁷³ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.2010. Л.39-39 об.

⁷⁴ ГАПО. Ф.р-313. Оп. 8. Д.11. Л.33.

⁷⁵ Там же. Д. 19. Л.26.

⁷⁶ Отчёт Симбирского Губернского экономсовещания на 1 октября 1921 г. Финансы. – С.3.

⁷⁷ Пензенское Губернское экономсовещание. Отчёт ... за период с 1

сумму задолженности не могли определить даже приблизительно.⁷⁸ Из-за задержек в выдаче зарплаты вспыхивали забастовки. В 1921 г. на территории Среднего Поволжья было отмечено 41 забастовка, в 1922 г. – 35 забастовок.⁷⁹ Порой протестные настроения принимали экстремистские формы. В Самаре и губернии в связи с ростом бандитизма в 1921 г. даже было введено военное положение, действовавшее до октября 1922 г.⁸⁰

Таким образом, к осени 1921 г., когда определились размеры неурожая и цены на продовольствие пошли круто вверх, а процесс реорганизации производственного аппарата в промышленности и региональных управленческих структур требовал крупных ассигнований из бюджета, Наркомфин был вынужден произвести колоссальный «нажим на печатный станок».

Оценивая финансово-экономическое положение губерний Среднего Поволжья и страны в целом в рассматриваемый период, необходимо отметить, что с появлением свободного рынка растущий товарооборот увеличил потребность в денежных средствах. Но в то же время быстрый рост цен обгонял эмиссию денежных знаков. Это приводило к обесценению рубля, что в свою очередь замедляло рост производства, отрицательно сказывалось на доходах населения. Все это происходило на фоне постигшего Среднее Поволжье неурожая, который еще более усугубил социально-экономическую обстановку в регионе и наложил свой отпечаток на состояние финансовой сферы. В создавшихся условиях вопрос о состоянии финансов и о работе финансовых

октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. – Пенза, 1922. С.246.

⁷⁸ Отчёт Самарского Губернского экономсовета. Выпуск 1. – С.131.

⁷⁹ Камардин И.Н. Особенности забастовок в Среднем Поволжье в 1918-1929 годах. //Исторические записки Пензенского государственного педагогического университета. Выпуск 4. – Пенза, 2000. С. 163.

⁸⁰ Доклад Самарского Губисполкома 9-го созыва о политическом и экономическом состоянии и о проделанной работе за год – 10-му Губернскому съезду Советов. Самара, 1922. С.40.

органов в губерниях Среднего Поволжья занимал одно из важнейших мест в политике центральных и местных властей.

1.2. Состояние денежного обращения в губерниях региона.

Реорганизация регионального финансового аппарата

Тяжелое финансово-экономическое состояние страны непосредственно отражалось в сфере денежного обращения. Положение в этой сфере после окончания гражданской войны было близко к катастрофическому. Денежное обращение, базировавшееся на функционировании различных видов денежных знаков, обесценение рубля препятствовали налаживанию товарного и денежного рынков, необходимых для скорейшего восстановления народного хозяйства. Денежная эмиссия росла невиданными темпами. За 1921/22 г. было выпущено почти в 240 раз больше дензнаков, чем за 1920/21 г.⁸¹, а всего в 1917-1922 гг. бумажная денежная масса увеличилась в 54370 раз.⁸² Инфляция подрывала заинтересованность трудящихся в результатах своего труда. Это останавливало повышение производительности труда в промышленности, тормозило проведение курса на резкое повышение товарности сельского хозяйства, без чего трудно было восстановить промышленность и решить продовольственную проблему в стране.

Все это подталкивало население и товаропроизводителей к натурализации отношений обмена, что еще более обесценивало находившуюся в обращении денежную массу. По этой причине в конце 1920 г. вслед за приостановкой взимания денежных налогов почти полностью была натурализована оплата труда рабочих и служащих. В 1919-1920 гг. отношения натурального продуктообмена, регулируемые ордерами и карточками административно-хозяйственных и плановых органов, сделали излишним финансирование промышленности и транспорта через Народный банк, который

⁸¹ Народное хозяйство России за 1921-1922 г. – С.229.

прекратил свои операции на основании постановления Совнаркома от 19 января 1920 г.⁸³

Подобные процессы происходили и на региональном уровне. Примерно в это же время заведующий Самарского губфинотдела В. Гроссман в своем «Обзоре деятельности финансовых учреждений Самарской губернии с Октябрьской революции по 1 апреля 1921 г.» ратовал за упразднение денежного исчисления государственных доходов и за переход к безденежному обмену материальных ценностей на основе «материального бюджета». При этом отдельные ведомства и учреждения должны были бы, по его мнению, обращаться за получением нужных им товаров «к определенному снабжающему учреждению, с которым и расплачиваются за поставленные им вещи посредством перечисления покупной цены на соответствующие подразделения доходной сметы государства».⁸⁴ Переход к «материальному бюджету» рассматривался как один из возможных путей осуществления коммунистических идей, как это представлялось в период «военного коммунизма»: «Как бы мы ни цеплялись за деньги, какой бы консерватизм ни проявляли в этом вопросе, материальный бюджет будущего есть явление неизбежное, есть прямой логический вывод из всех хозяйственно-экономических предпосылок Советского строя, и если сейчас рано еще говорить о полном водворении коммунизма, то вопрос о материальном бюджете все более и более выпукло вырисовывается в дымке тумана слабого человеческого предвидения... Необходимо сделать лишь последний шаг, заключающийся в уничтожении расходов прямых и замене в расходах оборотных цифр денежных знаков перечнем материальных ценностей, и перед

⁸² Новейшая история Отечества. XX век. – М., 1998. С.384.

⁸³ Симонов Н.С. Советская финансовая политика в условиях нэпа (1921-1922 гг.). // История СССР – 1990. - №5. С.43.

⁸⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д.1934. Л.211.

нами материальный бюджет в чистом его виде...»⁸⁵

Надо сказать, что упразднение денег было поставлено целью в программе Коммунистической партии, принятой в марте 1919 г. Здесь отмечалось, что, хотя пока это не представляется осуществимым, партия рекомендует ряд мер, расширяющих область безденежных расчетов и подготавливающих уничтожение денег.⁸⁶ В феврале 1920 г. наиболее активные приверженцы идей «военного коммунизма» подготовили проект резолюции предстоящего съезда Советов, провозглашающего официальную отмену денег. Год спустя, в феврале 1921 г., был полностью подготовлен декрет, который, будь он подписан, создал бы прецедент отмены налогов.⁸⁷ Но ему не суждено было увидеть свет, потому что уже в следующем месяце в связи с переходом к нэпу правительство предприняло шаги, направленные на возрождение финансовой ответственности.

Расстройство финансов к этому времени, как отмечалось, достигло критической отметки. Финансовый кризис в тот период выражался и в том, что в условиях резкого обесценения совзнаков и нехватки денежных средств у предприятий и населения («денежного голода») в денежном обращении одновременно участвовали дензнаки различных выпусков, а также золотая монета и иностранная валюта. Доклад Расчетно-кассового подотдела Пензенского ГФО в июне 1922 г. сообщал, что «в настоящее время в обращении у населения находятся разные денежные знаки в количестве более 50 образцов, считая в том числе керенские и романовские, такая масса разновидностей знаков крайне обременительна для кассового персонала».⁸⁸ Из Краснослободского уфинотдела Пензенской губернии в это же время сообщали

⁸⁵ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.1934. Л.212.

⁸⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2 – М., 1983. С.89.

⁸⁷ Соколов А.С. Указ. соч. С.6.

⁸⁸ ГАПО. Ф.р.-313. Оп.8. Д.40. Л.105.

о том, что «происходит скупка золотой и серебряной монеты, а также кредитных билетов дореволюционного выпуска и выпуска Временного правительства».⁸⁹ При этом несоветские денежные знаки в тех условиях получили довольно значительное распространение как в целом по стране⁹⁰, так и в губерниях Среднего Поволжья. Так, еще в 1920 г. из 40 млрд. руб., находящихся в обращении на территории Самарской губернии, до четверти всей денежной массы приходилось на расчетные знаки Временного правительства и кредитные билеты царского времени.⁹¹ Хотя их количество в обращении постепенно сокращалось, но все же в течение 1921-1922 гг. оно оставалось еще достаточно серьезным.

Из архивных материалов видно, что золотая и серебряная монеты дореволюционного чекана, а также дореволюционные бумажные деньги являлись в то время средством накопления. В качестве же средства обращения и платежа использовались советские дензнаки. На частном рынке широкое применение получил «вольный курс золотого рубля» (рыночная цена 10-рублевой золотой монеты дореволюционного чекана). В докладе заведующего Симбирского Губфинтдела в Наркомфин приводится и «обменный курс» между различными денежными знаками весной 1921 г.: «Керенки расцениваются в 10 раз, а николаевские (пятисотенные билеты) в 50 раз дороже советских, причем 1000 рублей николаевских денег оцениваются в 50 тысяч советских. Золотая монета 10-рублевого достоинства в настоящее время оценивается в 120 тысяч рублей, а 1 серебряный полновесный рубль - в 5 тысяч советских рублей».⁹²

Однако среди советских денежных знаков «мелкие» купюры (менее 1000 руб. достоинством) к платежу не принимались и постепенно изымались из обращения. В Пензенской губернии «в обращении наблюдаются расчетные

⁸⁹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.11. Л.33.

⁹⁰ См. Приложение 1.

⁹¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп.1. Д.1934. Л.223-224.

⁹² Там же. Д.2010. Л.16об.

знаки ... не менее 1000 руб. достоинства, а менее встречаются большое затруднение в сбыте и даже совершенно не берутся публикой».⁹³ В Симбирской губернии «из всех купюр наибольший спрос имеют знаки 5- и 10-тысячного достоинства, 1000 руб. достоинства принимаются по необходимости, а купюры остальных достоинств при больших выдачах являются обременением».⁹⁴

Бумажная денежная масса в тот период была настолько огромной, что порой приобретала реальные весовые категории. Так, во время проведения деноминации рубля в ноябре 1921 г. (один рубль государственного денежного знака образца 1922 г. приравнивался тогда к 10 тыс. рублей кредитных билетов и расчетных знаков всех прежних выпусков) при обмене старых денег на новые иногда возникали парадоксальные ситуации. Например, по сведениям Самарского Губфинотдела, «в связи с обменом дензнаков прежних выпусков на совзнаки образца 1922 г. в уфинотделах скопляется значительное количество дензнаков в мелких купюрах, подлежащих отсылке в Губфинотдел для уничтожения, каковая отсылка по почте требует крупных расходов, далеко превышающих наличность имеющихся кредитов. Так, для пересылки дензнаков из Ставропольского уфинотдела весом около **5 пудов** на сумму 18545 руб. требуется уплатить почтовых сборов около 50000 руб., а в Балаковском уфинотделе означенных знаков скопилось **30 пудов...**»⁹⁵ [выделено нами - А.Ф.]

В условиях сокращения денежных поступлений из центра финансовые органы средне-волжских губерний часто были вынуждены прибегать к так называемым «бескредитным выдачам», то есть к отпуску денежных сумм на содержание различных учреждений авансом до получения переводных требований Наркомфина в счет ожидаемых от него кредитов. Так, за первое полугодие 1922 г., Пензенский Губфинотдел «был вынужден произвести

⁹³ ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.11. Л.33.

⁹⁴ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.2010. Л.16об.

перерасход в сумме 2.511.313,5 руб. дензнаками 1922 г., этого требовало само дело и иного исхода не было».⁹⁶ Тогда же, в октябре 1921 г. заведующий Ардатовского уфинотдела Симбирской губернии отмечал «как обычное явление производство бескредитных выдач, без коих при задержке утверждения смет центром обойтись совершенно не представляется возможным, ибо это повлекло бы за собою полное расстройство хозяйственной жизни на местах».⁹⁷ Однако само это средство также было довольно опасным с экономической точки зрения, так как вело к значительному нескоординированному увеличению государственных расходов и усиливало расстройство государственных финансов. Поэтому в ноябре 1922 г. приказом Наркомфина выдача бескредитных ссуд была запрещена.⁹⁸

Большим препятствием на путях финансового строительства были пережитки психологии «военного коммунизма». Нужно было преодолеть беззаботное отношение к денежным средствам и иждивенческие настроения, противопоставление интересов укрепления финансов интересам промышленности, необходимо было покончить с недооценкой роли финансов, поднять значение всей финансовой работы и авторитет финансовых органов. Ведь, как с горечью отмечалось в отчете об обследовании положения дел в Симбирском Губфинотделе в июле 1921 г., «причины, которым нужно приписать теперешнее положение финансовых органов, очевидно, те, что за три года революции на финансовые органы смотрели как на учреждения отживающие и поэтому на них обращали слишком мало внимания. Затем материальная необеспеченность квалифицированной части служащих повлекла за собой уход их под различными предлогами... с целью поступления в

⁹⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп.1. Д.616. Л.43.

⁹⁶ ГАПО. Ф.р.-313. Оп.8. Д.11. Л.74.

⁹⁷ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.1932. Л.284; Д.2010. Л.42.

⁹⁸ ГАПО. Ф.р-2. Оп.1. Д.1587. Л.325.

материально обеспеченные учреждения»⁹⁹. Необходимо было срочно обратить внимание на организацию местного финансового аппарата и принять меры к улучшению материального положения работников финансовых органов. От этого в немалой степени зависел успех всей финансовой работы на региональном уровне.

Состояние финансового аппарата в губерниях Среднего Поволжья в этот период времени, как уже отмечалось, оставляло желать лучшего. Ввиду отсутствия денежных средств, необходимых для ведения эффективной финансовой работы, губернские и уездные финансовые отделы в большинстве случаев в самом начале перехода к нэпу занимались только фиксированием приема и выдачи различных денежных сумм предприятиям и учреждениям. Практически отсутствовали отчетность и контроль за состоянием местных финансов. В период «военного коммунизма» такое положение дел еще могло быть как-то оправдано, но новая экономическая политика требовала жесткого соблюдения всех правил ведения финансовой работы.

Прежде всего, надо было срочно наладить работу финансовых органов, расширить штат финработников, привлечь к службе опытные кадры дореволюционных работников. Сделать это было нелегко, так как тяжелое материальное положение не стимулировало нормальную работу финансовых учреждений. Например, к 1921 г. общее число сотрудников Симбирского Губфинотдела сократилось на две трети первоначального состава, в уфинотделах - на 80%, так что в некоторых из них работало всего лишь 5-6 человек.¹⁰⁰ В самом губернском финотделе работало не более 30 человек, «большинство же остальных... отсутствуют по случаю добывания себе дневного пропитания»¹⁰¹. В это же время Самарский Губфинотдел сообщал, что «налоговый аппарат города Самары фактически прекратил свое существование,

⁹⁹ РГАЭ. Ф.7733. Оп. 1. Д.2010. Л.27об.

¹⁰⁰ Там же. Л.16об.

¹⁰¹ Там же. Л.39об.

так как одни из бывших податных инспекторов перешли по тем или иным причинам в другие учреждения г. Самары, прочие в силу особо тяжелого материального положения и связанного с ним истощения оказались неработоспособными и уволены были от службы»¹⁰². В Пензенской губернии, по свидетельству заведующего ГФО Семина, «больным местом в работе финорганов являлась неопределенность структуры и штатов их и, самое главное, недостаточная материальная обеспеченность служащих, благодаря чему аппарат хиреет, наиболее ценные работники бегут, работа идет не с той энергией, какая была бы необходима».¹⁰³

С началом нэпа в средневожских губерниях в соответствии с распоряжениями Наркомфина приступили к реорганизации финансового аппарата. Территория губерний Среднего Поволжья была разделена на отдельные финансовые районы-участки с тем расчетом, чтобы каждый район обслуживался одним финансовым инспектором, а последний в состоянии был бы учесть и привлечь к налогообложению все объекты на своей территории. В Пензенской губернии таких финансовых участков было образовано 22 - 18 в уездах и 4 в г. Пензе. В четырех уездах Пензенской губернии - Наровчатском, Керенском, Рузаевском и Инсарском – было установлено по одному участку, а остальные уезды были разбиты на два участка¹⁰⁴. По Самарской губернии было установлено 12 финансовых районов, из которых 4 (затем 5) районов по г. Самаре и по одному на каждый уезд губернии.¹⁰⁵ В Симбирской губернии возникло первоначально 13 (впоследствии 12) финансовых участков, в том числе 2 участка в г. Симбирске, 2 – в г. Сызрани, 2 – в Сызранском уезде, 2 – в Алатырском уезде и по одному участку в Симбирском, Сенгилеевском, Ардаатовском, Карсунском и Курмышском уездах (впоследствии Курмышский

¹⁰² РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.5326. Л.1.

¹⁰³ ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.11. Л.72.

¹⁰⁴ Там же. Л.10-10об.

¹⁰⁵ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.5326. Л.8; Л.27об.

уезд вошел в состав Нижегородской губернии)¹⁰⁶.

После районирования финансовые органы приступили к привлечению в финансовый аппарат старых опытных работников – бывших податных инспекторов и их помощников. Они были назначены на должности фининспекторов. В Пензенской губернии таким образом было назначено 11 фининспекторов.¹⁰⁷ В состав руководящих работников губфинотделов также привлекались кадры дореволюционных служащих. В Пензенском ГФО уже в 1922 г. они составили более половины руководящего состава.¹⁰⁸ Постепенно создавался аппарат финансовых учреждений. При каждом фининспекторе учреждалась канцелярия, а также штат финансовых агентов – по одному в каждом уездном городе - и волостных агентов вне пределов городских поселений.¹⁰⁹

Одновременно с формированием финансового аппарата в губерниях Среднего Поволжья, как и по всей стране, начала проводиться финансовая политика, принципиально отличающаяся от всех предшествовавших финансовых мероприятий. Первыми шагами в области новой финансовой политики явились постановления X съезда РКП(б), связанные с переходом к нэпу. Съезд поручил ЦК «пересмотреть в основе всю нашу финансовую политику и систему тарифов и провести в советском порядке нужные реформы».¹¹⁰ Однако данные решения не сразу воплотились в конкретные задачи.

Региональные финансовые органы и их руководители не сразу отвыкли от военно-коммунистических методов финансовой работы. Первоначально все их действия в области финансов сводились к требованиям присылки все новых денежных сумм из центра. «Необходимо найти выход из создавшегося

¹⁰⁶ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.5328. Л.4, 10, 30.

¹⁰⁷ ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.11. Л.10об.

¹⁰⁸ Там же. Д.26. Л.37.

¹⁰⁹ Там же. Д.40. Л.81.

¹¹⁰ КПСС в резолюциях... Т.2. – С.372.

положения путем солидного подкрепления кассы Губфинотдела, – настаивал в мае 1921 г. заведующий Симбирского ГФО Маштаков в своем докладе в Наркомфин, – регулярно подкрепляя таковую в дальнейшем... Если же и впредь высылка подкреплений будет продолжаться в таком же порядке, как это было до сего времени, то дальнейшие перспективы финансовой политики для меня становятся совершенно непонятными.¹¹¹ [подчеркнуто в Наркомфине – А.Ф.]. Реакция Наркомфина на этот «крик души» выразилась в следующей резолюции: «Для тов. автора докладной записки вся наша политика определилась, видно, в количестве дензнаков, которые получит финотдел. Никакой живой перспективы у него, очевидно, нет».¹¹²

«Живая перспектива» в деятельности губернских финансовых органов Среднего Поволжья начала проявляться уже со второй половины 1921 г. Это видно по тому, как меняется характер архивных документов и статистических данных, направляемых в Москву. Если в начале 1921 г. в отчетах сообщалось только о недостатке денежных средств и о его последствиях, то уже с осени 1921 г. появляются данные о приходной и расходной частях бюджета губерний региона, о налоговых и неналоговых поступлениях, выявляются причины и следствия тех или иных действий финансовых органов, проводится анализ состояния товарного рынка и ценообразования. Таким образом, постепенно преодолевалось «наследство, полученное от блудного периода [так в тексте – А.Ф.] – расхлябанность и отсутствие точного учета».¹¹³

Постепенно к руководителям региональных финансовых органов Среднего Поволжья приходило и понимание необходимости принципиально новой финансовой политики, основанной на неэмиссионных доходах и стабильной денежной системе. «...Когда мы считаем на триллионы, когда наши хозяйственники не могут установить калькуляции цен, когда невозможно установить ценности товарной единицы, как мы можем вести правильно

¹¹¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп.1. Д.2010. Л.5об.

¹¹² Там же. Л.4.

¹¹³ Доклад Самарского Губисполкома 9-го созыва... - с.32.

организованное хозяйство? - вопрошал в своем докладе о финансово-налоговой политике и губернском бюджете на 10-м Губернском съезде Советов Пензенской губернии заведующий Губфинотдела И.В. Валентинов.- Поэтому при торговых соприкосновениях с анархическим вольным рынком мы не можем установить, где нас бьют, а где мы бьем... Нестабилизированным рублем, можно вести только плохую экономику. Отсюда вытекает вопрос о необходимости стабилизации рубля – [что означает] приблизить его к реальной стоимости товаров. Без этого Соввласть не может сохранить командные высоты»¹¹⁴.

Немного ранее, в мае 1921 г., заведующий Самарского Губфинотдела В. Гроссман, рассуждая о новой финансовой политике, писал: «Сведений о том, на каких основаниях будет построена новая денежная система и при каких условиях осуществится переход к ней, пока не имеется. Но какова бы ни была эта система, во всяком случае, первейшей задачей государства явится обеспечение ее устойчивости, и меры для этой цели будут неизбежны»¹¹⁵. Эти меры, призванные обеспечить устойчивость финансовой системы губерний Среднего Поволжья и страны в целом, вырабатывались и осуществлялись финансовыми органами в процессе реальной хозяйственной практики, на фоне действия экономических реалий того времени.

Общее развитие экономики страны летом 1921 г. давало основания полагать, что можно будет постепенно, без радикальных мер, оздоровить финансы и денежное обращение. Эта уверенность подкреплялась тем, что в этот период «количество факторов, влияющих на денежное обращение как отрицательно, так и положительно, представлялось более значительным, чем то было в 1920/21 г. К числу этих факторов следует отнести усиление денежного хозяйства при чрезвычайно быстром сокращении сферы натурального

¹¹⁴ Пензенский 10-й Губернский съезд Советов. Бюллетень №2.12 декабря 1922 г. – Пенза, 1922. С.13-14.

¹¹⁵ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.1934. Л.227.

хозяйства, влияние налоговой политики, особенно усиливающееся к третьей и четвертой четверти отчетного года, влияние эмиссионной политики Госбанка, усиление роли внешнего товарооборота, внедрение золота в обращение и др. Все эти факторы в той или другой степени оказывали свое влияние на дальнейшие судьбы нашего рубля»¹¹⁶. Благодаря влиянию всех этих факторов в июле-сентябре 1921 г., несмотря на продолжающуюся эмиссию, цены несколько стабилизировались, и произошло некоторое сокращение дефицита в государственном бюджете.

Но в октябре 1921 г. на фоне начавшегося голода в хлебопроизводящих регионах цены снова начали расти, дефицитность бюджета увеличилась, и вновь появился интерес к финансовой реформе. Финансовая реформа становилась одним из важнейших направлений новой экономической политики. IV сессия ВЦИК в своем постановлении от 10 октября 1921 г. поставила перед Народным Комиссариатом финансов задачи проведения «начал исключительной бережливости и строжайшем экономии в расходовании денежных средств, всемерного сокращения эмиссии с доведением ее, если возможно, до полного прекращения...»¹¹⁷ Декрет ВЦИК «О мерах по упорядочению финансового хозяйства» указывал, что «интересы народной казны возводятся на степень интересов высшего государственного порядка...Всемерная охрана этих интересов составляет обязанность каждого советского учреждения и предприятия и каждого должностного лица.»¹¹⁸

Региональные финансовые органы были поставлены перед необходимостью в условиях уменьшения финансовых вливаний из центра резко сокращать расходы и искать новые источники доходных поступлений. Вводился строгий контроль за поступающими денежными средствами. Так, в

¹¹⁶ Народное хозяйство России за 1921-1922 г. – С.233.

¹¹⁷ Цит. по: Симонов Н.С. Указ. соч. С.44.

¹¹⁸ Цит. по: Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). – М., 1978. С.86.

Симбирской губернии в связи с денежным кризисом было принято постановление Губернского экономического совещания: «во-первых, учесть задолженность всех учреждений; во-вторых, распределение поступающих дензнаков производить на заседаниях Губэкономсовещания, куда Завгубфинотделом представляет заявки всех учреждений»¹¹⁹. Таким образом, устанавливалось распределение полномочий между губфинотделами и губернскими экономическими совещаниями. Одновременно финансовыми органами Самарской губернии было решено «не прибегать более к эмиссии, а покрыть дефицит (в 138 млн. руб. золотом) повышением доходов и сокращением государственных расходов»¹²⁰. В Пензенской губернии в качестве основных направлений финансовой политики были определены полная и точная экономия бюджета, строгое взимание налогов, налаживание своевременной и точной финансовой отчетности.¹²¹

Сокращение расходной части бюджета губерний Среднего Поволжья производилось вплоть до минимально необходимого уровня. Так, Пензенский Губфинотдел в 1921/22 г. уменьшил сумму расходов, отнесенных на государственный счет, с 9158 млрд. руб. (в совзнаках до 1922 года выпуска) до 1969 млрд. руб., то есть почти в пять раз, местные расходы сокращались с 77800 млн. руб. до 34500 млн. руб., то есть более чем вдвое. «Уменьшая столь резко сметные предположения, ГФО исходил из соображений о целесообразности того или иного расхода, неотложности его, возможности фактического выполнения в текущем году»¹²². Расходование местных средств должно было производиться с большой осторожностью под пристальным контролем финансовых органов. С этой целью была образована финансовая коллегия Губфинотдела, которая рассматривала ходатайства различных

¹¹⁹ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.2010. Л.11об.

¹²⁰ Там же. Д.616. Л.59.

¹²¹ ГАПО. Ф.р.-313. Оп.8. Д.19.Л.42.

¹²² Там же. Д.40. Л.87-90.

учреждений о выдаче им ассигновании на хозяйственную деятельность, а также их договоры по финансовым вопросам и счета.¹²³

Одновременно сокращался административный аппарат средне-волжских губернии и, соответственно, государственные расходы на содержание рабочих и служащих. «В настоящий момент нашим лозунгом должно быть «сокращаться, чтобы была возможность в будущем развернуться»¹²⁴.

В течение 1921-1922 гг. государственные предприятия перешли на хозрасчет, при этом совершенствовалась система оплаты труда. Летом 1921 г. на крупных предприятиях Самары было введено коллективное снабжение. Фонд денежной и натуральной оплаты устанавливался в зависимости от производственной программы и производительности труда. Но это была очень несовершенная система, основанная на «уравниловке» в оплате труда. В конце 1921 - начале 1922 г. в Средне-Волжском регионе, как и в стране в целом, стала вводиться тарифная система оплаты труда, учитывающая квалификацию работника.

В условиях падения промышленного производства и неоправданно высоких затрат на содержание управленческого персонала одним из направлений выхода из сложной экономической ситуации стала концентрация производства и сокращение штатов. Следует отметить, что некоторые исследователи, например, авторы трехтомника «Самарская летопись», подводят под понятие «сокращение штатов» уменьшение в этот период количества рабочих на промышленных предприятиях Самарской губернии («в железнодорожных мастерских станции Самара из 1400 рабочих осталось 150. На Трубочном заводе осталось всего 500 рабочих»¹²⁵). На наш взгляд, в данном случае речь идет о сокращении числа производственных рабочих вследствие падения производства в начальный период нэпа. Сокращение же штатов подразумевает

¹²³ См. ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.21.

¹²⁴ Доклад Самарского Губисполкома 9-го созыва... - С.32.

уменьшение количества административных работников предприятий, непроизводственных служащих, а также производственных рабочих в результате реструктуризации производства и роста производительности труда. В данной работе, говоря о сокращении штатов предприятия и учреждений, мы будем иметь в виду именно этот, второй аспект.

В результате принятых мер из 347 предприятий, подчиненных Самарскому губсовнархозу, в 1922 г. в государственной собственности осталось 125, причем на государственном снабжении и финансировании оставались только Трубочный завод и некоторые другие крупные предприятия. Остальные объединялись в тресты или оставались самостоятельными, но должны были покрывать сами свои расходы и зарабатывать прибыль¹²⁶. В течение 1922/23 г. количество служащих в административном аппарате государственных промышленных предприятий Самарской губернии сократилось с 527 до 261, т.е. на 50% (данные Самарского губисполкома¹²⁷).

В Пензенской губернии из 29 действовавших в начале 1921 г. заводов было решено 21 сдать в аренду на условиях взимания определенного процента стоимости завода в довоенных ценах. Обычно взималось 10-20% стоимости выработанной продукции¹²⁸. Соответственно сокращался и административный аппарат. Пензенский губисполком выдвинул требование сделать «советский аппарат, проводящий новую экономическую политику, ... дешевым и... способным воспринять эту политику и точно ее осуществить¹²⁹». Для достижения этих целей планировались меры в основном административного характера – строгий контроль деятельности аппарата, повышение ответственности его низовых звеньев, налаживание обратных связей с уездным

¹²⁵ Самарская летопись. Очерки истории Самарского края. – Кн.3. – С.93.

¹²⁶ Самарская летопись. – Кн.3. С.93.

¹²⁷ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.46. Л.96 об.-97.

¹²⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.12. Д.367. Л.68.

¹²⁹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.38. Л.12об.

и волостным руководством. В результате проведенных мероприятий в промышленности Пензенской губернии сократились накладные расходы, наметился рост производства, улучшилось снабжение предприятий топливом и сырьем. К 1922 г. Пензенский губсовнархоз объединял 64 более или менее крупных предприятия, из которых 41 уже действовало¹³⁰.

Таким образом, наиболее радикальному сокращению в рассматриваемые период подверглись административные расходы в Самарской губернии. Местная промышленность отличалась и наиболее высокой концентрацией производства. Несколько меньшими темпами эти процессы шли в Пензенской губернии. Наиболее сложным было положение Симбирской губернии, так как местное хозяйство потерпело наибольший ущерб вследствие неурожая и голода 1921 г. Но и здесь в результате принятых мер наметилось определенное экономическое оживление¹³¹.

В общем русле намеченных преобразований постепенно прекращались бескредитные расходы на региональном уровне. По сведениям из акта обследования Симбирского Губфинотдела в июле 1922 г., «за последнее время открываемые кредиты в достаточной степени обеспечиваются денежными знаками»¹³². Также значительно улучшилось к этому времени «общее положение с дензнаками» и в Самарской губернии, что позволило полностью покрыть задолженность по выплате зарплаты¹³³. В то же время эта проблема оставалась еще нерешенной в Пензенской губернии. Здесь по-прежнему отмечалось «запоздание и недостаточность открываемых кредитов на содержание, разъезды, канцелярские и хозяйственные надобности»¹³⁴.

Одновременно и параллельно с сокращением расходов региональных бюджетов расширялась номенклатура новых местных источников доходов.

¹³⁰ См. ГАПО. Ф.р-36. Оп.1. Д.492. Л.6.

¹³¹ См. Поддубная Р.П. Указ. соч. С.14.

¹³² РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.2642. Л.38.

¹³³ Отчёт Самарского Губернского экономсовещания. Выпуск 2. – С.142.

Сюда включались местные налоги и сборы, надбавки к общегосударственным налогам и сборам, доходы от коммунальных имуществ и предприятий, а также доходы от государственной и кооперативной торговли. Эти доходы постепенно становились одной из существенных статей в местных бюджетах, все более сокращая роль денежных поступлений из центра. Особенно существенное значение в доходной части губернских бюджетов имели государственные и местные налоги. В Симбирской губернии, например, в январе 1922 г. налоговыми поступлениями покрывалось лишь 2% государственных расходов, а в феврале 1923 г. – уже 91,9%¹³⁵.

Наряду с этими факторами положительное влияние на общее финансовое состояние средневожских губерний оказывало развитие торговли и расширение товарооборота. Время, начиная с середины 1922 г, явилось, по свидетельству источников, первым цельным периодом, когда торговля, выйдя из подполья, постепенно расширялась, эволюционируя от чистой спекуляции к коммерции. «Оттаивание рынка после голодного его оцепенения, начавшееся с осени 1922 г., продолжалось и первое полугодие 1923 г., со съемом же урожая лета 1923 г. стало переходить в постепенное оживление»¹³⁶. Если в 1921/22 г. торговый оборот Самарской губернии, например, исчислялся в 3,4 млн. руб., то в 1922/23 г. – уже в 33,2 млн. руб.¹³⁷

Основную массу торговцев в средне-вожских губерниях составляли торговцы с мест и вразнос. В Пензенской губернии торговцев этой категории было 71,4%¹³⁸, в Симбирской губернии от 80 до 86%¹³⁹. Оптовых торговых

¹³⁴ ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.11. Л.72-44.

¹³⁵ Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть II. – Ульяновск, 1972. С.36-37.

¹³⁶ Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Выпуск 1. – Самара, 1925. С.134.

¹³⁷ Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. – Куйбышев, 1967. С.155.

¹³⁸ Материалы по районированию и организации... Выпуск 2. С.174.

¹³⁹ Отчёт Симбирского Губернского экономсовета №3. – Симбирск, 1924. С.80.

предприятий в Пензенской губернии было всего 1% и оптово-розничных - 3% от всего числа торговых предприятий. По абсолютной численности торговых заведений почти вся торговля сосредотачивалась в частных руках. Из всех торговых предприятий частникам в этот период принадлежало в Пензенской губернии 87,3% предприятий¹⁴⁰, в Симбирской губернии - 97,3%¹⁴¹; кооперативные организации составили в Пензенской губернии 9,5% всех торговых предприятий, в Симбирской губернии - 2,5%; на долю государственной торговли приходилось 3,2% предприятий в Пензенской губернии¹⁴² и 0,4% - в Симбирской губернии¹⁴³. Но частная торговля была по преимуществу мелкая, она велась мелким оптом в палатках (торговые заведения 2-го разряда) или вразнос (1-й разряд). Крупную оптовую торговлю (4-й и 5-й разряды) взяли на себя государственные органы, преобладающий типом кооперативной торговли были розничные магазины 3-го разряда¹⁴⁴.

Таким образом, основные товарные массы, несмотря на обилие частных торговцев, находились в руках государственных органов, которые имели возможность маневрировать ими, определяя ценовую политику и другие условия торговли. Тем не менее, согласно источникам, развитие торговли в 1921 - начале 1922 г. шло еще слабо из-за невысокой покупательной способности населения, неорганизованности кредита и высоких ставок налогов¹⁴⁵.

Но даже такое слабое развитие товарооборота давало, по сравнению с предшествующим периодом, весьма положительный экономический эффект. Сокращалась эмиссия, создавались предпосылки для стабилизации денежного

¹⁴⁰ Материалы по районированию и организации... Выпуск 2. С.174.

¹⁴¹ Вычислено по: Отчёт Симбирского Губэкономсовещания №3. – С.82-83.

¹⁴² Материалы по районированию и организации... Выпуск 2. С.174.

¹⁴³ Вычислено по: Отчёт Симбирского Губэкономсовещания №3. – С.82-83.

¹⁴⁴ См. Приложение 2.

¹⁴⁵ Отчёт Симбирского Губернского экономсовещания №3. – С.93.

обращения, уменьшалась социальная напряженность в обществе: «Чем большую товарную массу встречали на рынке бумажно-денежные массы, тем более парализовалось вредное действие новых выпусков и обратно, падая на истощенный товарный рынок (особенно в весенний период), новые выпуски денежных знаков вызывали все вредные явления бумажно-денежной инфляции»¹⁴⁶.

Таким образом, в проведении финансовых мероприятий во второй половине 1921 и в 1922 г. в губерниях Среднего Поволжья, как и по всей стране, наметились первые успехи. Реальная ценность денежной массы в обращении стала возрастать, в отдельные периоды покупательная сила денежных знаков даже стабилизировалась. Причем, если первая временная стабилизация (июль-сентябрь 1921 г.) была обусловлена лишь сезонным расширением товарооборота, то вторая (май-август 1922 г.), несомненно, была уже связана также и с успехами в финансовом строительстве, так как в это время наблюдается не только рост товарооборота, но и снижение темпов эмиссии. Хотя превышение расходов бюджета над его доходами срывало временные стабилизации, все же они являлись бесспорным доказательством правильности и успешности проводимой финансовой политики.

Однако до подлинной финансовой стабилизации было еще далеко, свидетельством чего явилась, в частности, резолюция XI съезда ВКП(б) (апрель 1922 г.) «О финансовой политике». «Все мероприятия финансовой политики, — отмечалось в резолюции, — направленные к упорядочению бюджета, увеличению доходов, корректированию денежного обращения, организации кредита, сами по себе являются лишь паллиативами, [то есть полумерами, не обеспечивающими коренного решения проблем], поскольку они не в состоянии преодолеть экономический кризис, составляющий основу кризиса финансового. Выход лежит только в плоскости поднятия производительности труда в

¹⁴⁶ Народное хозяйство России за 1921/1922 г. — С.229.

сельском хозяйстве и промышленности, только в увеличении емкости рынка как за счет крупного производства, так и за счет увеличения товарного предложения со стороны крестьянских и кустарных хозяйств».¹⁴⁷

В этих условиях вся деятельность финансовых учреждений Среднего Поволжья должна была быть направлена на решение единой общегосударственной задачи – поддержку развития промышленного и сельскохозяйственного производства в регионе, достижение устойчивости курса рубля и правильного денежного обращения. «Без наличия этих факторов невозможно в условиях новой экономической политики рациональное ведение как частного, так и государственного хозяйства»¹⁴⁸. Достижение этих целей осуществлялось ими своими путями и методами.

¹⁴⁷ Цит. по: Финансы и кредит СССР. – М., 1982. С.352

¹⁴⁸ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.7. Л.55.

Глава 2

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В 1922-1925 гг.

Экономические условия, в которых находилась страна в 1921-1922 годах, не позволяли немедленно провести денежную реформу. В бюджете имелся еще крупный дефицит. Товарооборот был недостаточно развит, что было связано с натурализацией крестьянского хозяйства, отсутствием навыков торговой работы у торгующих организаций, недостатком товаров в руках государства. Отсюда вытекали очередные задачи экономической и финансовой политики, намеченные XI съездом РКП(б) (апрель 1922 г.): увеличение размеров товарооборота путем роста внутренней государственной, кооперативной и частной торговли и повышения товарности крестьянского хозяйства; расширение внешней торговли; сокращение, а затем и полная ликвидация бюджетного дефицита. Эти мероприятия должны были уменьшить, а впоследствии и полностью устранить потребность в использовании эмиссии денег как источника доходов бюджета.¹⁴⁹

Формирование нормальной системы государственных доходов и расходов уже в 1922 г. дало заметные результаты. Если в первом квартале 1922 г. доход от денежной эмиссии составил около 80% всех государственных доходов, то в IV квартале того же года - только 46,3%.¹⁵⁰ С октября 1922 г. по март 1923 г. доля бюджетного финансирования, идущая на покрытие расходов государственной промышленности, транспорта и связи, сократилась, по данным Госплана, с 65 до 52,5%, что в абсолютных цифрах составило сумму 300 млн. руб. золотом, совпадавшую почти полностью с размерами покрываемого эмиссией совзнаков бюджетного дефицита.¹⁵¹

¹⁴⁹ Дьяченко В.П. Указ. соч. – С. 83-84.

¹⁵⁰ Малышев А.И. и др. Бумажные денежные знаки России и СССР. М., 1991. С.117-118.

¹⁵¹ Симонов Н.С. Указ. соч. – С.46-47.

Между тем, для развития на принципах нэпа экономических взаимоотношений между мелкотоварным крестьянским хозяйством и крупной государственной промышленностью требовался твердый денежный эквивалент, общепринятое средство платежа. Объективная реальность того времени требовала проведения денежной реформы, то есть таких преобразований, целью которых является изменение основных элементов денежной системы и создание условий для повышения покупательной способности денежной единицы страны. С этой целью в октябре 1922 г. Госбанком РСФСР в обращение были выпущены банковские билеты - червонцы, имеющие золотое и товарное обеспечение. Их выпуск был совершенно не связан с нуждами госбюджета, они были призваны обслуживать хозяйственный оборот в качестве устойчивой валюты.

В ходе начавшейся денежной реформы обесценившиеся совзнаки были полностью изъяты из обращения и заменены новыми государственными казначейскими билетами, выпускаемыми на основе червонной эмиссии. Важное значение для успешного проведения реформы имели финансово-экономические меры, основанные на методах государственного регулирования экономики: ограничении дефицита госбюджета, государственном регулировании цен и зарплат, разумной кредитной и налоговой политике, государственных мерах воздействия на товарооборот.

Но все эти мероприятия не представляли собой единой, заранее спланированной и поэтапно осуществляемой программы, И в центре, и на местах в этот период велись ожесточенные дискуссии о путях и методах финансовых преобразований. Конкретный ход реализации реформы определялся в результате этих споров. При этом проведение реформ в финансовой сфере в Среднем Поволжье имело свои региональные особенности, которые будут рассмотрены в данной главе.

2.1. Экономическое развитие региона в 1922-1923 годах

Для наиболее полной характеристики финансовых преобразований в средневолжских губерниях необходимо прежде всего остановиться на вопросах социально-экономического развития региона в этот период. В развитии экономики Среднего Поволжья на этом этапе наблюдались как общероссийские тенденции, так и региональные особенности. Экономическое развитие края не было лишено трудностей и противоречий как объективных, так и обусловленных действиями местных властей.

В этом смысле переломным в восстановлении хозяйства Среднего Поволжья следует считать 1923 год. К этому времени были в основном ликвидированы последствия голода 1921 г. и в экономике региона обозначился устойчивый подъем. Вместе с тем, экономические сложности и противоречия рассматриваемого периода («ножницы цен») заставили региональные власти наиболее активно задействовать механизм государственного регулирования экономики. Таким образом, в этот период начинают складываться основные компоненты нэповской финансовой политики в масштабах края.

В течение 1922/23 г. были достигнуты заметные успехи в восстановлении сельского хозяйства - основы экономики региона. Возросло число крестьянских хозяйств, расширились посевные площади, уменьшилось количество беспосевных дворов. Изменялся структурный состав крестьянства, происходил процесс «осереднячивания» деревни.

В Симбирской губернии, например, общая посевная площадь в 1921-1922 гг. составляла 489 тыс. десятин, а в 1922/23 г. она уже достигла 663 тыс. дес. До революции в этой губернии 14% крестьянских хозяйств были беспосевными, в 1923 г. беспосевных хозяйств осталось около 2,5%.¹⁵² Вместе с тем, положение

¹⁵² Поддубная Р.П. Указ. соч. С.11-12.

крестьянского хозяйства в Симбирской губернии в 1922/23 г. продолжало оставаться сложным. Это показывает обследование хозяйства усредненной крестьянской семьи, проведенное в этот период. В ходе исследования выяснилось, что общий годовой расход средней крестьянской семьи, состоявшей из 6 человек и имевшей надел в 3 десятины, составлял около 190 пудов при среднем приходе 150 пудов.¹⁵³ Таким образом, единоличное крестьянское хозяйство в Симбирской губернии в 1922/23 г. еще не оправилось от экономических потрясений предыдущего периода и его общая товарная производительность была крайне низка. Следовательно, крестьянство Симбирской губернии нуждалось в активной государственной поддержке.

В то же время в Пензенской губернии посевная площадь в 1923 г. по сравнению с 1922 г. возросла на 14% и составляла 86% по отношению к 1916 г.¹⁵⁴ Но данные бюджетных обследований крестьянского хозяйства, полученные Губстатбюро, показывали и здесь крайне низкую товарность сельского хозяйства губернии. После уплаты налогов и расходов на собственное потребление в хозяйствах бедняков оставалось в качестве товарной продукции всего 11,1 условных ржаных единиц, в хозяйствах середняков - 40,5 ржаных единиц.¹⁵⁵ Таким образом, товарность и налоговые возможности крестьянских хозяйств губернии были очень ограниченными.

Первые успехи в восстановлении сельского хозяйства были достигнуты и в Самарской губернии. В 1923 г. по сравнению с 1922 г. посевная площадь под зерновыми культурами возросла на 34%, а валовой сбор хлеба - на 46%.¹⁵⁶ Постепенно изменялось структурное соотношение между основными группами крестьянских хозяйств губернии. Так, число беспосевных хозяйств, резко увеличившись в 1921г. (с 5,1% в 1920 г. до 15,8% в 1921 г.) и 1922 г. (до 11,2%), в 1924 г. упало ниже уровня 1920 г. (до 3,9%), число малопосевных хозяйств в

¹⁵³ Чуканов И.А. Указ. соч. С.194-195.

¹⁵⁴ Поддубная Р.П. Указ. соч. – С.12.

¹⁵⁵ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.138 об.

¹⁵⁶ Поддубная Р.П. Указ. соч.- С.12.

1924 г. по сравнению с 1920 г. увеличилось (с 30,2% до 46,9%), а среднепосевных и многопосевных уменьшилось (с 52,2% и 12,5% до 40% и 9,2% соответственно). По сравнению же с 1922 г, наоборот, сильно сократились беспосевные хозяйства (с 11,2% до 3,9%) и увеличились среднепосевные (с 20,6% до 40%) и особенно многопосевные (с 2,6% до 9,2%).¹⁵⁷ Следовательно, сельское хозяйство губернии после наибольшего падения производства в 1921-1922 г. в течение 1923-1924 гг. постепенно восстанавливало свои объемы.

Важную роль в восстановлении сельского хозяйства Среднего Поволжья играла налоговая политика государства. Суть ее в годы нэпа, как отмечалось, состояла в том, чтобы государственные органы руководствовались интересами поднятия сельского хозяйства, тщательно учитывали реальную платежную силу крестьянских хозяйств и региональные особенности. В течение нескольких лет эта линия выдерживалась достаточно твердо.

В начале нэпа эта политика выражалась в предоставлении безвозвратных льгот по семенным ссудам и продналогу. В Самарской губернии льготы по денежным налогам составили 256,9 тыс. руб. золотом, на восстановление рабочего скота крестьяне губернии получили за 1922 г. (до 15 апреля 1923 г.) около 3 млн. руб.¹⁵⁸ В общей сложности непосредственная помощь государства крестьянам Самарской губернии в 1922-1924 гг. семенными ссудами, рабочим скотом, долгосрочными кредитами на закупку машин и скота, на организацию общественных работ выразилась в сумме 35 млн. руб.¹⁵⁹ В Пензенской губернии в 1922 г. крестьяне многих уездов были освобождены от уплаты продналога, в том числе продналог был полностью снят с Городищенского и Саранского уездов, а для ряда других уездов значительно сокращен.¹⁶⁰ По

¹⁵⁷ Местный бюджет Самарской губернии на 1924-25 г. Самара, 1925.С.75.

¹⁵⁸ Самарская летопись. Кн.3. – С.88.

¹⁵⁹ Поддубная Р.П. Указ. соч.- С.12.

¹⁶⁰ Трудовая правда.-1925.-25 августа.

ходатайству Пензенского губкома РКП(б) и губисполкома правительство открыло кредит на закупку лошадей и выделило ссуду на приобретение сельхозмашин и орудий. Крестьяне Симбирской губернии к 1 декабря 1923 г. получили от государства различные льготы и скидки в размере 786,5 тыс. пудов зерна.¹⁶¹

Одновременно, в июле 1922 г. правительством было принято решение отменить возврат семенной ссуды в голодающих районах за 1920 г. и отсрочить до 1923 и 1924 гг. возврат семенной ссуды, выданной в 1921 и 1922 гг.¹⁶² Принятые решения оказали непосредственное воздействие на начало медленного подъема сельскохозяйственного производства и оживление регионального рынка. В этот период продолжалось дальнейшее постепенное развитие местного товарооборота. Хотя «рынок продолжал оставаться обмелевшим», но «оттаивание рынка после голодного его оцепенения, начавшееся с осени 1922 г., продолжалось и первое полугодие 1923 г., со съемом же урожая лета 1923 г. стало переходить в постепенное оживление».¹⁶³

Таким образом, приведенные факты не подтверждают выводов, изложенных в книге И.А. Чуканова, о «резком ужесточении в конце 1921 г. налоговой политики» и о «проведении варварского налогообложения» в этот период.¹⁶⁴ Подробнее эти вопросы будут рассмотрены в разделе о налоговой политике в Среднем Поволжье.

Наряду с сельскохозяйственным производством начался подъем промышленности Среднего Поволжья. В Пензенской губернии в 1922 г. функционировало 41 крупное предприятие государственной промышленности (30% предприятий губернии), на которых трудились 5279 рабочих и 1490 служащих. Производственное задание на 1923 г. было ими выполнено на 95%,

¹⁶¹ Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Ч. II. – С.42.

¹⁶² ГАСО. Ф.р-142. Оп.1. Д.50. Л.150.

¹⁶³ Материалы по районированию... Вып. I. – С.134.

¹⁶⁴ Чуканов И.А. Указ. соч. - С.125.

стоимость произведенной продукции превышала 5 млн. руб., что составляло 185% по сравнению с 1922 г., однако по отношению к 1913 г. - лишь 35%.¹⁶⁵ В государственной промышленности губернии продолжались процессы концентрации, что давало возможность «усилить оборотными средствами остающиеся предприятия за счет свернутых и в значительной степени облегчить восстановление промышленности».¹⁶⁶ Вместе с тем, быстрыми темпами росло количество мелких предприятий, связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции. В 1922/23 г. их количество увеличилось с 973 до 2721, общая сумма их оборотных средств увеличилась в три раза.¹⁶⁷ Из общего количества предприятий губернии 67% были заняты переработкой сельхозпродукции, 13% – деревообработкой и 3% – обработкой металлов.¹⁶⁸ Резюмируя состояние промышленности Пензенской губернии в 1922/23 г. Налоговое управление Пензенского ГФО отмечало, что оно «характеризуется наличием небольшого числа крупных предприятий фабрично-заводской промышленности... и большого числа мелких предприятий, малоинтересных в налоговом отношении, причем число их по отдельным четвертям достигает значительной цифры от 59 до 84% общего числа предприятий».¹⁶⁹

Аналогичные процессы наблюдались в промышленности Самарской губернии. Количество крупных государственных предприятий в 1922-1923 годах возросло со 125 до 169. При этом наибольшую роль в губернии играла мукомольная промышленность. Так как большая часть предприятий мелкой и средней промышленности губернии бездействовала (в том числе около 80% мукомольных предприятий и почти 90% кожевенных¹⁷⁰), многие из них были

¹⁶⁵ Килеева А.И. Указ. соч. - С.32-33.

¹⁶⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.38. Л.35.

¹⁶⁷ Там же. Д.123. Л.246.

¹⁶⁸ Там же. Л.249.

¹⁶⁹ Там же. Л.246об.

¹⁷⁰ Промышленность Поволжья и голод 1921 г. - М., 1921. С.49.

сданы в аренду отдельным крестьянским обществам, кооперативам или частным лицам. Период наиболее интенсивного развития аренды пришелся на 1922-1925 гг. Характерными особенностями местной промышленности также были процессы концентрации и рационализации, улучшения ее организации и управления: «При всех изменениях принимались во внимание следующие факторы: удешевление продукции производства, увеличение ассортимента продукции и улучшение качества изделий, приспособление к требованиям населения, степень спроса изделий и проч. Попутно обращалось серьезное внимание на коммерческую сторону предприятий, на рынок сбыта.»¹⁷¹ В результате принятых мер стоимость продукции местной промышленности губернии в 1923/24 г. составила более 3,7 млн. руб.¹⁷² или 165% по сравнению с 1921/22 г.¹⁷³

Подъем промышленности наметился и в Симбирской губернии. Из 352 предприятий цензовой промышленности губернии в 1923 г. действовало уже 164. Количество рабочих в промышленности губернии в 1923 г. составило 112,5% по отношению к 1922 г. и 63% по сравнению с 1913 г. Стоимость всей продукции, выработанной на государственных предприятиях, выросла в 1923 г. по сравнению с 1922 г. на 14,4% (до 5,15 млн. руб.), что составляло 30% от довоенного объема производства.¹⁷⁴

Начавшийся подъем сельского хозяйства и промышленности способствовал оживлению торговли. Росло количество торговых предприятий и объем их оборотов. Так, в Пензенской губернии в конце 1921/22 г. было зарегистрировано 4563 торговых заведения, в середине 1922/23 г. уже 5408, а в середине 1923/24 г. - 6744.¹⁷⁵ Внутренний товарооборот губернии за это время

¹⁷¹ Местный бюджет Самарской губернии на 1924-25 г. - С.80.

¹⁷² Там же. – С.81-82.

¹⁷³ Вычислено по: ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.46. Л.96.об. - 97.

¹⁷⁴ Край Ильича за 50 советских лет. – С.53, 56.

¹⁷⁵ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.120об.; 247.

увеличился на 65%. Основные позиции на рынке занимала сельскохозяйственная продукция. По данным Пензенской Товарной биржи она составляла 30% в общем товарообороте, по данным Губотдела внутренней торговли - 21,2%.¹⁷⁶ Количественный рост торговли шел в основном за счет торговых заведений первых трех разрядов (разносная и развозная розничная торговля). При этом в течение 1922-1924 гг. наблюдалось сокращение доли частной торговли в товарообороте губернии и замещение государственной торговли кооперативными торговыми заведениями. Если во втором полугодии 1922/23 г. в госторговле было сосредоточено 31,4% всех торговых заведений, а в первом полугодии 1923/24 г. – 25,5%, то во втором полугодии 1923/24 г. – 21,2%. Кооперативные торговые заведения составляли соответственно 10,7%, 22,3% и 32,7%, а доля частной торговли составляла 57,9%, 52,2% и 46,1% торговых заведений соответственно.¹⁷⁷

Аналогичные процессы наблюдались в Симбирской губернии. Согласно отчету Симбирского губэконосо, в 1922/23 г. «главную массу торговцев по губернии...составляли торговцы с мест и вразнос». С 1 апреля по 1 октября 1922 г. доля этой категории возросла с 80 до 86% всех торговых заведений. Из 3557 торговых заведений губернии на 1 октября 1922 г. 3460 принадлежало частным лицам, 86 - кооперативным организациям и 11 - государству.¹⁷⁸ При этом за полгода количество частных заведений увеличилось на 16,7%, кооперативных - на 28,4%, а количество государственных заведений сократилось на 8,3%.¹⁷⁹

Анализ развития торговли и промышленности в Пензенской и Симбирской губерниях свидетельствует о следующем закономерном явлении в этих

¹⁷⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.11. Д.15. Л.31об.-32.

¹⁷⁷ Там же. Л.32об.

¹⁷⁸ Отчет Симбирского губернского экономического совещания №3.- С.30-83

¹⁷⁹ Там же. С.82-83

сферах. Торговля и промышленность здесь оживали в связи с оживлением в сельском хозяйстве и замирали в связи с затишьем в нем. Вследствие этого наибольшее развитие торговли, рост количества предприятий и их оборотов приходились на первое полугодие бюджетного года и немного захватывали последний квартал года, когда покупательная способность крестьянства в связи с реализацией урожая достигала максимальной величины. Уменьшение количества предприятий и их оборотов совпадали с периодом весенних полевых работ (апрель-июнь), когда крестьяне тратили последние накопления и их покупательная способность значительно падала. Такое явление сезонности в развитии торговли и промышленности было характерной особенностью земледельческих губерний Среднего Поволжья.¹⁸⁰

Вместе с тем, в развитии торговли отражались серьезные противоречия, существовавшие в стране в годы нэпа. Начиная с 1923 г. они проявились в виде «ножниц цен», то есть резкого расхождения цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. В сентябре 1923 г. общий уровень розничных цен на продукты сельского хозяйства в стране составлял лишь 58% довоенного уровня, в то время как цены на промышленные товары по отношению к тому же уровню достигали 187%.¹⁸¹ Такой диспаритет цен был следствием ряда причин. Крестьянское хозяйство восстанавливалось быстрее, чем государственная промышленность, для поднятия которой требовались большие капиталовложения. Сельское хозяйство в 1923 г. в целом производило уже 75% довоенной продукции, а промышленность страны - лишь около 40%. Это привело к громадному повышению цен на промышленные товары, к нарушению нормальных экономических связей между городом и деревней, к сужению внутреннего рынка.

«Ножницы цен» приводили к тому, что деревня теряла за год до 500 млн.

¹⁸⁰ См. ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.120.

¹⁸¹ Поддубная Р.П. Указ. соч. - С.15-16.

руб., то есть половину своего платежеспособного спроса.¹⁸² Но расхождение в ценах не приводило к дешевизне сельскохозяйственной продукции в городах. Здесь сказывались высокие накладные расходы всех видов торговли и слабость промышленности. В результате цены постоянно росли, и рынок лихорадило. Это особенно было характерно для Средней Волги, где помимо общеэкономических тенденций наблюдались ярко выраженные сезонные колебания цен на основные группы товаров: «Насколько в довоенное время местные цены были устойчивыми и твердыми, подвергаясь лишь незначительным колебаниям, настолько в 1922/23 хоз. г. товарные цены находились в постоянном повышательном движении с частыми лихорадочными скачками вверх.»¹⁸³

При сравнении цен на сельскохозяйственные и промышленные товары можно заметить, что вторые росли намного быстрее первых. Так, в Самарской губернии с 1 января по 1 сентября 1923 г. цены на хлебозерновые товары поднялись на 969%, цены на овес и ячмень увеличились на 944%, мясо подорожало на 530%, сало и масло – на 981%, овощи – на 900%. В среднем же сельхозпродукты возросли в цене на 800%, то есть в 9 раз. В то же время цены на продукцию перерабатывающей, легкой и строительной промышленности росли гораздо интенсивнее: цены на мучные и крупяные товары повысились на 1119%, на мануфактурные товары - на 1087%, на обувь - на 1218%, на одежду - на 1961%, на стекло - на 1704%, на железо-скобяные товары - на 1933%.¹⁸⁴

В Пензенской губернии цены на сельскохозяйственную продукцию с 1 января по 1 сентября 1923 г. выросли в среднем в 12,2 раза, а на промышленные изделия за тот же срок - в 16,4 раза.¹⁸⁵ Только с мая по сентябрь

¹⁸² Струмилин С.Г. На плановом фронте(20-30-е годы).- М, 1958 С.263.

¹⁸³ Материалы по районированию... Выпуск 1. - С.135

¹⁸⁴ Там же. - С.135-136.

¹⁸⁵ Вычислено по: Сборник статистических сведений по Пензенской губернии.1920-1926 гг. С.774.

1923 г. цены на рожь поднялись с 20 до 200 руб. за пуд (в 10 раз), овес увеличился в цене с 17 до 140 руб. за пуд (в 8,2 раза), мясо с 10 до 70 руб. за фунт (в 7 раз), картофель с 5 до 60 руб. за пуд (в 12 раз). В то же время цена сукна увеличилась в 20 раз, цена обуви - в 25,5 раз. При этом дневной заработок чернорабочего, например, поднялся с 15 до 115 руб., то есть только в 7,7 раза.¹⁸⁶

В Симбирской губернии в ноябре 1923 г. цены на промышленные товары оказались в 8 раз выше, чем в январе этого года. Пуд ржаной муки на рынке стоил 875 руб., а аршин сукна - 7085 руб. Чтобы купить аршин сукна, крестьянину надо было продать 8 пудов муки или 12 пудов пшеницы.¹⁸⁷

Особенно бросалась в глаза диспропорция в промышленных и сельскохозяйственных товарных ценах, если сравнивать их с ценами 1913 г.: «Сравним количество товаров, которые крестьянин получал за 1 воз ржи в 20 пудов, привезенный в г. Самару в довоенное время – 1 октября 1913 г.- и 1 октября 1923 г. В среднем крестьянин 1 октября 1923 г. получал за воз ржи лишь 20% тех товаров, которые он получал в довоенное время в 1913 г.»¹⁸⁸

Из-за огромной разницы цен промышленная продукция не находила сбыта, залеживаясь на складах. «В результате рынок сбыта постепенно мелел и дошел до такого момента, когда предложение промышленной продукции превысило спрос. Отсюда и получился кризис сбыта, который принял затяжной характер и вместе с безденежьем ослабил оживившийся темп торговли».¹⁸⁹ Торговые обороты резко сократились, предприятия стали испытывать острый недостаток оборотных средств. Это вело к перебоям в выдаче зарплаты рабочим и закрытию ряда предприятий, к росту безработицы. Так, в конце 1923 г. в Пензенской губернии были закрыты кирпичный завод №1, часть спичечных

¹⁸⁶ Вычислено по: ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.13. Л.96; Д.38.Л.36.

¹⁸⁷ Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Ч.II. – С.40.

¹⁸⁸ Материалы по районированию...Вып.1. С.136-137.

¹⁸⁹ Там же. - С.137.

фабрик, одна суконная фабрика; в губернии насчитывалось 6346 безработных.¹⁹⁰

Тяжелое материальное положение затронуло также и финансовых работников. Пензенский губфинотдел в июне 1923 г. сообщал: «Несмотря на то, что с июня месяца получаемое сотрудниками содержание исчисляется товарными рублями, положение последних почти не улучшилось, так как стоимость товарного рубля при получении жалованья исчисляется...по среднему республиканскому индексу, который резко разнится [от местного индекса] в сторону понижения...При вышеизложенном положении получаемое сотрудниками финорганов содержание никак не может хотя бы приблизительно сравняться с быстрорастущими ценами на предметы первой необходимости».¹⁹¹

Все это вызывало недовольство части рабочих и служащих. Были случаи прекращения работы и забастовок. По подсчетам И.Н. Камардина, на территории Среднего Поволжья в 1923 г. происходило 16 забастовок на промышленных предприятиях.¹⁹²

Для преодоления возникших трудностей органы государственной власти вынуждены были принять экстренные меры. XIII конференция РКП(б) и Совнарком приняли ряд решений по вопросам экономической политики. Цены на предметы первой необходимости были снижены и повышены цены на продукты сельского хозяйства. Налаживалась регулярная выдача зарплаты рабочим и служащим, совершенствовалась финансовая система. В результате принятых мер ценовой механизм стал выравниваться. Общий уровень цен на промышленные товары снизился с октября 1923 г. по март 1924 г. на 20%, а цены на сельхозтовары возросли почти в два раза.¹⁹³ К середине 1924 г. кризис сбыта был в основном преодолен.

¹⁹⁰ Килеева А.И. Указ. соч. - С.35.

¹⁹¹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.38. Л.36об.-37.

¹⁹² Камардин И.Н. Указ. соч. С.163.

¹⁹³ Поддубная Р.П. Указ. соч. С.16-17.

Анализируя причины экономических трудностей 1923 г., И.А. Чуканов пишет, что «это был структурный кризис, потрясший основы оправившейся в 1921-1923 гг. экономики страны и регионов».¹⁹⁴ Для выхода из кризиса «правлящее руководство страны...боролось в первую очередь не с монополистической структурой промышленности и снижением производственных издержек, а с частным торговым капиталом и производило плановое снижение цен трестами и синдикатами, то есть проводило по отношению к частникам политику ценового демпинга.»¹⁹⁵

С данной точкой зрения можно согласиться только частично. Действительно, в основе «ножниц цен» 1923 г. лежала диспропорция в структуре экономики страны, опережающее развитие сельского хозяйства по сравнению с промышленностью. Выход из кризиса был найден на основе административного изменения цен. Но причины, сущность и последствия анализируемой экономической политики находятся несколько в иной плоскости.

Если рассматривать нэп как попытку реализации политики государственного регулирования рыночной экономики, то можно обратить внимание на некоторые закономерности в ее проведении. В 1921-1922 гг. при сохранении государственной собственности на основные средства производства и монополии внешней торговли был дан относительный простор рыночным отношениям в развитии мелкого сельскохозяйственного производства и торговли. По мнению американских исследователей нэпа Р.У.Дэвиса и П. Гатрелла, «хотя государство сохраняло за собой мощные рычаги влияния на экономику, нэп в основе своей был все же ориентирован на функционирование рыночной экономики, тем более что государственный контроль над мелким производством, работавшим непосредственно на рынок, был малоэффективен. Государство и принадлежавшие ему предприятия не

¹⁹⁴ Чуканов И.А. Указ. соч. С.93.

¹⁹⁵ Там же. С.171.

осуществляли полного диктата над рынком, но выступали на нем как участники».¹⁹⁶

В результате из-за несовершенства рыночного механизма и в условиях недостаточного его регулирования со стороны государства и сложился тот диспаритет цен, который стал основой кризиса 1923 г. В поисках выхода из создавшегося положения центральные и местные органы власти постепенно в течение 1923-1925 гг. начали нащупывать механизм государственного регулирования экономики. Административное снижение цен было вынужденной мерой, оправданной в экстремальных условиях. В дальнейшем принимались более взвешенные экономические решения. Для выравнивания уровня доходов и цен предпринимались попытки поднять платежеспособный спрос населения. С помощью налоговой системы регулировались накопления населения с целью перераспределения доходов и выравнивания их уровней. Бюджетная политика и банковское кредитование государственной промышленности и торговли, а также проведение товарных интервенций были направлены на их развитие и поддержание стабильных цен на рынке. Основным условием и средством этой политики должно было стать поддержание стабильности национальной денежной единицы – советского червонца.

В итоге принятых в этот период (1924-1925 гг.) мер произошла стабилизация рыночных цен и рост доходов населения. Вместе с тем, достигнутый к середине 1920-х гг. уровень развития промышленности и объективные трудности в сельском хозяйстве не позволяли достичь насыщения рынка товарами. В условиях опережающего роста доходов населения в дальнейшем (1925-1927 гг.) начался «товарный голод», который привел к новым кризисам. Как пишут Р.У.Дэвис и П.Гатрелл, с середины 1920-х гг. «государственный контроль за ценами оказался достаточно действенным средством по отношению к тяжелой промышленности. Но население, в связи с

¹⁹⁶ Дэвис Р.У., Гатрелл П. Указ. соч. С.35.

ростом покупательных возможностей оказывало давление на розничный рынок потребительских товаров, что вело к взвинчиванию цен вопреки этому контролю.»¹⁹⁷ Таким образом, главными причинами экономических кризисов нэпа было несовершенство механизма государственного регулирования экономики, а не само наличие этого механизма.

2.2. Финансово-экономические мероприятия региональных властей в 1923-1925 гг.

Исходя из концепции нэпа как политики государственного регулирования рыночной экономики, можно рассмотреть финансово-экономические мероприятия местных органов власти Среднего Поволжья в этот период. Данная финансовая политика, по всей видимости, не была сводом тщательно продуманных и апробированных мер. Она складывалась, в большинстве случаев, стихийно, под влиянием как общих экономических тенденций, характерных для всей страны, так и региональных особенностей и хозяйственных циклов. Эти особенности и тенденции следует рассмотреть более подробно.

Одним из экономических результатов кризиса 1923 г. было ускорение процесса концентрации местной промышленности. Так, в Самарской губернии к октябрю 1923 г. число действующих промышленных предприятий сократилось с 27 до 15, а число рабочих - с 2730 до 2526, число служащих - с 527 до 261. Были остановлены или совсем ликвидированы те предприятия, которые не могли развивать свою производственную деятельность из-за недостатка оборотных средств и сырья или из-за слабого сбыта их продукции. В результате этих мер стоимость продукции, выработанной предприятиями Самарского губсовнархоза в 1922/23 г., составила 1557 тыс. руб. в довоенных

¹⁹⁷ Дэвис Р.У., Гатрелл П. Указ. соч., С.50.

ценах, что на 15,25% превышало показатели 1921/22 г. Правда, сбыт промышленной продукции из-за «ножниц цен» имел серьезные сложности, реализовано было только 83% выработанной продукции.¹⁹⁸ Количество торговых заведений в губернии в первой половине 1923/24 г. снизилось с 8370 до 5769, то есть на 31%. При этом торговый оборот государственной торговли выразился в сумме 4971 тыс. руб. вместо 1481 тыс. руб. в октябре 1923 г., то есть увеличение составило 335%; в кооперативной торговле этот показатель достиг 224%, в частной - 240%.¹⁹⁹

Аналогичные тенденции в развитии промышленности и торговли наблюдались и в Пензенской губернии. Летом 1923 г. был принят проект дальнейшей концентрации местной государственной промышленности, который предусматривал сокращение количества фабрик и заводов, находящихся в ведении Губсовнархоза, на 16 единиц, что, по мысли его авторов, должно было «усилить оборотными средствами остающиеся предприятия за счет свернутых и в значительной степени облегчить восстановление промышленности».²⁰⁰ В торговле в период с октября 1923 г. по март 1924 г. отмечалось общее уменьшение количества предприятий по сравнению с предыдущим полугодием – с 7987 до 6719 (на 15,9%). В то же время средний оборот торговли в губернии увеличился за этот период с 7326 руб. до 8356 руб., то есть на 14,1%.¹

В Симбирской губернии к концу 1923 г. из 297 предприятий цензовой промышленности было трестировано 57 предприятий (или 19,2%). Количество рабочих при этом уменьшилось на 10-12%, а индивидуальная выработка каждого рабочего возросла с 314 до 406 руб. (или на 29,3%). Была практически решена задача снабжения предприятий сырьем и топливом.²⁰¹

¹⁹⁸ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.46. Л.96об.-97об.

¹⁹⁹ Там же. Д.65. Л.42-43.

²⁰⁰ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.38. Л.35.

²⁰¹ Лютов Л.Н. Экономика Симбирской губернии в начале 20-х гг...

Одновременно начался процесс медленной стабилизации товарных цен. Изменения цен в течение 1923/24 г. происходили уже не такими быстрыми темпами, как в предшествующий период, хотя тенденции в этой сфере оставались те же.²⁰² Так, в Пензенской губернии сельскохозяйственная продукция подешевела в конце 1923/24 г. по сравнению с началом года в среднем на 15,36%, а промышленные товары подорожали за тот же период на 6,56%.²⁰³ То есть «ножницы цен» продолжали расходиться, хотя и медленнее, чем раньше. В то же время в Самарской губернии за период с декабря 1923 г. по апрель 1925 г. цены на промышленные товары уменьшились на 15%, а на сельскохозяйственные увеличились на 27%.²⁰⁴ Такая ситуация в губерниях Среднего Поволжья (кроме Самарской) была следствием аграрного характера губерний Среднего Поволжья и свидетельствовала о более слабом, по сравнению с общесоюзным уровнем, развитии промышленности.

В этих условиях особенно важное значение имело наличие стабильной денежной системы. Это хорошо понимали руководители местных органов власти Среднего Поволжья. Так, на X губернском съезде Советов Пензенской губернии еще в декабре 1922 г. заведующий Губфинотдела И.В. Валентинов говорил: «Вот задача момента – стабилизировать рубль. Другие мероприятия являются вспомогательными... Но стабилизировать рубль невозможно без увеличения хозяйственной базы, без налаживания промышленности, без поднятия сельского хозяйства. Тесно связывая с финансовой политикой, мы стабилизируем рубль лишь относительно.»²⁰⁵ В передовой статье журнала Пензенского губкома РКП(б) и губисполкома «Под знаменем ленинизма» от 14

С.136.

²⁰² См. Приложение 3.

²⁰³ Вычислено по: ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.219-219об.

²⁰⁴ Ягов О.В. Мелкотоварное производство кустарей и ремесленников в 1920-е годы. – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пенза, 1997. С.146.

марта 1924 г. говорилось: «Проводимая в настоящее время денежная реформа имеет исключительное по своей важности и притом мировое значение. Каждый партиец должен понять, что червонец, казначейский знак и серебряная монета делают сейчас то же дело, какое в недавние годы делал славный красноармейский штык».²⁰⁶

Вместе с тем, заведующий Самарского губфинотдела Нудьга, анализируя на XI губернском съезде Советов проведение денежной реформы в 1923 г., подчеркивал важность сбалансированности доходной и расходной части местного бюджета при одновременном поддержании платежеспособного спроса населения: «Перед нами стоит чрезвычайно сложная задача сочетать с одной стороны общее состояние платежных сил населения и состояние народного хозяйства с теми требованиями, которые мы к ним предъявляем, то есть сочетать размеры нашего бюджета с общехозяйственными возможностями, а с другой стороны, получаемые средства по возможности более рационально и правильно распределить.»²⁰⁷

Таким образом, руководство местных органов государственной власти демонстрировало ясное понимание основных факторов финансовой политики этого периода. Они были разработаны в процессе завершения денежной реформы. Решение об этом было принято на II съезде Советов СССР в январе-феврале 1924 г. Техническая часть этого процесса состояла из следующих мероприятий: выпуска твердых казначейских билетов, изъятия из обращения совзнаков, прекращения в стране всех местных эмиссий. Декретом ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1924 г. были выпущены в обращение государственные казначейские билеты достоинством в 1, 3 и 5 рублей золотом. Затем, с 10 марта по 30 апреля 1924 г. был организован выкуп совзнаков, находившихся в обращении, по соотношению: 1 рубль государственными казначейскими

²⁰⁵ Пензенский 10-й Губернский съезд Советов. Бюллетень №2. С.13-14.

²⁰⁶ Под знаменем ленинизма. – 1924 – 14 марта. №5. С.1.

²⁰⁷ XI Самарский губернский съезд Советов... Самара, 1924. С.181-182.

билетами за 50 тыс. руб. совзнаками выпуска 1923 г. или за 50 млрд. руб. всех прошлых (до деноминаций) образцов. К этому времени в обращении на территории СССР находилось 809,6 квадриллиона рублей старых денежных знаков (по счету до деноминации 1922 г.) ценность которых в червонном исчислении составляла всего 16,2 млн. руб.²⁰⁸

Экономическое содержание денежной реформы 1922-1924 гг. заключалось не только в изменениях, внесенных в денежную систему страны, но и в целом комплексе экономических мероприятий, которые были осуществлены для обеспечения устойчивости новой валюты. В области финансов, денежного обращения и кредита предусматривалось максимальное ограничение дефицита госбюджета, сжатие банкнотной эмиссии, обеспечение беспрепятственного обмена казначейских билетов на червонцы и обратно; планировались меры воздействия на валютный курс рубля на денежном рынке; предусматривалось повышение процента по пассивным операциям Государственного банка, по вкладам сберегательных касс и понижение процента по активным банковским операциям. В целях расширения внутреннего товарного рынка предлагалось провести временную приостановку экспорта хлеба и широкую продажу хлеба, принадлежащего государственным органам и кооперации, в потребляющих районах по лимитным ценам; организовать «продовольственные интервенции» по важнейшим товарам - мясу, сахару, жирам и т.п.; одновременно планировались подобные «интервенции» и на рынке промышленных товаров с целью понижения цен на них. Было принято решение об официальном понижении розничных цен при переходе на твердую валюту и об обязательной публикации цен розничной торговли.²⁰⁹

Сама денежная реформа в своей технической части начала осущест-

²⁰⁸ Кронрод Я.А. Указ. соч. С.20.

²⁰⁹ Атлас З.В. Социалистическая денежная система. С.231-232.

влияться в губерниях Среднего Поволжья с весны 1923 г., когда в регион начала поступать новая валюта. Этот процесс не обошелся без сложностей. Например, в Симбирскую губернию новые денежные знаки (червонцы) стали поступать с 15 февраля 1923 г., однако их поступление происходило с перебоями. Тем не менее, согласно непродуманному распоряжению Центра весь имеющийся в местном отделении Госбанка и казначействе запас совзнаков образца 1921-1922 гг. был уничтожен. Касса финансовых учреждений превратилась в несостоятельного кредитора. На обеспечение финансовых нужд губернии было выделено первоначально всего 60 тысяч новых червонцев, что едва покрывало 5% всего требуемого объема денежной наличности. На рынке сразу же возник ажиотажный спрос на новую валюту и, соответственно, спекуляция, новые червонцы продавались втридорога. После этого в обстановке строгой секретности начался поэтапный, начиная с госучреждений, обмен совзнаков старых образцов на червонцы. Для решения внезапно возникших финансовых проблем в Симбирском отделении Госбанка был создан специальный забалансовый счет Запасного фонда, который ведал распределением новых денежных знаков. К концу 1923 г. червонцы и разменная монета нового образца поступили в губернию в достаточном количестве, а совзнаки были полностью изъяты из обращения. В итоге, к середине 1924 г. техническая часть денежной реформы в Симбирской губернии была успешно завершена.²¹⁰

В то же время в Пензенской губернии подобных эксцессов не наблюдалось. В течение весны-лета 1923 г. червонцы постепенно вливались в торговый оборот губернии и первоначально обращались наряду с совзнаками. При этом случаев проявления «денежного голода», в частности недостатка у населения денег для операций купли-продажи, практически не было, за исключением недостатка «мелких» купюр совзнаков. Летом 1923 г. имел место

²¹⁰ Чуканов И.А. Указ. соч. С.126; См. также: Государственный архив Ульяновской области. (ГАУО) Ф.р-183. Оп.8 «с». Д.29. Л.94; Д.85. Л.12-12об.

кратковременный недостаток наличности в кассах Губфинотдела в связи с сокращением в этот период поступлений налогов и сборов; в отделении Госбанка такого недостатка не наблюдалось.

Проникновение червонцев на потребительский рынок Пензенской губернии происходило постепенно. В апреле 1923 г. банкноты Госбанка еще только начали внедряться в оборот и торговых сделок на них еще не совершалось. Они обращались только в губернском центре, где воспринимались как средство накопления, своего рода «страховка от инфляции», и приобретались только с этой целью. С мая же торговый оборот губернии стал переходить на червонцы, их стали принимать как средство платежа, причем как при крупных торговых сделках, так и в розничной государственной и частной торговле.²¹¹ В течение июля-сентября 1923 г. червонцы окончательно влились в денежное обращение как в губернском городе, так и в уездах. На них перешел торговый оборот, цены на товары стали обозначаться преимущественно в червонных рублях, «а для обывателя они служат сбережением денег от обесценения». Червонцы даже начали вытеснять из обращения золотую монету дореволюционного образца: «Сделок с расплатой золотой монетой не бывает, а по золотому (червонному) исчислению совершаются все сделки».²¹² Правда, новые денежные знаки в середине 1923 г. еще не проникли в деревню. Задачу внедрения червонного исчисления среди сельского населения губернии взяло на себя Пензенское общество сельхозкредита. Уже первая его кредитная операция весной 1923 г. была проведена в червонцах, «и благодаря этому понятие о червонцах докатилось в такие уголки губернии, куда самый червонец пришел, быть может, только в самое последнее время».²¹³ Вследствие этого к декабрю 1923 г. банкноты червонцев окончательно вошли в оборот как в городе, так и в деревне. «Торговые сделки только на них и совершаются. Банкноты

²¹¹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.12. Л.417об.

²¹² Там же. Л.439об.

²¹³ ГАПО. Ф.р-377. Оп 1. Д.3. Л.119.

являются самым желанным для продавцов платежным средством, а также и весьма распространенным средством для сбережения денег обывателем».²¹⁴

Для поддержания высокого курса червонца центральными и региональными финансовыми органами разрабатывались меры воздействия на товарооборот, например, банковское кредитование хлебозалоговых операций, установление предельных («лимитных») цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, проведение «товарных интервенций» на рынке. Таким образом пресекались попытки вздуть цены на промышленные товары, в то же время осуществлялось экономическое регулирование цен на хлеб и другие сельхозпродукты. В частности, в начале заготовительной кампании устанавливались «лимитные» цены на рожь и другие сельскохозяйственные культуры, которые закупались государственными заготовительными организациями. Эти цены подлежали огласке и устанавливались на основе рыночной конъюнктуры.

Впервые лимитные цены на сельхозпродукцию были применены в Поволжье осенью 1923 г. Они вели свое происхождение от денежного эквивалента натуральной части единого сельхозналога, который уплачивался крестьянами частично в натуральной, частично в денежной форме. Влияние денежного эквивалента на состояние рыночных цен можно проследить на примере Пензенской губернии.

Эквивалент замены натуральной части сельхозналога денежной здесь был установлен в сентябре 1923 г. в размере 100 руб. за пуд ржи, что вполне соответствовало уровню цен в губернии (от 90 до 130 руб. за пуд).²¹⁵ Когда с 13 октября 1923 г. эквиваленты повысились в зависимости от экономической конъюнктуры уездов губернии (от 110 до 240 руб.), это сразу вызвало тенденцию к повышению рыночных цен. Средняя рыночная цена ржи по

²¹⁴ ГАПО. Ф.р-313. Оп 9. Д.12. Л.588.

²¹⁵ Там же. Л.438.

губернии, бывшая 10 октября на уровне 114 руб. за пуд, повысилась к 15 октября до 130 руб., а к 17 октября - до 151 руб. Это вынудило, в свою очередь, Губпродком повысить с 1 октября эквивалент в среднем до 222,8 руб. В результате средняя рыночная цена ржи поднялась к 20 октября до 160 руб. за пуд, к 23 октября - до 212 руб. и к 25 октября - до 260 руб. за пуд (в дензнаках 1923 г.).²¹⁶

Такое повышение рыночных цен и эквивалентов продолжалось до 12 ноября 1923 г., когда согласно постановлению Совета Труда и Оборонь денежные эквиваленты по единому сельхозналогу были переведены на червонное исчисление. С этого времени рост рыночных цен в дензнаках 1923 г. замедлился, в то же время в червонном исчислении началось понижение цен. Несмотря на то, что за период с 4 октября по 12 ноября 1923 г. эквиваленты в зависимости от повышения рыночных цен менялись пять раз, эквивалент в червонном исчислении не потребовал изменения до 10 декабря. За этот период рыночная цена ржи, повысившись в совзнаках с 386 до 591 руб. за пуд, понизилась в червонном исчислении к 28 ноября с 45 до 36 коп. Это вынудило Губпродком с 10 декабря 1923 г. понизить эквивалент с 72 до 64,8 коп, а с 15 декабря - до 57 коп. Это понижение эквивалентов вызвало незначительное повышение рыночной цены ржи до 38 коп, и эквивалент с 23 декабря 1923 г. был понижен до 52,7 коп. К концу декабря запасы хлеба на рынке губернии уменьшились, спрос стал превышать предложение и цена стала повышаться, достигнув к 26 декабря 49 коп за пуд.²¹⁷

Таким образом, осенью 1923 г. в губерниях Среднего Поволжья началось применение государственного регулирования рыночных цен. Поскольку механизм этого регулирования был еще не отлажен, государство не могло напрямую влиять на уровень цен, стремясь лишь замедлить раскручивание инфляционной спирали и не допустить резкого падения цен на

²¹⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.12. Л. 586-587.

²¹⁷ Там же.

сельскохозяйственную продукцию. В известной степени это удалось, особенно в части снижения уровня инфляции. Так, в Пензенской губернии цены на сельскохозяйственную продукцию выросли с 1 января по 1 сентября 1923 г. в среднем в 12,2 раза, а с 1 сентября 1923 г. по 1 марта 1924 г. – в 1,52 раза; цены на промышленные товары выросли, соответственно, в 16,4 раза и на 93%.²¹⁸

Механизм государственного регулирования экономики подвергся серьезным испытаниям и, одновременно, получил толчок к совершенствованию в результате борьбы с последствиями неурожая 1924 г. По своим масштабам этот недород был меньше, чем в 1921 г., но он захватил наиболее урожайные районы Среднего Поволжья. Так, в Пензенской губернии неурожай поразил в основном Пензенский, Чембарский и Нижне-Ломовский уезды, «и притом настолько, что эти уезды, никогда не нуждавшиеся в семенной ссуде и даже в 1921 г. обсеменявшиеся самостоятельно, в текущем [1924] году поглотили значительное количество семян, и все-таки в этих уездах останется значительный процент пустующих площадей».²¹⁹ В Самарской губернии аналогичным образом от неурожая пострадали Пугачёвский и Бузулукский уезды.²²⁰ Серьезные экономические потери наблюдались в Симбирской губернии, особенно в Сызранском уезде, где неурожай «понижил доход крестьянского хозяйства и поставил крестьянина в такие условия, что он из производителя продукции сельского хозяйства стал ее потребителем».²²¹

Для борьбы с неурожаем крестьянству Среднего Поволжья вновь потребовалась срочная государственная помощь. В связи с засухой в Самарской

²¹⁸ Вычислено по: Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. 1920-1926 гг. - С.774-775.

²¹⁹ Пензенский край. 1917-1977 гг.: Документы и материалы. – Саратов, 1982. С.95-96.

²²⁰ Самарская летопись. Кн. 3. С.89.

²²¹ ГАУО. Ф.р-334. Оп. 1. Д.49. Л.1.

губернии был отменен возврат семенных ссуд за 1921-1922 гг. и отсрочены платежи недоимок по сельхозналогу 1923/24 г.²²² В Пензенскую губернию было направлено 350 тыс. руб. безвозвратной ссуды от Госбанка и 880 тыс. пудов семенной ссуды.²²³ В Симбирской губернии пострадавшим крестьянским хозяйствам была предоставлена семенная ссуда в размере 157716 пудов.²²⁴

Неурожай 1924 г. непосредственно отразился на состоянии продовольственного рынка Среднего Поволжья. Осенью 1924 г. вновь наметилась тенденция к росту цен на хлебопродукцию. Однако государственные заготовительные органы в этот период проводили политику лимитных цен, пытаясь сдержать их рост. В среднем эти лимитные цены в сентябре-ноябре 1924 г. были ниже рыночных на 50-75%.²²⁵ Тем самым государство пыталось смягчить последствия неурожая для рабочих и служащих, не имеющих иных источников дохода, кроме зарплаты. Но эта политика отрицательно отразилась на доходах крестьянского хозяйства и привела к сокращению товарооборота в Средневолжских губерниях.

По данным Пензенского отделения Госбанка, уже в августе 1924 г. началось постепенное сокращение емкости хлебного рынка в губернии. В качестве характерного примера в отчете приводится следующий факт, имевший место в районе деятельности одного из контрагентов банка (Каменского сельхозтоварищества): «На базар вывезено было большое количество хлеба, но когда крестьяне узнали новую цену на него, предлагавшуюся всеми заготовителями, государственными и кооперативными, то ссыпать его они не стали и, по приблизительному определению, до 1,5 тыс. пудов хлеба было увезено обратно, что очень редко бывает. Ни одной организации не пришлось

²²² Самарская летопись. Кн. 3. С.89; ГАСО Ф.р-142. Оп. 1. Д.50. Л.50.

²²³ ГАПО. Ф.р-2. Оп.1. Д. 2490. Л.779.

²²⁴ Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Ч.II. С.42.

²²⁵ ГАПО. Ф.Р-313. Оп.9. Д.123. Л. 348об.

на этот раз купить более 300 пудов. Покупали только частные скупщики, да те же крестьяне для собственного потребления, разумеется, по более высокой цене, но этот спрос не мог поглотить всего предложения, почему большая часть хлеба и увезена назад».²²⁶

Крестьянство Пензенской губернии, таким образом, предпочитало воздерживаться от реализации хлебных запасов по предложенной государством цене и стало выбрасывать на рынок исключительно продуктивный скот. При отсутствии каких-либо серьезных государственных заготовок предложение быстро превысило рыночный спрос, и цены на мясном рынке упали до предельно низкого уровня. Так, в Чембарском и Нижне-Ломовском уездах цена хорошей дойной коровы доходила до 12-15 руб. Такой нерациональной реализации скота способствовала и грозящая ему бескормица вследствие неурожая. В результате низкие цены мясного рынка оказались выгодны лишь для частных скупщиков, устанавливавших рыночные цены.²²⁷

В октябре-ноябре 1924 г. в связи с необходимостью уплаты сельхозналога начался массовый выброс крестьянами своей продукции на рынок. Но оживление оптового рынка было прервано наступившей осенней распутицей.²²⁸ Состояние же розничного рынка, «хотя и улучшилось по сравнению с предыдущими месяцами, но не в той степени, как это должно бы быть в осенний сезон, что объясняется плохим урожаем и, следовательно, ослаблением покупательной способности сельского населения».²²⁹ В связи с сокращением предложения сельскохозяйственной продукции на рынке в конце октября цены на нее повысились более чем на 30%. В результате значительно уменьшились государственные хлебозаготовки. Таким образом, политика низких лимитных цен перестала сдерживать рыночный механизм. В итоге во второй половине

²²⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.316-316об.

²²⁷ Там же. Оп.9. Д. 123. Л.348об.

²²⁸ ГАСО. Ф.81, Оп.1. Д.65. Л.46.

²²⁹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.417-417об.

ноября 1924 г. лимитные цены были отменены в оптовой, а с середины декабря – в розничной торговле.²³⁰

К началу января 1925 г. ажиотажный спрос в связи с новогодними праздниками еще более взвинтил цены. Одновременно, весной 1925 г. продолжалось сокращение предложения сельхозпродукции со стороны крестьянства из-за уменьшения запасов зерна предыдущего урожая и опасений за судьбу будущих посевов. Покупательная способность населения значительно снизилась, в результате товарооборот в регионе серьезно уменьшился. Особенно сильное сокращение товарооборота наблюдалось в области торговли промышленными товарами (с 45% всего оптового оборота в январе 1925 г. до 26,4% в апреле 1925 г.).²³¹ К концу мая 1925 г. хлебные запасы крестьянских хозяйств оказались практически исчерпаны, наметилась тенденция к сокращению товарооборота и по этой группе товаров.²³² Одновременно на фоне роста цен мясного рынка (в среднем на 27,2%) отмечался значительный выброс крестьянами на рынок мясопродуктов и скота, вплоть до рабочих лошадей.²³³ Это также свидетельствовало об «исчерпании всех прочих ресурсов» крестьянского хозяйства и серьезном уменьшении его покупательных способностей.

При продолжении действия наметившихся тенденций в условиях сложившейся рыночной конъюнктуры оскудение крестьянского хозяйства Среднего Поволжья, особенно Пензенской и Симбирской губерний, грозило перерасти в его разорение, аналогичное по своим масштабам последствиям неурожая 1921 г. Для предотвращения этого вновь потребовалось усилить государственное вмешательство в действие рыночной стихии, необходимо было совершенствовать механизм государственного регулирования рынка.

²³⁰ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.417об.

²³¹ Вычислено по: ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.593-594, 741-742.

²³² Там же. Л.1196-1197.

²³³ Там же. Л.742, 1196.

С целью ослабления напряженного состояния рынка государственные торговые организации производили товарные интервенции, то есть выбрасывали на рынок крупные партии сельскохозяйственной продукции, особенно хлебофуража, по цене несколько ниже рыночной; причем государственная оптовая торговля обеспечивала льготные условия продажи, предоставляя возможность оплаты товара в кредит.²³⁴ Таким образом корректировалось рыночное предложение, поддерживалась стабильность рынка. Как следствие, с началом этой политики (апрель 1925 г.) возрос торговый оборот по хлебофуражным товарам (рожь, ржаная мука, пшено), например, на Пензенской Товарной бирже - до 45,9% биржевого оборота в апреле и 63,9% в июне 1925 г. Товарные интервенции по этой группе товаров обеспечивали до 70% всего предложения хлеба на рынке.²³⁵

Сдерживающее влияние на расширение товарных интервенций оказывал недостаток средств у государственных торговых организаций. В этой связи, оценивая работу финансовых органов губернии, заведующий Пензенского губфинотдела В.А. Хонин заявил в сентябре 1925 г.: «Беда не в том, что мы плохо работали, беда в том, что... мы не имели возможности развернуть нашу работу».²³⁶ Так, осенью 1924 г, когда неурожай только начинал сказываться на состоянии рынка, государственная торговля Пензенской губерний выделила на проведение всех рыночных операций всего 325 тыс. руб.,²³⁷ которых хватило ненадолго. Только с апреля 1925 г. на регулирование рынка были направлены кредиты Госбанка и Центрального сельхозбанка. На проведение товарных интервенций было выделено 380 тыс. руб. в мае и 200 тыс. руб. в июне 1925 г.²³⁸

²³⁴ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.742об.

²³⁵ Там же. Л.1196, 1320.

²³⁶ Там же. Оп.11. Д.15.Л.29.

²³⁷ Там же. Оп.9. Д.123. Л.139.

²³⁸ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.1195об., 1319об.

Хотя реализация хлебобудоводов в интервенционном порядке и в порядке продовольственной помощи не восстановили рыночное равновесие в достаточной степени, но как отмечалось в обзорном докладе Пензенского губфинотдела, «регулирование рынка путем интервенции, безусловно, оказало сдерживающее влияние на рост цен».²³⁹ Если в октябре 1924 г. цены на сельхозпродукцию выросли в среднем на 30%, то в апреле 1925 г. – уже только на 12%.²⁴⁰ Начиная с июня 1925 г. «депрессивное состояние рынка не прогрессировало», чему способствовали, наряду с мерами государственного регулирования, оптимистичные прогнозы относительно будущего урожая. Стабилизация хлебного рынка повлекла за собой оживление на рынке текстильных изделий, а также топливных товаров и строительных материалов.²⁴¹

Большую роль в преодолении последствий недорода 1924 г. сыграла кредитная политика государства и кредитной кооперации. За период с августа 1924 г. по апрель 1925 г. только Обществом сельскохозяйственного кредита Пензенской губернии было выдано кредитов сельскому хозяйству и торговле на сумму более 1,1 млн. руб.²⁴² Еще летом 1923 г. Общества сельхозкредита губерний региона разработали программу своеобразного «страхования» крестьян от колебаний рыночных цен, которая заключалась в следующем. Общества сельхозкредита через подконтрольные им Кредитные товарищества концентрировали в своих руках крестьянские паи членов товариществ. Эти паи, согласно действовавшим правилам, давали отсрочку в уплате сельхозналога на всю их сумму на срок до 6 месяцев. Товарищества, пользуясь этим, могли направить средства крестьянских паев на хлебозалоговые операции: «Осенью, когда хлеб дешев, а фининспектор требует взноса налога, товарищество

²³⁹ Там же. Л.741

²⁴⁰ Вычислено по: ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.741.

²⁴¹ Вычислено по: ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.1320.

²⁴² Вычислено по: ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.301, 425-426, 439-441, 604-607, 613-616, 711-714, 798-801, 809-812.

предлагает своим членам ссыпать хлеб товариществу с условием, что товарищество берет на себя уплату налога. Ссыпав хлеб, товарищество при помощи паев, заложив их в соответствующем финоргане, получает отсрочку для своих членов и выдерживает хлеб до повышения цены. При повышении хлеб продается, паи выкупаются и снова могут быть направлены в оборот, а прибыль, за вычетом известного процента, идущего на погашение взятой в основной капитал ссуды, возвращается членам товарищества, ссыпавшим хлеб».²⁴³ Таким образом, Общества сельхозкредита получали возможность контролировать предложение хлеба на рынке и регулировать его. Однако, хотя Общества направляли на эти цели до 40% своего капитала, у них не всегда хватало средств для кредитования хлебозалоговых операций, и это тормозило их деятельность в том направлении. Тем не менее, программа хлебозалоговых операций сыграла свою роль в смягчении последствий неурожая 1924 г.

Наряду с этим большую роль в преодолении последствий неурожая играла государственная налоговая политика. В течение 1924-1925 гг. проводилось последовательное сокращение размеров единого сельхозналога в губерниях Среднего Поволжья. В Пензенской губернии размер налога, первоначально установленный в сумме около 6 млн. руб., ввиду неурожая был снижен до 4,5 млн. руб., а на 1925/26 г. налог был запланирован в размере 2,9 млн. руб., причем Пензенской губернии была предоставлена налоговая скидка в 12% за недород.²⁴⁴ Если в 1924/25 г обложение одного крестьянского хозяйства в среднем составляло 14,24 руб., то в 1925/26 г. - 7,08 руб., то есть уменьшилось вдвое.²⁴⁵ В Самарской губернии ставка сельхозналога в расчете на душу крестьянского населения была назначена вдвое ниже общероссийской; низший разряд обложения составлял в 1924 г. 20 коп против 40 коп

²⁴³ См. ГАПО. Ф.р-377. Оп.1. Д.3. Л.87.

²⁴⁴ ГАПО. Ф.р-313. Оп.11. Д.15. Л.30.

²⁴⁵ Там же. Л.43-43об.

общероссийской нормы.²⁴⁶ Все это имело для крестьянства особенно большое значение в условиях продолжающегося расхождения «ножниц цен». Сокращение налогов должно было в этом случае компенсировать неэквивалентный обмен между городом и деревней. По мнению советского экономиста А.А. Барсова, которое приводят Р.У. Дэвис и П. Гатрелл, «до первой пятилетки на цели индустриализации из аграрного сектора перекачивалось все-таки меньше средств, чем в 1913 г».²⁴⁷

В то же время в Самарской губернии, меньше других губерний региона пострадавшей от неурожая, продолжала осуществляться политика ценового регулирования рынка сельхозпродуктов. В частности, 31 августа 1925 г. Наркомат внутренней торговли направил письмо губернским органам торговли «О директивных ценах для Поволжья». Эти цены устанавливались в начале заготовительной кампании. Они подлежали огласке и не мешали заготовителям руководствоваться соображениями коммерческого характера. Но в случае падения цен ниже директивных госторговля должна была повышать закупочные цены на зерно. Следом за госторговлей так же поступала кооперация. Таким образом, государство сохраняло приемлемые для крестьян цены.²⁴⁸

Помимо ценового регулирования рынка Самарский губфинотдел рекомендовал торговым организациям губернии использовать методы регулирования спроса и предложения путем массовых государственных закупок: «Необходимо, чтобы хлебные заготовители стремились свой план строить таким образом, чтобы в эти месяцы [сентябрь-октябрь и январь. – А.Ф.], когда имеется стремление крестьян к уплате налога, производились бы усиленные закупки во избежание депрессии. Необходимо закупку хлеба организовать таким образом, чтобы тут интересы крестьянства были бы сочтены с

²⁴⁶ Беднота. – 1924 – 25 мая.

²⁴⁷ Дэвис Р.У., Гатрелл П. Указ. соч. С.36.

²⁴⁸ История Самарского Поволжья...С.84-85.

интересами государственными».²⁴⁹

Общим для губерний Среднего Поволжья методом государственного регулирования являлось поддержание платежеспособного спроса городского населения путем опережающего по сравнению с ростом производительности труда повышения зарплаты рабочих и служащих на государственных предприятиях. Например, в Пензенском Спичечном тресте за период с апреля по июнь 1924 г. производительность труда поднялась на 8%, а зарплата увеличилась в среднем на 20%. В целом же, в государственной промышленности Пензенской губернии за этот период зарплата повысилась на 23% при общем понижении производительности труда на 4%.²⁵⁰ В Самарской губернии производительность труда составляла: на Самарском Металлическом заводе 91% по отношению к довоенной производительности при зарплате в 100% довоенной, на кожевенном производстве – 43% при зарплате в 57%, в швейной промышленности – 85% при зарплате в 70% довоенной. В целом, производительность труда в промышленности губернии составляла 70% довоенной производительности при зарплате в 84,4% от довоенной.²⁵¹

Той же цели поддержания платежеспособного спроса служило установление минимальных ставок зарплаты для работающих в государственных, кооперативных и частных учреждениях и предприятиях. В Пензенской губернии минимальная зарплата в 1924/25 г. была установлена в размере 5 руб. в месяц, средняя зарплата по губернии составляла примерно 32,24 руб.²⁵² В Самарской губернии минимальная зарплата была установлена в размере 4 руб. в месяц,²⁵³ но в государственных учреждениях и организациях г. Самары в апреле-июне 1924 г. она выплачивалась в размере от 5,73 до 9,15 руб., в

²⁴⁹ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.65. Л.46-46об.

²⁵⁰ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.267-271.

²⁵¹ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.46. Л.97об.

²⁵² Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924-25 г. – Пенза, 1925. С.125.

кооперативных организациях –от 10,76 до 12,94 руб., на частных предприятиях - от 13,29 до 16,69 руб.²⁵⁴

Приведенные данные свидетельствуют о постепенном совершенствовании механизма государственного регулирования экономики и расширении набора методов этого регулирования в течение 1924-1925 гг. Первоначально основной мерой регулирования рынка было установление лимитных цен. Но при отсутствии иных методов контроля низкие лимитные цены в условиях резкого падения предложения сельскохозяйственных продуктов из-за неурожая 1924 г. стали сдерживать развитие товарооборота и в конечном итоге ударили по фискальным интересам государства. Крестьянство отказывалось реализовать хлеб по столь низким ценам, и это отрицательно отразилось на динамике поступления сельхозналога. Лимитные цены с декабря 1924 г. пришлось отменить, а с весны 1925 г. в Среднем Поволжье стал применяться более широкий спектр методов государственного регулирования рынка. К числу этих методов можно отнести следующие:

- метод товарных интервенций на хлебном рынке, который корректировал рыночное предложение хлеба и сдерживал рост цен;
- кредитные операции государственных финансовых органов (Госбанк, Общества сельхозкредита, кредитные товарищества) в области хлебозалоговых операций. Эти меры дополняли и облегчали проведение товарных интервенций и также были направлены на регулирование рыночного спроса и предложения;
- изменение ставок единого сельхозналога, уменьшение которых в 1924-1925 гг. способствовало смягчению последствий неурожая и восстановлению платежеспособности крестьянства;
- поддержание платежеспособного спроса городского населения путем опережающего по сравнению с ростом производительности труда повышения зарплаты рабочих и служащих на государственных предприятиях;

²⁵³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.15. Д.39. Л.11.

²⁵⁴ Коммуна. – 1924 - 25 июля.

- метод ценового регулирования рынка путем установления и изменения государственных директивных цен. Этот метод содействовал стабилизации рыночных цен на сельскохозяйственные и промышленные товары.

Таким образом, в этот период государство, являясь одним из контрагентов рынка, пыталось установить контроль над ним и одновременно совершенствовало механизм регулирования рыночного хозяйства.

Все эти данные противоречат выводу И.А. Чуканова о том, что «начиная с 1925 г. партийные комитеты и местные органы власти неоднократно прибегали к чрезвычайным административным методам внеэкономического регулирования чисто рыночных вопросов».²⁵⁵ Интересно в то же время отметить, что, например, товарные интервенции Чуканов считает одним из тех методов, которые «способствовали регулированию нормального денежного обращения».²⁵⁶ Налицо явное противоречие, на которое его автор не обращает внимания. Приведенные нами данные свидетельствуют именно об экономических методах регулирования рынка в Среднем Поволжье. Эти меры в условиях неурожая 1924 г. и грозящего голода (о чем Чуканов даже не упоминает) были жизненно необходимы для населения региона, способствовали корректированию рыночного механизма и предотвратили коллапс регионального рынка.

2.3. Результаты финансово-экономических мероприятий региональных органов власти в 1922-1925 гг.

Неурожай 1924 г. тяжело отразился на экономике губерний Среднего Поволжья. Урожайность ржи, например, в Пензенской губернии в 1924 г. составляла 69% урожайности довоенного времени, урожайность овса была на

²⁵⁵ Чуканов И.А. Указ. соч. С.155.

²⁵⁶ Там же. С.125-126.

52% меньше довоенной, урожайность проса - на 51% меньше. Количество лошадей уменьшилось за год на 12,3%, количество крупного рогатого скота – на 22,3%.²⁵⁷ Падение производства в сельском хозяйстве непосредственно повлияло на положение дел в промышленности и торговле, которые были, в силу аграрной специфики региона, напрямую связаны с сельскохозяйственным производством. К 1 января 1925 г. в губернии закрылось 205 торговых и промышленных предприятий (141 торговое и 64 промышленных), в основном мелких.²⁵⁸ В результате уменьшилось поступление налогов в губернский бюджет, в частности сбор сельхозналога составил 77,8% от запланированного объема.²⁵⁹

Но принятые меры экономического регулирования дали свои результаты. Благодаря им удалось в значительной степени сгладить последствия неурожая. Так, в Пензенской губернии после получения семенной ссуды посевная площадь в 1925 г. увеличилась по сравнению с 1924 г. на 8%, урожайность зерновых культур возросла в среднем на 75%. Урожай 1925 г. был на 28 млн. пудов больше урожая 1924 г.²⁶⁰ Производство промышленной продукции выросло за год в стоимостном выражении на 25% (с 5,3 млн. руб. до 6,7 млн. руб.). Оборотный капитал промышленных предприятий увеличился на 29% (с 745 тыс. руб. до 962 тыс. руб.). Чистая прибыль промышленности увеличилась с 104 тыс. руб. в 1924 г. до 284 тыс. руб. в 1925 г. Товарооборот в Пензенской губернии увеличился в первом полугодии 1924/25 г. по сравнению со вторым полугодием 1923/24 г. на 35%.²⁶¹ В Самарской губернии за год на 18 тыс. выросло количество облагаемых налогом крестьянских хозяйств (то есть на 10%), окрепли прежние хозяйства и появились новые. Доходность сельского хозяйства Самарской губернии в 1925 г. повысилась почти в 2,5 раза (с 44 млн.

²⁵⁷ ГАПО. Ф.р-313. Оп.11. Д.15. Л.29-29об.

²⁵⁸ Там же. Оп.9. Д.123. Л.294об.

²⁵⁹ Там же. Оп.11. Д.15. Л.30.

²⁶⁰ Там же. Л.30об.

²⁶¹ Там же. Л.31-32.

руб. до 105 млн. руб.). Доходы среднего крестьянского хозяйства в губернии возросли со 111 руб. в 1924 г. до 251 руб. в 1925 г.²⁶²

Принятые меры государственного регулирования сказались и на уровне цен в регионе. Оптовые цены к осени 1925 г. стабилизировались на сравнительно удовлетворительном уровне. Так, в Пензенской губернии цена ржи возросла с 50-75 коп за пуд в IV квартале 1923/24 г. до 1,1 руб. в IV квартале 1924/25 г., цена мяса увеличилась за это время с 7 до 19 коп за фунт. В то же время гвозди подешевели с 22 коп. до 18 коп, ситец - с 45-49 коп. до 35 коп, спички - с 2 коп до 1,5 коп.²⁶³ Таким образом, оптовые цены на сельхозпродукты увеличивались; а на промышленные изделия снижались, «ножницы цен» уменьшались.

Аналогичные процессы наблюдались в Самарской губернии, где хлебные цены также стабилизировались на приемлемом уровне. Этому способствовало снижение цен на промышленные товары: металлоизделия, сельскохозяйственный инвентарь, керосин, текстиль и т.д. Цены на керосин, например, за 1924/25 г. сократились в Самаре на 24%.²⁶⁴ Емкость рынка возросла, резко увеличился спрос на потребительские товары.

В целом, осенью 1925 г. Среднее Поволжье заняло третье место в стране по заготовкам хлеба после Северного Кавказа и Украины. Доля Поволжья в экспорте хлеба составила 14,2%. Цены на хлебopодукты в 1924/25 г. и в последующие два года стабилизировались и приблизились к довоенным.²⁶⁵ Они были даже несколько ниже цен в Центральном районе и на Украине.²⁶⁶ Таким образом, как считают авторы трехтомника «Самарская летопись», приведенные данные показывают известную эффективность новой экономической политики в области сельского хозяйства, а также, добавим, в области государственного

²⁶² ГАСО. Ф.р-142. Оп.1. Д.120а. Л.1об.

²⁶³ ГАПО. Ф.р-313. Оп.11. Д.15. Л.32.

²⁶⁴ Самарская летопись. Кн.3. С.92.

²⁶⁵ См. Приложение 4.

²⁶⁶ История Самарского Поволжья...XX век. – С.85.

регулирования экономики.

Принятые меры государственного регулирования непосредственно отразились в сфере денежного обращения. Оценивая состояние этой сферы экономики в Среднем Поволжья, И.А. Чуканов пишет, что «в губерниях Среднего Поволжья в 1924 г. возник тяжелый финансовый кризис, одним из проявлений которого была острая нехватка денежной наличности».²⁶⁷ Среди причин, вызвавших кризис, называются следующие: падение валюты из-за усиливающихся кризисных явлений в нэповской экономике; отставание роста государственных доходов от роста расходов; низкий уровень зарплаты рабочих и служащих, который не позволял повышать по отношению к ним подоходный налог, а мизерный уровень развития сельскохозяйственного производства не позволял повышать единый сельхозналог; крайне слабый рост платежеспособности сельского населения, которое к тому времени еще не успело оправиться от политики «продразверстки» в период «военного коммунизма».

Далее Чуканов дает характеристику административных и финансовых мер местных органов власти для преодоления кризиса. В Симбирской (с 1924 г. – Ульяновской) губернии в доходную часть бюджета стали перечислять весь валовой доход предприятий, которые отныне могли свободно распоряжаться только оборотными средствами. Тресты и синдикаты были сняты с бюджетного финансирования, они могли получать заемные средства лишь путем банковского кредитования. На основе секретной инструкции НКФ №108 от 20 января 1923 г. были резко увеличены ставки подоходного налога, сильно увеличивался промысловый налог. С целью увеличения сбора налогов местные органы власти Симбирской губернии начали проводить массовую распродажу имущества должников, выручив за это 500 тыс. руб. Они обратились к центральному руководству с просьбой о срочном оказании финансовой помощи, пошли на серьезное (на 15-20%) сокращение управленческого

²⁶⁷ Чуканов И.А. Указ. соч. С.127.

аппарата и административных расходов. В отношении частного сектора экономики была начата кампания по борьбе со «спекулянтами», были пересмотрена все патенты на торгово-посредническую деятельность. На промышленных предприятиях и в учреждениях было проведено директивное снижение зарплаты. В срочном порядке вводились новые местные налоги, увеличивалась квартплата. В сельском хозяйстве на 50% был сокращен сельскохозяйственный кредит. Уменьшались отчисления денежных сумм в бюджет страны.²⁶⁸

Как мы видим, почти все названные меры носили преимущественно административный характер. «Успешное претворение в жизнь вышеперечисленных мероприятий, – пишет Чуканов, – позволило с осени 1924 г. временно преодолеть бюджетный кризис в Симбирской и **других губерниях Среднего Поволжья** [выделено нами. – А.Ф.] и спасти денежную реформу в целом по стране».²⁶⁹ Тем не менее, в 1925 г. вновь возник денежный кризис, вызванный теми же причинами и преодоленный аналогичными способами. Резюмируя вышеизложенное, Чуканов делает вывод: «Все эти меры, которые были проведены в 1924-1925 гг., позволили временно стабилизировать финансовую и денежную систему, использовать все позитивные итоги проведенной в стране и регионах в 1922-1924 гг. денежной реформы в целях некоторого ограниченного подъема ряда экономических показателей в стране и губерниях Среднего Поволжья».²⁷⁰

Итак, нетрудно заметить, что названный автор оперирует данными и выводами, относящимися к Симбирской губернии, необоснованно экстраполируя их на остальные губернии региона. Между тем, экономическая обстановка и финансовая ситуация в то время существенно различались не только в рамках региона, но и в отдельных его губерниях в различные периоды

²⁶⁸ Чуканов И.А. Указ. соч. С.127-130.

²⁶⁹ Там же. С.130.

²⁷⁰ Там же. С.131.

времени. Не учитывать этих различий, исследуя рассматриваемую тему, просто невозможно. Исходя из этого, мы уже показали те методы государственного регулирования, которые применялись в Среднем Поволжье для преодоления последствий неурожая 1924 г. (именно этим обстоятельством были вызваны все те негативные экономические явления, которые Чуканов относит к проявлениям «структурного кризиса»). Эти методы, как было показано, в своей основе кардинально отличались от мероприятий, проводившихся в Симбирской губернии в это время и исследуемых Чукановым. С этой же точки зрения предлагаем рассмотреть особенности денежного обращения и финансовой политики в 1924-1925 гг. в других губерниях Среднего Поволжья.

Обзоры состояния денежного обращения в Пензенской губернии за весь 1924/25 г. отмечают отсутствие у населения губернии «денежного голода» в прямом смысле этого слова, как это было в 1921-1922 гг. Недостатка наличности или каких-либо отдельных купюр в кассах финорганов и банков не ощущалось. Но в сельских районах, особенно удаленных от городов и железных дорог, в этот период наблюдалось «почти хроническое безденежье, усиленное еще и сравнительно слабым урожаем». Это негативно сказывалось на покупательной способности населения, а следовательно, и на состоянии рынка. В деревне в связи с недостатком наличных денег в течение всего неурожайного 1924/25 г. практиковался бартерный товарообмен, «в основу расчета при каковом положена действительная стоимость обмениваемых товаров». Но характерно, что даже в этих условиях «хронического безденежья», в отличие от ситуации 1921-1922 гг., «употребления суррогатов денег частного происхождения не было». В отдельных, единичных случаях «при мелких сделках между частными лицами незначительная часть причитающихся денег по обоюдному соглашению выплачивается и золотой монетой старого чекана».²⁷¹ В основном же, население предпочитало продавать золотые и

²⁷¹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л. 347-347об.

серебряные монеты царской чеканки отделениям Госбанка. Обменный курс «вольного рынка» на золотую десятку старого чекана колебался от 9руб.50 коп до 12 руб. в червонном исчислении.²⁷² В целом червонец постепенно укреплял свои позиции. Если в сентябре 1924 г. за царскую десятирублевку давали 12 червонных рублей, то в апреле 1925 г. – уже 10 руб. 50 коп.²⁷³ При сделках с иностранной валютой курс американского доллара в Пензе находился на уровне в среднем 1,9 руб. за 1 доллар, курс английского фунта стерлинга - 9,2 руб. за 1 фунт.²⁷⁴

Таким образом, в этот период происходила стабилизация червонца относительно основных иностранных валют и золотой десятирублевки царской чеканки. Червонец прочно занял в сознании населения позицию внутренней твердой валюты, основного средства накопления, обращения и платежа. Эта тенденция была характерна как для страны в целом, так и для отдельных регионов, в том числе и для Среднего Поволжья. В Самарской губернии, например, в середине 1924 г. наблюдалась даже следующая картина: «Американский доллар начал дешеветь по сравнению с червонцем, потому что страна, изголодавшаяся по твердой валюте,.. теперь, когда появилась собственная валюта, уже перестала прибегать к доллару, а стала свои собственные сбережения обращать в червонец».²⁷⁵

Все это свидетельствовало о правильности проводимой финансовой политики и мер государственного регулирования экономики. В довольно своеобразной форме об этом рассуждал весной 1924 г. заведующий Самарского губфинотдела И.П. Нудьга: «Как мы могли подойти к этому положению, как могло это случиться, что в нашей стране с истощенным слабым хозяйством мы начинаем выходить из этого [финансового] хаоса? Это случилось только благодаря тому, что мы в течении всего этого времени весьма твердо

²⁷² Там же. Л.357.

²⁷³ Там же. Л.357, 740.

²⁷⁴ Там же. Л.740-740об.

проводили финансовую политику, и в обстановке развивающегося хозяйства, весьма жестко ее проводили.»²⁷⁶ Говоря об основах этой финансовой политики, он особо выделял следующие ее направления: сокращение эмиссии, обеспечение роста промышленного и сельскохозяйственного производства, расширение товарооборота, то есть те направления, которые в виде задач финансово-экономической политики рассматривались центральными и местными органами власти в начальный период нэпа.

Итак, отметим особенности и значение финансово-экономической политики региональных органов власти Среднего Поволжья в 1922-1925 годах. В целом, эта политика проводилась в рамках финансовых преобразований, намеченных центральными партийно-государственными органами. Она была направлена на обеспечение стабильности червонца и должна была способствовать подъему промышленности и сельского хозяйства, а также росту и развитию товарно-денежных отношений. Специфический характер этого процесса в тот период заключался в том, что одновременно создавалась и совершенствовались система государственного регулирования экономики и финансов.

Устойчивая валюта способствовала оживлению промышленного производства, создавала твердые основы для более правильного контроля и планирования в промышленности. «С переводом всяких исчислений и калькуляций на червонцы удастся точнее учитывать доходность или убыточность предприятий, – отмечалось в отчете Пензенского отделения Госбанка в июле 1923 г., – и тогда, быть может, хозорганы сумеют поставить производство так, чтобы оно... не давало реальных убытков».²⁷⁷

Денежная реформа 1922-1924 гг. и политика государственного ре-

²⁷⁵ XI Самарский губернский съезд Советов... С.181.

²⁷⁶ XI Самарский губернский съезд Советов... С.181-182.

²⁷⁷ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.38. Л.184.

гулирования экономики имели большое значение для развития сельского хозяйства и укрепления экономических связей города и деревни. Крестьянство ощутило серьезное улучшение рыночных условий реализации своей продукции. Прекратились курсовые потери на совзнаках, уменьшились «ножницы цен» между промышленными и сельскохозяйственными товарами. Как писала в июле 1924 г. самарская газета «Коммуна», «отстаивая ее [твердую валюту], мы отстаиваем вместе с тем интересы крестьянства, ибо другого пути, как через твердый рубль, нет возможности привлечь крестьянское хозяйство к денежному и твердому обращению. В усилении этого обращения кровно заинтересовано само крестьянство».²⁷⁸

Денежная реформа снизила уровень инфляции и способствовала оживлению товарооборота. Она повысила роль денег как стимула сбережений, средства накопления и платежа. Это облегчило регулирование рынка и контроль над частным капиталом, укрепило позиции государственного сектора экономики. «Завершение денежной реформы несет выгоды для трудящихся масс и обуздает нэпачей», – утверждалось в передовице пензенского журнала «Под знаменем ленинизма».²⁷⁹

Таким образом, как отмечалось на III съезде Советов СССР в мае 1925 г., «реформа денежного обращения Союза удалась полностью. Будучи подготовлена всем предшествовавшим хозяйственным и финансовым строительством Союза ССР, она в свою очередь является основой дальнейшего ускоренного и более уверенного подъема во всех отраслях народного и государственного хозяйства».²⁸⁰

²⁷⁸ Коммуна. – 1924 - 4 июля.

²⁷⁹ Под знаменем ленинизма. – 1924 – №5. С.1.

²⁸⁰ Цит. по: Малышев А.И. и др. Указ. соч. С.131.

Глава 3

БЮДЖЕТНАЯ СИСТЕМА И НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ФИНАНСОВЫХ ОРГАНОВ РЕГИОНА. БАНКИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

В условиях новой экономической политики в связи с переходом к регулируемым государством рыночным отношениям, переводом промышленных предприятий на хозрасчет и использованием экономических методов государственного воздействия на них в значительной мере возросло значение государственного бюджета как основного финансового плана страны. Государственный бюджет, тем самым, становился важнейшим инструментом контроля над экономикой, особенно над ее ключевыми отраслями. При этом одним из главных направлений совершенствования бюджетной политики в эти годы стало восстановление местных финансов с дифференциацией местных бюджетов. Таким образом, возрастало значение региональных бюджетов в общегосударственной росписи доходов и расходов.

Одним из основных источников пополнения бюджета в рассматриваемый период являлись налоговые поступления. Поэтому исключительно важное значение в 1920-е гг. придавалось налоговой политике. С ее помощью решались не только экономические, но и социальные задачи: регулирование доходов и накоплений населения путем прямого обложения доходов и имущества, обеспечение интенсивных финансовых поступлений в бюджет, привлечение частного капитала в экономику или, наоборот, вытеснение его из народного хозяйства страны, перераспределение через налоговую систему национального дохода. Все это заставляло центральные и региональные финансовые органы очень тщательно планировать и продуманно осуществлять налоговую работу.

Наряду с налоговой политикой серьезное воздействие на развитие экономики в период нэпа оказывала кредитно-финансовая система. Потребность в кредите и необходимость организации сети кредитных учреждений выявились в связи с задачами развертывания товарооборота и оказания помощи

в восстановления сельского хозяйства и промышленности. Кроме того, развитие кредитных отношений предусматривалось как одна из главных мер, направленных на обеспечение устойчивости советской денежной системы. Через банковскую систему также осуществлялось аккумулярование финансовых средств населения, организаций и учреждений и их инвестирование в те или иные отрасли и сферы экономики.

Таким образом, бюджетная, налоговая и кредитная системы играли исключительно важную роль в финансовой политике центральных и местных органов власти. Они обеспечивали привлечение, накопление, распределение и вложение финансовых ресурсов в экономику. Следовательно, эти системы являлись мощными рычагами государственного воздействия на народное хозяйство как страны в целом, так и Среднего Поволжья в частности. На региональном уровне их проявление имело свои особенности и различия, которые будут исследоваться в этой главе.

При рассмотрении данной темы перед исследователем стоят следующие проблемы. Как развивалась бюджетная система губерний Среднего Поволжья в первой половине 1920-х гг., какова была динамика бюджетных поступлений и расходных статей бюджета, как распределялись бюджетные статьи доходов и расходов в процентном отношении? Какова была роль налоговых поступлений в бюджетах средневожских губерний, в какой степени государственные и местные налоги способствовали или тормозили развитие региональной экономики, насколько обременительны были налоговые платежи для граждан и организаций различных форм собственности? Каковы были направления работы кредитных учреждений региона, как распределялась их клиентура по формам собственности, какова была динамика инвестиционной активности банковских структур? Разрешить поставленные вопросы мы попытаемся в данной главе.

3.1. Бюджет губерний Среднего Поволжья в первой половине 1920-х гг.

В начальный период нэпа в Среднем Поволжье начинала налаживаться бюджетная работа. Губернские бюджеты, как распределение доходных и расходных статей, составлялись здесь, начиная с 1922 г., однако до 1924 г., то есть до окончания финансовой реформы, «фактически они, кроме массы исписанной бумаги, ничего не давали, и местное хозяйство велось помимо бюджетных росписей».²⁸¹

Положение местных бюджетов в начале 20-х гг. было катастрофическим. Бюджетные расходы, как правило, значительно превышали доходы. Так, в Пензенской губернии расходы бюджета за первую половину 1920 г. составили 13911 млн. руб., а доходы - только 10538 млн. руб. Дефицит составлял, таким образом, 3373 млн. руб. или 32% бюджета.²⁸² В Самарской губернии сумма доходных поступлений казны в 1920 году выразилась в размере около 650 млн. руб., расходы же губернских ведомств по их сметам составили 6,5 млрд. руб.²⁸³ В Симбирской губернии в 1920 г. поступило в доходную часть бюджета 827,8 млн. руб., на 1921 г. финансовые органы запланировали расходы на сумму 13804 млн. руб.²⁸⁴

Государственный и губернские бюджеты в этот период еще были слиты воедино. Все расходы, включая проекты, имеющие сугубо региональное, а то и локальное значение, финансировались из Центра. Местные хозяйственные органы, ввиду этого, увеличивали свои расходные сметы, требуя недостающие

²⁸¹ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924-25 г. – Пенза, 1925. С.10.

²⁸² ГАПО. Ф.р-2. Оп.1. Д.672. Л.245.

²⁸³ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.1934. Л.208, 213-214.

²⁸⁴ Отчетный бюллетень Симбирского губернского и городского Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к X съезду Советов Симбирской губернии (25 февраля 1921 г.). - Симбирск, 1921. С.39.

финансовые средства у центральных ведомств. В этих условиях финансирование регионального хозяйства носило дефицитный характер, и хотя на бумаге существовало стремление обеспечить выполнение всех возможных проектов местной власти, но на практике средства для этого выделялись нерегулярно и расходовались нецелевым образом. По выражению заведующего Пензенского губфинотдела И.В. Валентинова «раньше [то есть до 1922 г. - А.Ф.] мы жили в бедности, но широко. Были плохими хозяевами, занимались лишь хорошими проектами, не учитывая своих средств, мы были прекрасными фантазерами, но не могли, за отсутствием точного хозяйственного плана, правильно вести хозяйство. Мы не знали прихода и расхода».²⁸⁵ Ему вторил заведующий Самарского губфинотдела И.П. Нудьга, который, вспоминая о временах «военного коммунизма», говорил: «Всякий старый работник Самарской губернии знает, как мы жили в 1920 г. Губздрав и Губоно знают, за счет чего они существовали. Это был первый год..., когда они финансировались больше чем на 50% из каких-то источников, ничего общего с местными средствами не имеющими».²⁸⁶

Между тем, среди регионального руководства усиливалось понимание необходимости точно сбалансированного бюджета: «Значение правильно составленного бюджета состоит в том, чтобы, во-первых, подвести и учесть твердую материальную базу под всем нашим административным и хозяйственным аппаратом; во-вторых, научиться бережливому, умелому и экономному обращению с материальными средствами; в-третьих, установить контроль над этим расходом».²⁸⁷

Первоочередными задачами, стоявшими перед финансовыми органами региона, являлись более точный учет доходов и расходов, всемерная

²⁸⁵ Пензенский 10-й Губернский съезд Советов. Бюллетень №2. С.14-15.

²⁸⁶ Третья сессия Самарского губисполкома 12-13 июля 1923 г. – Самара, 1923, С.109.

²⁸⁷ Доклад Самарского губисполкома 9-го созыва... за 1922 г. – Самара, 1922. С.31.

мобилизация оборотных средств и, по возможности, составление бездефицитных бюджетов. В этих целях, как и по всей России, вводилась платность услуг предприятий и организаций, ужесточалась налоговая политика, сокращались бюджетные расходы.

Введение платности услуг было первой реакцией бюджетных организаций на объявление свободы торговли в первые месяцы нэпа. Была восстановлена плата за пользование услугами транспорта, средств связи, других государственных учреждений. В основе этого принципа лежало, в общем-то, здравое рассуждение о том, что поскольку государство не может взять на себя содержание всех граждан, то каждый должен платить за услуги, предоставляемые государством.²⁸⁸ Тем самым, предполагалось обеспечить приток средств граждан в казну и хоть ненамного замедлить темп эмиссии. Однако введение этого принципа во всей его полноте вызывало и негативные последствия в экономической жизни страны и регионов. Так, в сентябре 1921 г Самарское губстатбюро, анализируя «изменившуюся правительственную экономическую политику», делало следующие выводы: «Введение платности услуг, да притом еще в размерах, равных ценам вольного рынка, невольно вызывает резкий скачок вверх кривой необходимых кредитов и расходов... К тому же все требуют обязательно уплаты наличными, что еще более усугубляет... положение».²⁸⁹

Для разрешения этой ситуации необходимо было одновременно внедрять и другие источники местных доходов. 22 августа 1921 г. был издан декрет «О местных денежных средствах», которым «в целях более успешного и скорого удовлетворения местных административно-хозяйственных потребностей» были установлены местные налоги и сборы. Декрет ВЦИК и СНК от 9 декабря 1921 г. содержал перечень и определял предельные размеры местных налогов.

В региональных финансовых органах почти сразу началась работа по

²⁸⁸ Пензенский 10-й Губернский съезд Советов. Бюллетень №2. – С.14.

²⁸⁹ РГАЭ. Ф.1562. Оп.2. Д.417. Л.36.

составлению перечня предполагавшихся местных налогов и сборов. В Пензенской и Симбирской губерниях основными источниками налоговых поступлений были определены надбавки к государственным налогам, а также налоги и сборы с движимого и недвижимого имущества, то есть крупных объектов, приносящих своим владельцам определенный доход.²⁹⁰ В то же время в Самарской губернии, из-за неопределенности количества таких объектов и неразработанности системы местных налогов, главными источниками бюджетных доходов в первые месяцы нэпа становились мелкие налоги и разовые сборы с незначительных объектов обложения, как правило, относящихся к сфере городского хозяйства.²⁹¹ Впоследствии и в Самарской губернии финансовые органы перешли к обложению крупных объектов.

Уточненный состав доходов и расходов местных бюджетов и основные бюджетные права местных Советов были определены Временным положением о местных финансах и Положением «Об имуществах местных Советов», принятыми сессией ЦИК СССР в ноябре 1923 г. На местные бюджеты относились расходы по содержанию местных советских учреждений, квартирному довольствию воинских частей, коммунальному хозяйству, часть расходов на народное образование, здравоохранение, социальное обеспечение, сельское хозяйство, местный транспорт, промышленность местного значения и содержание органов труда. Местные доходы состояли из поступлений от местных предприятий, имущества и мероприятий; отчислений от государственных доходов, надбавок к государственным налогам и сборам; местных налогов и сборов.

Вместе с тем, как показывают отчеты региональных финансовых органов, местные налоги и сборы далеко не покрывали даже самых необходимых нужд губерний, уездов и городов Среднего Поволжья и других регионов. Например,

²⁹⁰ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.2010. Л.31-31об.;

²⁹¹ Там же. Д.5325. Л.4-5.

в июле 1922 г. Самарский губфинотдел, докладывая о ходе выполнения местного бюджета, сообщал, что при «общей сумме всех наших нужд» в 275 млн. руб. предполагалось собрать «всякого рода доходов денежных» только лишь 55 млн. руб. Остальные средства Самарский ГФО надеялся получить из Центра, но в Наркомфине в ответ на это заявили, что «Москва имеет возможность выделить... самую незначительную часть в качестве ссуды на оборотные средства», не более 15 млн. руб.²⁹² Таким образом, губернские финансово-хозяйственные органы были поставлены перед необходимостью самим изыскивать необходимые средства для приведения в соответствие доходной и расходной частей местных бюджетов.

Летом 1922 г. о таком положении дел были извещены все финансовые органы губерний Среднего Поволжья. Циркуляр Наркомфина от 30 августа 1922 г. информировал о том, что «начавшаяся в Наркомфине подготовительная работа по составлению нового бюджета проходит под знаком дальнейшего сокращения государственных расходов. Причем это сокращение мыслится в двойном направлении: 1) уменьшение числа потребностей, подлежащих удовлетворению; 2) дальнейшее перенесение некоторых расходов на местные средства... Все советские органы должны быть поставлены перед фактом неизбежного сокращения средств, которые сможет отпускать Центр».²⁹³

Большое значение для составления и исполнения региональных бюджетов имело также распоряжение ВЦИК Народному Комиссариату финансов от 10 октября 1922 г., в котором было предписано принять меры к увеличению государственных доходов, претворять в жизнь режим строгой экономии в расходовании средств, совершенствовать систему кредитных операций. Вместе с тем выдвигалось настойчивое требование упразднить объединение государственного и местных бюджетов.²⁹⁴ Местным органам власти следовало

²⁹² ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.33. Л.26об.

²⁹³ ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.71. Л.5.

²⁹⁴ Сборник декретов и распоряжений по финансам. – Т.IV. - М.,1922. С.121-

в этих условиях «напрячь всю энергию для достижения успешного поступления всех видов установленных налогов, пошлин и сборов, а также существенно сократить бюджетные расходы на местные нужды».

По сути дела, именно с этого момента началось составление местных бюджетов в Средне-Волжском регионе. В качестве предпосылок этого процесса рассматривались следующие условия: дифференциация губернских, уездных и городских бюджетов, прекращение взимания непредусмотренных законом налогов, планомерное сокращение бюджетных расходов, изыскание новых источников доходов местных бюджетов.

В качестве первоочередной меры для «дальнейшего упорядочения составления местного бюджета» первоначально предусматривался рост налоговых поступлений. Например, в Пензенской губернии в 1921/22 г. доля налогов составляла 18,9% всех бюджетных доходов, а в 1922/23 г. - уже 31,4%.²⁹⁵ В Самарской губернии эта доля равнялась соответственно 14,9% и 27,7%.²⁹⁶ Эти показатели несколько превышали общероссийский и общесоюзный уровень, на котором налоги составляли в 1921/22 г. 9,4% всех государственных и местных доходов,²⁹⁷ а в 1922/23 г. - 26,9%.²⁹⁸

Рост налоговых доходов в бюджете, с одной стороны, снижал потребность в эмиссионных доходах и, тем самым, способствовал уменьшению темпа инфляции и укреплению рубля. Иллюстрируя это положение, заведующий Самарского Губфинотдела И.П. Нудьга говорил в декабре 1923 г.: «Если вы вспомните то положение, которое было два года тому назад, когда всего лишь 2% всех государственных расходов покрывалось за счет

122.

²⁹⁵ Вычислено по: ГАПО. Ф.р-2. Оп.1. Д.1498. Л.120, 147.

²⁹⁶ Вычислено по: Краткий обзор деятельности Самарского губернского экономического совещания за 1922 г... С.21-22; Доклад Самарского губисполкома 9-го созыва... С.32-33.

²⁹⁷ Народное хозяйство России за 1921-1922 г. С.233-234.

²⁹⁸ Сборник главнейших статистических сведений...за 1922 и начало 1923 года. - М.,1923. С.68.

нормальных доходов, и сопоставите это положение с настоящим, когда у нас дефицит в государственном бюджете составляет всего 25%,... то увидите, что дефицит в очень незначительной части своей покрывается за счет выпуска бумажных денег, не более как в 10% нашего бюджета. Из этих двух цифр - 2% и 90% - можете судить, как сильно мы выросли и как далеко шагнули вперед».²⁹⁹

С другой стороны, надеяться на увеличение налоговых поступлений можно было, только рассчитывая на постоянное поступательное развитие промышленности и торговли, а также на рост доходов населения. Однако в Среднем Поволжье, которое особенно сильно пострадало от голода 1921 г. и неурожая 1924 г. и где из-за аграрного характера хозяйства региона особенно сильно ощущался экономический ущерб от «ножниц цен» 1923 г., эти расчеты могли не оправдаться или оправдаться в очень незначительной степени. Так, например, Симбирское губэконосо в своем отчете за период с апреля 1922 г. по апрель 1923 г. констатировало незначительные экономические возможности местного хозяйства и низкую платежеспособность населения.³⁰⁰

В этих условиях резкое усиление налогового пресса могло негативно отразиться на состоянии экономики региона и привести к замедлению развития или даже свертыванию местной промышленности и торговли. На эту опасность уже тогда обращали внимание руководители региональных финансовых органов. Заведующий Пензенского Губфинотдела И.В. Валентинов в декабре 1922 г. говорил: «...Пензенская губерния не промышленная, а земледельческая, торговля и промышленность в ней только что начинают развиваться, а потому нам приходится с большой осторожностью и бережно относиться к возникающей торговле и не особенно сильно нажимать налоговый пресс, дабы не загубить в самом зачатке как торговлю, так и подрядную систему».³⁰¹

²⁹⁹ XI Самарский губернский съезд Советов. С.130.

³⁰⁰ Отчет Симбирского губернского экономического совещания №3. С.4.

³⁰¹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.19. Л.26.

Характерным примером в этом отношении может служить Симбирская губерния, где из-за несоответствия высоких налоговых ставок уровню платежеспособности торговли, промышленности и населения в 1923 г. на фоне расходящихся «ножниц цен» начался «весьма резкий падеж и сокращение» экономического развития.³⁰² Этот пример оказался очень показательным (в отрицательном смысле) для соседних губерний Среднего Поволжья. Об экономическом положении Симбирской губернии упоминалось, например, на 3-й сессии Самарского губисполкома в июле 1923 г. «Я не знаю политики Симбирска, - говорил заведующий ГФО И.П.Нудьга, - но там был такой момент, когда одно время они совершенно прекратили своей налоговой политикой всю торговлю в Сызрани».³⁰³

Выходом из этого положения могло быть сокращение бюджетных расходов, увеличение неналоговых бюджетных доходов и дальнейшая дифференциация губернских бюджетов. На этих направлениях сосредотачивалась в дальнейшем бюджетная работа региональных финансовых органов.

Сокращение бюджетных расходов предполагало, прежде всего, дальнейшее сокращение бюрократического аппарата государственных учреждений и их хозяйственных расходов. Первая волна сокращения штатов, проведенная в 1921-1922 гг. методом «красногвардейской атаки», прошла успешно. Но в дальнейшем опомнившаяся бюрократия оказывала активное сопротивление и «слишком разбухшие наши аппараты туго шли на сокращение».³⁰⁴ Вот как характеризовал это сопротивление председатель Самарского губисполкома Голощекин: «Ни один из заведомых... ни один раз не поставил перед собой задачи - уменьшения своих ненужных хозяйственных расходов, например, уменьшить на один автомобиль, уменьшить ненужную лошадь, ненужную машинистку или бухгалтера... Мы создаем одну комиссию за другой, и когда

³⁰² Отчет Симбирского губернского экономического совещания №3. – С.94.

³⁰³ Третья сессия Самарского губисполкома... - Самара, 1923 г., С.110.

³⁰⁴ Доклад Самарского губисполкома 9-го созыва... – С.32.

одна комиссия делает постановление - сократить, это еще не значит, что это сокращение проведено. Нужно создать еще другую комиссию, которая проверила бы исполнение».³⁰⁵

В этих условиях неудивительно, что сокращение бюрократического аппарата и связанных с этим расходов шло вяло, когда сокращение штатов того или иного учреждения происходило не в связи с экономической целесообразностью, а по политическим мотивам. Например, в августе-октябре 1923 г. в Пензенской губернии по постановлениям уездных комитетов РКП(б) были уволены некоторые работники уфинотделов (фининспектор Нижне-Ломовского уезда Уланов, инспектор косвенных налогов Городищенского уезда Нелидов и др.). Всех их заведующий Пензенского губфинотдела И.В. Валентинов характеризовал как «безусловно честных, преданных и вполне лояльных работников», профессионалов своего дела.³⁰⁶ «Провинились» же они, видимо, в том, что поддерживали во внутривластной борьбе Троцкого и его пензенских сторонников И.Валентинова и В.Костерина. Заведующий ГФО Валентинов также не избежал этой участи и был уволен со своего поста в апреле 1924 г.

В основном, сокращение бюджетных расходов в этот период происходило в виде сокращения затрат на содержание непроизводственных учреждений и организаций (школ, больниц, воинских частей), и также несрочных расходов производственных учреждений (некоторых ремонтно-строительных работ, мероприятий по повышению плодородия почвы и т.п.).

В Самарской губернии расходы губернского бюджета в 1921/22 г. были сокращены по сравнению с 1921 г. на 29,7% (с 2347 тыс. до 1650 тыс. руб. золотом). «Достижение это получилось в результате... значительных жертв, на которые мы пошли в области народного образования, отдельных отраслей сельского хозяйства и благоустройства. С другой стороны, это результат

³⁰⁵ Третья сессия Самарского губисполкома... - Самара, 1923 г. С.115.

³⁰⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.20. Л.21-32.

вполне здоровой урезки на аппарат и на те мероприятия, которые являются в данных условиях излишними и неэкономными».³⁰⁷ Еще более жесткому сокращению подверглись расходы бюджета Самарской губернии в 1922/23 г. Сумма расходов по сметам хозяйственных ведомств была сокращена на 57,1% (с 35 до 15 млн. руб.), зарплата государственных служащих была исчислена в соответствии с госминимумом, «на другие весьма важные потребности... установлены весьма скромные нормы», исключены из сметы почти все строительные работы.³⁰⁸

Аналогичная картина наблюдалась в Пензенской губернии. Здесь в январе 1923 г. состоявшееся при Губфинотделе совещание по вопросу о фактическом выполнении местного бюджета на 1922/23 г. констатировало, что «бюджет находится в катастрофическом положении... Губотделы не выполняют утвержденных смет... Зарплата служащих выплачивается часто в размерах, превышающих сметные назначения в несколько раз... Местный бюджет приходит к пассивному состоянию и ему угрожает большой дефицит, покрытие которого путем исходатайствования пособия из Центра из дотационного фонда едва ли возможно».³⁰⁹ Из недостатка получаемых бюджетных средств вытекала «невозможность физического осуществления намеченных по сметам хозяйственных мероприятий». Расходные статьи местного бюджета в 1923/24 г. были обеспечены средствами всего на 45,8% (3192 тыс. руб. вместо запланированных 5380 тыс. руб.).³¹⁰

Сокращение бюджетных расходов, как можно заметить, чрезвычайно болезненно сказывалось на хозяйственном положении средневожских губерний и не позволяло в полной мере профинансировать их насущные

³⁰⁷ Доклад Самарского губисполкома 9-го созыва... 10-у губернскому съезду Советов... – С.32.

² Вторая сессия Самарского губисполкома... 25-26 марта 1923 г. ... – Самара, 1923. С.18-19.

³⁰⁹ ГАПО. Ф.р-2. Оп.1. Д.1587. Л.73-75.

³¹⁰ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924-25 г. – Пенза, 1925. С.100, 102.

потребности. Но этой же причине государственными органами устанавливались совершенно мизерные размеры оплаты труда ряда категорий работников. Так, в середине 1924 г. минимальная заработная плата составляла в Самарской губернии 4 руб. в месяц,³¹¹ в Пензенской губернии 5 руб.,³¹² а средняя зарплата колебалась в размерах 30-35 руб. в месяц. На содержание одного больного в больницах Самары отпускалось по 10 коп в день бюджетных средств.³¹³

На этом фоне в связи с недостаточным бюджетным финансированием государственных учреждений в их отношениях между собой наблюдалось своеобразное соперничество за обладание большей долей «бюджетного пирога». Ведь по смыслу Положения о местных бюджетах все местные доходы должны были поступать в кассы губфинотделов и зачисляться в депозит губисполкомов. Покрытие же расходов всех учреждений, включенных в местный бюджет, производилось в уравнительном порядке по усмотрению губисполкомов. Таким образом, доходы одних ведомств должны были покрывать дефицитность других. Вот это и не устраивало «доходные» учреждения, и они всеми силами старались скрыть свои доходы от губфинотделов и направить их на удовлетворение своих потребностей. Такая модель поведения была характерна, например, для Симбирского коммунального отдела. «Вычеркнутый из списков на государственное снабжение и поставленный на начала хозрасчета, коммунальный отдел смотрит на все свои доходы как на средство расширения предпринимательской деятельности и улучшения благосостояния коммунального хозяйства... Со своей колокольни он прав,... так как в расходном расписании не предусмотрена

³¹¹ Годовая работа Самарского губкома РКП(б) от XI до XII Губпартконференции (март 1923 - апрель 1924 г.), - Самара, 1924. С.11.

³¹² Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924-25 г. С.125.

³¹³ РГАСПИ. Ф.17. Оп.15. Д.39. Л.11.

амортизация его предприятий и, возможно, некоторые другие расходы».³¹⁴ Но становилось очевидно, что при таком подходе правильное построение и, главное, исполнение местного бюджета было очень затруднительно, а многие дотационные региональные учреждения и организации должны были «оставить в воспоминание о себе только вывески».

Одним из направлений оптимизации бюджетных расходов могло стать сокращение административного аппарата в результате укрупнения волостей и уездов губерний Среднего Поволжья. Этот процесс можно рассмотреть на примере Пензенской губернии. Укрупнение волостей здесь было произведено на основании постановления ВЦИК РСФСР от 12 ноября 1923 г., которое вступило в силу в губернии с 1 января 1924 г.³¹⁵ Процесс укрупнения сводился, главным образом, к ликвидации волостей, возникших в революционный период так называемым явочным порядком. В результате этого произошло сокращение расходов как государственного, так и местного бюджетов, всего на сумму 1220 тыс. руб. (в дензнаках 1923 г.) или 4067 руб. золотом в месяц. После укрупнения волостей зарплата работников волостных исполкомов и сельсоветов была увеличена приблизительно вдвое. Было достигнуто частичное повышение квалификации низовых финансово-налоговых ячеек в волисполкомах.

Аналогичные результаты дало укрупнение волостей и в других губерниях Среднего Поволжья. При этом в Самарской губернии в 1923/24 г. содержание одного волисполкома обходилось в 1500 руб. в год. «Принимая во внимание, что содержание дореформенного [оговорка; вероятно, «дореволюционного»- А.Ф.] волостного Правления средней волости обходилось в 1914 г. в... губернии в 4000 руб., приведенную сумму следует признать очень умеренной».³¹⁶

Ввиду недостаточности налоговых поступлений и незначительных

³¹⁴ Экономический путь. - 1922 - 18 февраля.

³¹⁵ ГАПО. Ф.Р-313. Оп.9. Д.123. Л.229-232об.

³¹⁶ Третья сессия Самарского губисполкома. 12-13 июля 1923 г. С.117.

размеров налогооблагаемой базы в местном бюджете большую роль должны были играть неналоговые доходы. «Местное хозяйство, имеющее в своем распоряжении наиболее активные предприятия легкой индустрии и коммунального хозяйства, должно играть в доходной части местного бюджета преобладающее значение», - указывалось в резолюции 1-го Всесоюзного совещания финансовых работников 26-28 июня 1924 г.³¹⁷ Структура неналоговых доходов союзного бюджета, сложившаяся к середине 1920-х годов, выглядела следующим образом. На первом месте - доходы транспорта и средств связи, в первом полугодии 1924/25 г. по сравнению с первым полугодием 1923/24 г. они выросли с 304,3 млн. руб. до 453,2 млн. руб. и составляли 57,86% всех неналоговых доходов в 1923/24 гг. и 70,98% в 1924/25 гг. На втором месте находились доходы от торговли, промышленности и банков, которые увеличились за год с 15,5 млн. руб. до 52,7 млн. руб., но в общей структуре неналоговых доходов их доля за год сократилась с 21,73% до 10,14%. Третье место занимали лесные доходы и доходы от земельных имуществ; их величина возросла в рассматриваемый период с 16,5 млн. руб. до 28,3 млн. руб., но в структуре неналоговых доходов их доля снизилась с 20,41% до 18,88%³¹⁸.

Общий рост неналоговых государственных доходов по стране с 1922/23 по 1924/25 гг. выражают следующие цифры:³¹⁹

ГОД	ВСЕГО ГОСДОХОДОВ	НЕНАЛОГОВЫХ ДОХОДОВ	ПРОЦЕНТНОЕ ОТНОШЕНИЕ
1922/23	1322 млн. руб.	417 млн. руб.	31,5
1923/24	1917 млн. руб.	814 млн. руб.	42,4
1924/25	2478 млн. руб.	1187 млн. руб.	47,99

³¹⁷ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.872. Л.34об.

³¹⁸ ГАПО. Ф.р-313. Оп.11. Д.15. Л.49.

³¹⁹ Там же. Л.49об.

Таким образом, авторы доклада о неналоговых доходах на III-м Общегубернском совещании финработников Пензенской губернии (12 сентября 1925 г.) делали вывод о том, что «неналоговые госдоходы в условиях своего постепенного развития в состоянии обеспечить значительную часть потребностей Союза, ослабляя тем самым налоговое бремя для широких трудящихся масс».³²⁰

Рассмотрим с этой точки зрения неналоговые доходы в бюджетах губерний Среднего Поволжья.

Наиболее сложное положение в области неналоговых поступлений складывалось в Симбирской губернии. Ярко выраженный аграрный характер экономики губернии, неразвитость местной промышленности и коммунального хозяйства не позволяли надеяться на пополнение фонда неналоговых доходов за счет этих отраслей хозяйства. В то же время неурожай и голод 1921 г. наиболее сильно затронул Симбирскую губернию и это обстоятельство также сказывалось на динамике как налоговых, так и неналоговых поступлений в этот период. В 1923/24 г. неналоговые доходы в губернском бюджете составляли всего 13,33% общей суммы поступлений.³²¹ Наиболее крупными неналоговыми доходами являлись следующие:

- отчисления от лесных доходов и доходы от побочного использования лесных угодий (сенокосы, пашни, смолокурение, углежжение и т.д.) - 12,5% неналоговых доходов в 1923/24 г.;
- доходы от государственных земельных имуществ (пахотных угодий, лугов и проч.) - 3,49% неналоговых поступлений;
- доходы от рыбных угодий местного значения - 1,16% неналоговых

³²⁰ ГАПО. Ф.р-313. Оп.11. Д.15. Л.49об.

³²¹ ГАУО. Ф.р-183. Оп.1. Д.1065. Л.61.об.

доходов.³²²

Таким образом, в структуре неналоговых доходов Симбирской губернии в этот период на первое место выдвигались доходы от лесных угодий и земельных имуществ, доходы же местной промышленности и торговли занимали одно из последних мест. Это позволяет сделать вывод о том, что экономика Симбирской губернии в рассматриваемое время носила «присваивающий», потребительский, а не «производящий» характер, она основывалась, в целом, на эксплуатации природных ресурсов, а не на развитии местной промышленности, для чего тогда не было условий и средств.

В Пензенской губернии задача увеличения неналоговых доходов местного бюджета была поставлена II Общегубернским совещанием финансовых работников (20-22 июня 1924 г.): «Наша задача – составить бюджет мощный, реальный, который бы давал средства на укрепление нашей хозяйственной жизни, для достижения чего необходимо увеличения доходов за счет неналоговых эксплуатационных доходов и переложения тяжести налогового бремени на нетрудовой элемент».³²³ С этой целью еще в 1922/23 г. были определены источники неналоговых доходов в губернии; в каждом губотделе и предприятии, генерирующем госдоходы, были выделены ответственные лица, отвечающие за их взимание. За правильностью поступления неналоговых доходов в губернском городе наблюдало первоначально Налоговое отделение, в уездах особые комиссии; впоследствии было создано специальное Управление государственных доходов.

Отдельные виды неналоговых доходов в Пензенской губернии распределялись следующим образом. Первое место, как и в Симбирской губернии занимало лесное хозяйство и доходы от его использования. Эти доходы выразились за 10 месяцев 1924/25 г. в сумме 1723,3 тыс. руб., доходы

³²² Там же. Л.67-68.

³²³ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.39. Л.15об.

же за весь 1923/24 г. составляли 1237,2 тыс. руб. Таким образом, рост лесных доходов составил за год 88%. На долю лесных доходов в общей сумме неналоговых поступлений в 1924/25 г. приходилось 89,91%.

Второе место среди неналоговых доходов Пензенской губернии занимали доходы государственной промышленности и торговли. В течение 1923/24 г. было получено по этой статье доходов от промышленных предприятий 2,7 тыс. руб. и от торговли 123,7 тыс. руб. По сравнению с 1922/23 г. прибыль промышленных предприятий возросла на 10%, а прибыль торговых заведений - более чем на 200%. Всего торгово-промышленные доходы в 1923/24 гг. давали 21,25% неналоговых доходов губернии.

Третье место в сумме неналоговых доходов занимали отчисления от штрафов, пошлин и различных сборов. За 10 месяцев 1924/25 г. было собрано 57,9 тыс. руб. против 46,9 тыс. руб. за весь 1923/24 г. Прирост составил 23%. Доля этой доходной статьи в 1924/25 г. составляла 3,02% неналоговых доходов.³²⁴ Наконец, на четвертом месте в Пензенской губернии находились доходы от государственных земельных имуществ. Несмотря на неблагоприятные условия (медленность восстановления сельского хозяйства после гражданской войны, влияние неурожаев 1921 и 1924 гг., недостаток в совхозах средств производства) эти доходы за 10 месяцев 1924/25 г. выразились в сумме 54,06 тыс. руб., в то время как за весь 1923/24 г. - 30,14 тыс. руб., то есть прирост составил 79%. В целом, доходы от госземимуществ в 1924/25 г. составили 2,82% всех неналоговых поступлений.

Итак, хотя в общей сумме неналоговых доходов в Пензенской губернии львиную долю занимали доходы от эксплуатации лесных угодий, но в структуре неналоговых доходов значительную роль также играла прибыль предприятий местной промышленности и торговли. Благодаря предоставлению значительных налоговых льгот в этот период наблюдался динамичный рост

³²⁴ ГАПО. Ф.р-313. Оп.11. Д.15. Л.50-51..

основных показателей торгово-промышленных предприятий и заведений. Таким образом, бюджетные поступления неналогового характера в Пензенской губернии в определенной степени базировались на доходах производственной сферы, хотя эти доходы не имели еще определяющего значения в структуре неналоговых поступлений. В общей сумме бюджетных доходов губернии неналоговые доходы составляли в 1923/24 г. 32,44%, в 1924/25 г. - 37,06%.³²⁵

В Самарской губернии среди бюджетных поступлений неналоговые доходы в 1921/22 г. составили 82,5%.³²⁶ Но «достижение» это получилось не вследствие особой развитости местного хозяйства, торговли и промышленности, а из-за неорганизованности в тот период фискального аппарата, слабости налоговых органов и низкой собираемости налогов. В течение следующего года шло выравнивание структуры губернских доходов в сторону роста налоговых поступлений и уменьшения неналоговых. Это объяснялось тем, что «неналоговые доходы в губернском бюджете занимали очень большое место, так что вычисления их были несколько преувеличены».³²⁷ Уже в 1922/23 г. доходы неналогового характера составили 34,9% всех доходов. В дальнейшем предполагалось постепенное увеличение доли неналоговых доходов в губернском бюджете до 53% в 1923/24 г. и 62% в 1924/25 г. Эти расчеты были основаны на следующих обстоятельствах: включении в доходную смету бюджета своим сальдо доходов от местной промышленности и значительном повышении отчислений от лесных доходов и эксплуатации государственных земельных имуществ; переводе на червонное исчисление тарифов за коммунальные услуги и пользование коммунальными имуществами, что должно было устранить негативные последствия обесценения дензнаков

³²⁵ Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. 1920-1926 гг.- С.672—673.

³²⁶ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.34. Л.48.об.

³²⁷ Там же. Д.65. Л.31.

при повышении собираемости этих доходов.³²⁸ В реальной действительности уровень неналоговых доходов в бюджете Самарской губернии, поднявшись до 53% в 1923/24 гг., стабилизировался в 1924/25 г. в пределах 52% всех доходов.³²⁹ Это свидетельствовало о некотором замедлении к середине 1920-х гг. темпов экономического роста губернии и об усилении на этом фоне значения налоговых поступлений в губернском бюджете.

В структуре неналоговых доходов Самарской губернии первое место занимали доходы от предприятий, имуществ и оброчных статей (23,7% доходов в 1922/23 г. и 53,1% всех доходов в 1923/24 г.). На втором месте находились отчисления с доходов от земель и лесов (7% всех доходов в 1923/24 г.).³³⁰ Поступления от пошлин и сборов, составляя 1,3% доходов в 1923/24 г., занимали третье место.³³¹ Таким образом, базой неналоговых доходов губернского бюджета являлись доходы местной промышленности и коммунального хозяйства. Это объяснялось наиболее значительным развитием торговли и промышленности в Самарской губернии среди других губерний региона, а также тем, что при построении местного бюджета основной упор делался на использование городских доходов.

Интересно в этой связи сравнить городские бюджеты трех губерний Среднего Поволжья. Прежде всего, следует заметить, что городов, как крупных экономических центров, в регионе было мало. Как отмечали, например, инспекторы Наркомфина, проверявшие в марте 1925 г. положение дел в Пензенской губернии, «городская жизнь здесь развита слабо... Хотя кроме г. Пензы в губернии насчитывается 15 городов, ...но все эти города мало чем отличаются от крупных селений, а в некоторых случаях последние гораздо

³²⁸ Местный бюджет Самарской губернии на 1923/24 г. - Самара, 1924. С.5.

³²⁹ Вторая сессия Самарского губисполкома. 24-25 июля 1925 г. - Самара, 1925. - С.174.

³³⁰ Местный бюджет Самарской губернии на 1923/24 г. С.6-7, 116.

³³¹ ГАСО. Ф.р-142. Оп.1. Д.112. Л.19.

больше и сильнее своих уездных городов».³³² Аналогичная картина наблюдалась и в Симбирской губернии: «В Ульяновской губернии с более или менее значительным бюджетом имеется всего два города: Ульяновск и Сызрань - причем главнейшее место принадлежит губернскому городу, на долю которого приходится значительно больше доходов всех городов губернии вместе взятых».³³³ В Самарской губернии в 1925 г., по данным губисполкома, в 8 городах насчитывалось 283,8 тыс. жителей, что составляло 12,73% населения губернии.³³⁴ Тем не менее, городские бюджеты в первой половине 1920-х годов играли существенную роль в структуре губернских бюджетов, демонстрируя значительную динамику роста и углубление функционального значения. При этом бюджеты губернских городов, в связи с большим развитием в них промышленных и торговых предприятий, строились на основе использования, главным образом, неналоговых доходов. Например, в бюджете г. Пензы неналоговые доходы составляли в 1923/24 г. 75,5% доходов,³³⁵ в бюджете Самары они равнялись 81,9%,³³⁶ а в бюджете г. Симбирска - 80%.³³⁷

Важным направлением бюджетной работы в этот период стала дифференциация местных бюджетов. В течение 1922-1924 гг. в губерниях Среднего Поволжья производилось выделение в отдельные сметы губернских, уездных и городских бюджетов. Необходимость такой дифференциации была подтверждена I Всесоюзным совещанием финансовых работников в июне 1924 г. Согласно постановлению Совещания, основой местного бюджета должны были стать городской и волостной бюджеты. Целями их выделения являлось

³³² ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.128.

³³³ По вопросам коммунального хозяйства в Ульяновской губернии. - Карсун, 1925. С.13.

³³⁴ Местный бюджет Самарской губернии на 1924-25 г. С.72.

³³⁵ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924-25 г. С.113; см. также Приложение 5.

³³⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп.15. Д.39. Л.10.

³³⁷ По вопросам коммунального хозяйства в Ульяновской губернии... - С.19.

обеспечение правильного ведения местного хозяйства, а также разгрузка доходной и расходной частей губернского и уездного бюджетов при одновременно максимальном увеличении объема городского и волостного бюджетов.³³⁸

Данные цели уточнялись в соответствии с местными условиями региональными органами власти. Так, в соответствии с решениями 1-го Губернского съезда финансовых работников Пензенской губернии в июле 1923 г. дифференциация бюджетов и разграничение доходных статей производилось на основе процентных отчислений в губернский бюджет от валового дохода соответствующих бюджетов, устанавливаемых губисполкомом и губфинотделом. К расходным статьям уездных и городских бюджетов относились все расходы, производимые на их территории, за исключением расходов губернского и общегосударственного значения. Исчисление доходов и расходов должно было производиться в твердых денежных единицах. При этом предприятия, переведенные на хозрасчет, участвовали в местном бюджете своим сальдо, а финансируемые в сметном порядке входили в местный бюджет всеми своими доходными и расходными статьями.³³⁹ Чистая прибыль промышленных предприятий, за исключением определенного фиксированного процента на амортизацию, распределялась соответствующими исполкомами. Причем Наркомфин СССР рекомендовал следующую схему распределения этих средств: 20% - в резервный капитал, 5-10% - в фонд улучшения быта рабочих и служащих (ФУБР), 15-20% - в промфонд, 40% - в местный бюджет, 10-20% оставалось на балансе предприятий (нераспределенная прибыль).³⁴⁰

Во взаимоотношениях губернских бюджетов с городскими и уездными была установлена полная децентрализация. Губернские бюджеты охватывали исключительно нужды общегубернского значения и соответствующие

³³⁸ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.872. Л.35.

³³⁹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.7. Л.67-68.

³⁴⁰ Там же. Оп.10. Д.35а. Л.23.

источники доходов. Затем проводилось дальнейшее разделение функций между уездами и волостями. Волости обособлялись в отдельные хозяйственные единицы и за уездными исполкомами оставалось лишь общее регулирование уездного хозяйства и содержание тех учреждений, которые по своему местоположению обслуживали несколько волостей сразу, а также те расходы, которые были непосильны для волостей. Дифференциация бюджета на территории губерний и наделение имущественными правами подлежащих исполкомов не означало их хозяйственного обособления, поскольку планирование и осуществление их бюджетных планов происходило под непосредственным контролем губернских финансовых органов.

Постепенно совершенствовались принципы организации бюджетной работы. Последовательно применяя эти принципы на практике, региональные финансовые органы стремились построить сбалансированные, бездефицитные бюджеты на основе максимально полного исполнения доходных и расходных статей. Рассмотрим динамику и структуру бюджетных поступлений и расходов в регионе.

Анализируя эти показатели, можно в целом отметить заметный рост бюджетных цифр. Например, бюджет Пензенской губернии 1924/25 г. увеличился по отношению к бюджету 1923/24 г. на 24%, а по отношению к бюджету 1922/23 г. - на 32%.³⁴¹ В Самарской губернии цифры бюджетных доходов и расходов возросли в 1923/24 г. по сравнению с 1922/23 г. на 132,71%, а в 1924/25 г. - еще на 51,96%.³⁴² Бюджет Симбирской губернии вырос в 1924/25 г. по сравнению с 1923/24 г. на 66,1%.³⁴³ Этот рост объяснялся более полным выявлением и использованием доходных источников и существенной урезкой бюджетных расходов в губерниях региона.

³⁴¹ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924-25 г. - С.107.

³⁴² Вычислено по: Местный бюджет Самарской губернии на 1923/24 г. С.5, 110; 2-я сессия Самарского губисполкома. 24-25 июля 1925 г. С.173.

³⁴³ См. ГАУО. Ф.р-183. Оп.8 «с». Л.151.

Участие отдельных бюджетов в общей сумме губернских бюджетов характеризовалось следующими данными. В Пензенской губернии доля губернского бюджета вместе с губернским городом в общегубернской смете постепенно уменьшалась. Если в 1922/23 г. они составляли 62,4% бюджета, в 1923/24 г. – 49%, то в 1924/25 г. дошла до 40,3%. В то же время доля уездных бюджетов возросла с 37,6% в 1922/23г. до 42,4% в 1924/25 г. Волостные бюджеты, введенные с января 1924 г., возросли в бюджете 1923/24 г. всего на 5%, но в 1924/25 г. они продемонстрировали значительный рост, достигнув 17,3%. Аналогичная картина наблюдалась в Самарской губернии, где доля губернского и городского бюджетов в 1922/23 г. составляла 67% общегубернского бюджета, в 1923/24 г. - 47,98%, а в 1924/25 г. - 44%. В то же время доля уездных бюджетов возросла незначительно - с 33% в 1922/1923 г. до 34% в 1924/25 г. Волостные же бюджеты, участвовавшие в губернском бюджете 1923/24 г. в размере 15,55%, увеличили свою долю в бюджете 1924/25 г. до 17,6%.³⁴⁴ Все это показывало, что дифференциация региональных бюджетов по территориальному признаку стала углубляться и занимать прочное место в строительстве бюджетов губерний Среднего Поволжья.

Отдельные виды доходов в различных бюджетах были неодинаковы.

В Пензенской губернии в волостных бюджетах преобладающее значение имели отчисления и надбавки к госналогам и госдоходам (59,8%, в 1924/25 г. и 62,4% в 1925/26 г.) при сравнительно слабом участии в них неналоговых доходов (24,4% в 1924/25 г. и 10% в 1925/26 г.). В городском бюджете Пензы, наоборот, центральное место занимали неналоговые доходы, главным образом коммунальные (75,5% в 1924/25 г. и 78,5% в 1925/26 г.). В губернском бюджете и уездных бюджетах центр тяжести в доходной части смещался также в сторону надбавок к госналогам и госдоходам. В губернском бюджете в 1924/25

³⁴⁴ XI Самарский губернский съезд Советов... С.183-184; 2-я сессия Самарского губисполкома. 24-25 июля 1925 г. С.173.

г. надбавок было 32,7%, в 1925/26г. - 40,8%; неналоговых доходов в 1924/25 г. было 25,9%, в 1925/26 г. - 20,1%. В уездных бюджетах отчислений и надбавок в доходной части было в 1924/25 г. 26,2%, в 1925/26 г. - 54,2%; неналоговых доходов было в 1924/25 г. 23,6 %, в 1925/26 г. - 17,6%.³⁴⁵ В Самарской губернии, как было показано, значительную роль в бюджете играли неналоговые доходы. В 1924/25 г. они составляли 52% бюджетных доходов губернского бюджета, отчисления и надбавки поступили в размере 27,7%.³⁴⁶ В бюджете губернского города в 1924/25 г. неналоговых доходов было 65%, налоговые доходы дали 34%.³⁴⁷ В уездных же бюджетах, наоборот, на неналоговые доходы приходилось 30% всех доходных поступлений, в волостях - лишь 28%. Среди отчислений и надбавок к налогам в уездных и волостных бюджетах наибольшую роль играли отчисления от единого сельхозналога, доходы от которых с 1924 г. впервые были переданы в распоряжение уездов и волостей. В уездных бюджетах эта доходная статья составила в 1924/25 г. 18,9% всех доходов.³⁴⁸ Хотя это и увеличило доходную базу уездных и волостных бюджетов, но возможности эти на первых порах использовались ими мало. Однако в этом отношении построение бюджета Самарской губернии явилось своего рода «революционным» и показательным для других губерний Среднего Поволжья.

«Революционность» этого шага заключалась в том, что впервые с начала нэпа изменялись принципы распределения доходов и расходов между губернским, уездными, городскими и волостными бюджетами. Прежде всего, Самарский губисполком отказался от тех средств, которые до этого момента изымались непосредственно из деревни. В 1924/25 г. губисполком отказался от

³⁴⁵ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924/25 г. С.113 ГАПО. Ф.р-313. Оп.11. Д.15. Л.71-71об.

³⁴⁶ Третья сессия Самарского губисполкома. 3-4 ноября 1924 г. - Самара. 1924. С.57-58.

³⁴⁷ Вторая сессия Самарского губисполкома. 24-25 июля 1925 г. - С.175.

³⁴⁸ Третья сессия Самарского губисполкома. 3-4 ноября 1924 г. С.58-59.

надбавок и отчислений от сельхозналога, предоставив их всецело в распоряжение волостям и уездам; в 1925/26 г. в губернский бюджет перестали поступать отчисления от лесных доходов и от госземимуществ. На долю губернского бюджета и бюджета г. Самары остались исключительно городские доходы. В соответствии с этим к уездным бюджетам отошли все доходы от сельскохозяйственных имуществ, от промышленных предприятий уездного значения, 15% с суммы лесных доходов, 25% доходов от госземимуществ, 40% от реализации госфондов и весь промысловый налог. Все остальные уездные доходы были распределены между городскими и волостными бюджетами, причем в основу распределения был положен территориальный признак: города получили все те доходы, который являлись доходами чисто городскими и все местные налоги, взимаемые в городах; волостные же бюджеты стали распоряжаться всеми местными налогами, надбавкой к промысловому налогу, всеми доходами от предприятий местной промышленности, находящихся в волостях, и, кроме того, им предоставлялись все доходы от сельхозналога. Все это должно было служить базой для волостных и уездных бюджетов.³⁴⁹ Таким образом, при распределении функций между бюджетами разных уровней на долю губернского и городских бюджетов достались доходы городского хозяйства, доходы же от сельского хозяйства поступали в распоряжение уездных и волостных бюджетов, укрепляя их материальную базу.

Расходная часть бюджета также весьма различалась по губерниям Среднего Поволжья. В Пензенской губернии на первом месте были административные расходы, куда включались расходы на административные учреждения, охрану правопорядка и содержание войсковых помещений. Эти расходы составляли 31,5% в 1923/24 г. и 34,9% в 1924/25 г. Далее шли расходы на народное образование (28,4% в 1923/24 г. и 28,1% в 1924/25 г.), на здравоохранение (11,7% и 12,6% соответственно), на коммунальное хозяйство

³⁴⁹ Вторая сессия Самарского губисполкома. 24-25 июля 1925 г. С. 178-179.

(15,5% и 9,1%).³⁵⁰ В Симбирской (Ульяновской) губернии на первое место также выдвигались административные расходы, которые возросли с 23,2% в 1923/24 г. до 27% в 1924/25 г. Расход на народное образование занял второе место в расходной смете, сократившись за это время с 30,9% до 23,7%. Далее шли расходы на здравоохранение (17,1% и 15% соответственно) и на коммунальное хозяйство (15,1% и 12,7%). Несколько сократились и расходы на сельское хозяйство (с 5,4% до 4,9% расходной сметы).³⁵¹ Таким образом, структура бюджетных расходов в Пензенской и Симбирской губерниях была идентичной.

В Самарской же губернии в расходной части бюджета первое место занимали расходы по коммунальному хозяйству (34,6% в 1923/24 г. и 36% в 1924/25 г.). На втором месте стояли расходы на народное образование (20,8% в 1922/24 г. и 24,6% в 1924/25 г.), затем административные расходы (16,6% и 18,3% соответственно) и расходы на здравоохранение (12% и 9,7%).³⁵²

В целом, расходная часть бюджетов всех губерний Среднего Поволжья строилась по территориальному принципу. Губернский бюджет удовлетворял не только широкие потребности общегубернского значения, включая содержание губисполкома, финансирование имеющих общегубернское значение мероприятий в области сельского хозяйства, а также крупное дорожное строительство. К уездным бюджетам относились расходы, имевшие общеуездный характер, главным образом по содержанию уездных исполкомов с их отделами, судебных органов, школ в уездных городах, уездных больниц и по проведению сельскохозяйственных мероприятий уездного значения. Все остальные расходы, в том числе на сельские школы и фельдшерские пункты, а также вся волостная агрономическая сеть передавались в волостные бюджеты. При этом в Самарской губернии все основные доходные и расходные статьи

³⁵⁰ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924/25 г. С.120.

³⁵¹ См. ГАУО. Ф.р-183. Оп. 8 «с». Д. 57. л.151.

³⁵² РГАСПИ. Ф.17. Оп.15. Д.39. Л.11.

бюджета были связаны с городским хозяйством, а в Пензенской и Симбирской губерниях – с сельским хозяйством. Бюджеты всех губерний Среднего Поволжья носили ярко выраженный социальный характер, от 30 до 45% всех расходов приходилось на народное образование, здравоохранение и социальное обеспечение.

Если проследить статистику выполнения бюджетных статей, то можно отметить недостаточное исполнение как доходной, так и расходной частей бюджетов Средневожских губерний. Например, в Симбирской губернии в 1923/24 г. налоговые поступления были выполнены в размере 88,9%; финансирование народного образования осуществлялось в размере 33%, здравоохранения – 18%, коммунального хозяйства - 12%.³⁵³ Бюджет Пензенской губернии в 1923/24 г. был выполнен в доходной части на 84,3%, в расходной - на 45,8%.³⁵⁴ В Самарской губернии в 1924/25 г. бюджетные доходы были получены в объеме 92%, а бюджетные расходы исполнены в размере 74%.³⁵⁵

Это означало, что доходные поступления оказывались меньше запланированных, так как платежеспособность населения и доходность промышленности и торговли оставались на низком уровне, а доходы от сельского хозяйства были подвержены сезонным и годовым колебаниям. Из-за низкого уровня доходов не удавалось в достаточной степени профинансировать расходные статьи бюджета, и без того скудные. Недостаточное же финансирование сельского хозяйства и промышленности не позволяло рассчитывать на рост их доходов. Создавался замкнутый круг, выйти из которого без помощи значительных вливаний из общегосударственных средств было очень затруднительно.

Во всех губерниях Среднего Поволжья на протяжении первой половины 1920-х годов образовывался бюджетный дефицит. В Пензенской губернии в

³⁵³ Чуканов И.А. Указ. соч. – С.93-94..

³⁵⁴ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924-25 г. – С.102.

1923/24 г. он составлял 13,3% бюджета, в 1924/25 г. - 8,9%.³⁵⁶ В Ульяновской губернии дефицит бюджета в 1923/24 г. составлял 10,2%, в 1924/25 г. – 15,2%.³⁵⁷ В Симбирской губернии в 1923/24 г. бюджетный дефицит был равен 7%, в 1924/25 г. - 4,9% бюджета.³⁵⁸ Для покрытия этого дефицита привлекались дотации и субвенции из центра.

Самостоятельно решить проблему сбалансированности местного бюджета в какой-то степени попытались финансовые органы Самарской губернии. В середине 1920-х годов, как указывалось, они изменили структуру губернского бюджета. Основными бюджетами стали городские и волостные, а уездные и губернский бюджеты являлись подсобными и служили для регулирования всех остальных бюджетов. Для поддержания уездных и волостных бюджетов создавались уездные регулирующие фонды. При этом значительные финансовые потоки направлялись в волости на удовлетворение непосредственных нужд деревни через вовлечение в процесс бюджетной работы самого населения. Одновременно ставилась задача обратить как можно больше средств на хозяйственно-восстановительные цели и, тем самым, изменить потребительский характер бюджета. Но для выполнения этой программы также требовались значительные средства из общегосударственного бюджета. Следовательно, государственные дотации были в тех условиях неизбежны и закономерны.

В целом, проанализировав бюджетное хозяйство региона первой половины 1920-х годов, можно отметить, что в это время в губерниях Среднего Поволжья осуществлялась политика, направленная на получение сбалансированного бюджета. Губернские финансовые органы стремились полнее выявить и учесть доходы и как можно строже контролировать расходы

³⁵⁵ Вторая сессия Самарского губисполкома. 24-25 июля 1925 г. С.173,175.

³⁵⁶ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924-25 г. – С.99, 106.

³⁵⁷ Что сказал хозяин губернии. Резолюции XIV губернского съезда Советов Ульяновской губернии. - Ульяновск, 1925. С.10.

³⁵⁸ Местный бюджет Самарской губернии на 1923/24 г. – С.5; Вторая сессия

бюджета. Хотя это и имело определенные отрицательные последствия, однако, в общем, позволяло поддерживать достигнутый уровень хозяйственного развития. Таким образом, в этот период местными финансовыми органами Среднего Поволжья в целом была выполнена задача, поставленная перед ними центральными финансовыми ведомствами – содержание и бюджетное обслуживание местного хозяйства. При этом основными источниками поступлений в губернские бюджеты являлись доходы сельского хозяйства, промышленность же была развита слабо и сама нуждалась в серьезных инвестициях.

Вопрос о том, способны ли местные бюджеты стать источником средств для дальнейшего поступательного развития экономики региона, на протяжении первой половины 1920-х годов оставался открытым. Почти во всех губерниях собственные финансовые источники были незначительны, а расходы на содержание местного бюрократического аппарата весьма обременительны. Поэтому для дальнейшего развития хозяйства средневожских губерний требовались значительные финансовые вливания из общегосударственного бюджета.

3.2. Налоговая система и деятельность фискальных органов региона

Основным источником пополнения бюджета в период нэпа являлись налоговые поступления. Государственные и местные, прямые и косвенные налоги были существенным финансовым источником бюджетных средств. Налоговая система играла значительную роль в политике государственного регулирования экономики, позволяя контролировать доходы и накопления частных лиц и коммерческих организаций, перераспределять большую часть национального дохода, направлять финансовые ресурсы в нужное в данный момент русло и решать иные задачи. Все это заставляло центральные и

региональные финансовые органы уделять особое внимание налоговой работе.

Вместе с тем, усиление роли налогообложения в формировании госбюджета являлось показателем малой доходности государственных предприятий, прибыль которых должна была стать основой доходной базы бюджета. Так 1923/24 г. доходы от государственной промышленности СССР составили 2,1%, а в 1925/26 г. - 5,4% доходов бюджета.³⁵⁹ Аналогичное положение наблюдалось в Среднем Поволжье. В Пензенской губернии, например, в 1924/25 г. доходы местной промышленности составляли всего 3% в доходах бюджета, а доходы от торговли и коммунального хозяйства - около 17%.³⁶⁰ Все это существенно обостряло проблему источников капитальных вложений и приводило к необходимости повышать роль налоговых поступлений с населения в формировании государственного и местных бюджетов.

Первые годы нэпа характеризовались большими трудностями в создании и развитии советской налоговой системы, так как необходимо было заново организовать специальный аппарат, ликвидированный в предшествовавший период. Из-за отсутствия налаженного налогового аппарата и опыта налоговой работы налоговые поступления в бюджет исчислялись финансовыми органами крайне приблизительно, а результаты их взимания были весьма незначительны. Так, например «Проект местных налогов для Пензенской губернии» на 1922 г. был построен «по соображению с суммой расходов», которые предполагалось удовлетворить налоговыми поступлениями. Сумма каждого конкретного налога, который предполагалось ввести, определялась на основе очень приблизительных и часто необоснованных подсчетов. Например, размер налога с торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятий определялся из

³⁵⁹ Всемирная история экономической мысли. Т.4.- М.,1990. С.32.

³⁶⁰ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924-25 г. – Пенза,1925. С.105-

следующих расчетов: в каждом уезде губернии предполагалось по 1 тыс. предприятий с оборотом по 3 млн. руб. в месяц каждое, годовой же оборот всех уездных предприятий губернии предполагался в сумме 360 млрд. руб. Кроме того, в г. Пензе предполагалось наличие еще 1 тыс. предприятий с общим годовым оборотом 72 млрд. руб. Следовательно, суммарный годовой оборот всех предприятий в губернии исчислялся финансовыми органами в сумме 432 млрд. руб. Таким образом, налог с них, составлявший 1% с суммы оборота предприятий, должен был выразиться в сумме 4,32 млрд. руб. (в дензнаках 1921 г.).³⁶¹ Подобным же способом исчислялись и предполагаемые суммы других местных налогов.

Более осторожный подход к проблеме налогообложения демонстрировал Самарский губфинотдел. В «Объяснительной записке к перечню... ожидаемых доходов на 1922 г.» отмечалось, что «налоговая система в своей наиболее существенной части... не вышла из стадии разработки соответствующих законопроектов», неизвестны еще точные размеры налоговых ставок, очень приблизительны данные о числе торговых промышленных предприятий, а также об их платежеспособности, особенно в уездах и уездных городах; нет обоснованных данных и опыта определения торговых оборотов по г. Самаре. Учитывая эти сложности в определении суммы налогов, «необходимо соблюдать крайнюю осторожность, исходя не столько из соображений о размерах оборотов, сколько из вопроса о посильности вообще [налогового обложения], так как в конечном итоге сумма поступлений определится не размером исчисленных оборотов, а фактической платежеспособностью плательщиков».³⁶²

Действительно, на протяжении 1921-1922 гг., несмотря на общий рост налоговых поступлений в региональных бюджетах, наблюдался недобор по

³⁶¹ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.589. Л.131

³⁶² Там же. Л.238об., 245.

некоторым налоговым статьям. Так, в Самарской губернии в 1922/23 г. отчисления от продналога в местные средства составили 384 тыс. руб. золотом вместо 500 тыс. руб., то есть 66,2%, а местные налоги и сборы дали 113,5 тыс. руб. золотом вместо запланированных 140 тыс. руб., то есть 81,1%.³⁶³ В Пензенской губернии при общем выполнении налоговых заданий в размере 126%, в отдельные летние месяцы 1922/23 г. поступление налогов опускалось до 70,5-78,1%.³⁶⁴ (Вообще, вплоть до осени 1922 г. Пензенская губерния «по исправности в финансово-налоговом отношении... считалась слабой»³⁶⁵).

Особенно серьезным положение дел в области налоговых поступлений было в Симбирской губернии. Здесь налоговые поступления в октябре 1922 г. составили всего 60% задания, и в декабре 1923 г. - 88,9%.³⁶⁶ Причиной этого было сложное экономическое положение губернии, наиболее пострадавшей от неурожая 1921 г., низкая доходность сельского хозяйства и промышленности, невысокая платежеспособность населения, а также высокие, на этом фоне, ставки налогообложения. Следует заметить, что эти причины были характерны в то время для всего Средневолжского края в целом, но в Симбирской губернии они проявлялись с особой силой и интенсивностью.

В первые годы нэпа, когда начиналась организация деятельности налогового аппарата, вся работа фискальных органов Среднего Поволжья проходила в организационной горячке, которая выражалась во введении все новых налогов в срочном порядке и при минимально необходимой отчетности. Судя по докладу заведующего Налогового управления Пензенского губфинотдела В.Г. Рассказова на 1-м Губернском съезде финансовых

³⁶³ Местный бюджет Самарской губернии на 1923-24 г. С.117-118.

³⁶⁴ ГАПО. Ф.р-2. Оп.1. Д.1587. Л.583.

³⁶⁵ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.591. Л.5.

³⁶⁶ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 11. Д.242. Л.8.; См. также: ГАУО. Ф.р-183. Оп. 8 «с». Д.36. Л.79.об.

работников в июне 1922 г., выглядело это следующим образом. Новые налоги «сыпались из Центра как из рога изобилия. Приходилось одновременно создавать инструкции к тому или другому декрету и организовывать работу по таковым и, не успевши закончить, переделывать, исправлять, изменять, дополнять, согласно чуть не ежедневных указаний Центра, каковые часто были не совсем ясны, так что для расшифровывания их и сообщения на места соответствующих распоряжений приходилось проделывать усиленную и кропотливую работу. Сделав на места распоряжения, тут же необходимо было создавать хоть какую-нибудь отчетность... Кроме того, работа осложняется постоянными и настойчивыми требованиями Центра [и местных властей] о сообщении, как организуется налоговый аппарат и каковы реальные результаты налогов». Всю эту огромную и сложную работу приходилось осуществлять силами минимального количества работников Налогового управления. В этих условиях было очень сложно наладить работу регионального фискального аппарата, не говоря уже о том, чтобы наблюдать за деятельностью уездных налоговых органов или «направлять в ту или другую сторону нажим на плательщиков».³⁶⁷

Тем не менее, и при этих экстремальных обстоятельствах в течение 1921/22 г. удалось ввести в регионе и начать взимание промыслового, общегражданского налогов и гербового сбора, а также ряда местных налогов и сборов.³⁶⁸ Введение этих налогов встретило в целом положительную реакцию населения. «Новая налоговая политика государства осознается и укладывается в рамки мыслительного аппарата широких кругов населения, - отмечалось в докладе инспектора косвенных налогов Сызранского уезда Симбирской губерний В. Орехова (июль 1922 г.). - Даже больше того, государственное налоговое обложение, сходное до некоторой степени по конструкции с

³⁶⁷ ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.40. Л.79-81.

³⁶⁸ Перечень государственных и местных налогов и сборов в 1921-1925 гг. см. в Приложении 6.

прежними, знакомыми населению налогами, на первых порах встретило не только терпимое, но даже одобрительное отношение... Налоговые мероприятия повлияли дисциплинирующим и оздоравливающим образом на торговлю».³⁶⁹

В этих условиях в губерниях Среднего Поволжья наблюдался рост налоговых поступлений и налогооблагаемой базы. Так, в Пензенской губернии налоги и сборы в 1921/22 г. составляли 18,9% бюджетных доходов, а в 1922/23 г. - уже 31,4%.³⁷⁰ Общее количество промышленных предприятий в губернии за это время увеличилось с 1699 до 4022, их оборотные средства выросли в среднем с 417 тыс. руб. до 9189,2 тыс. руб. (в совзнаках); число торговых заведений выросло с 4563 до 4971.³⁷¹ Одновременно в Самарской губернии доля налоговых доходов в бюджете составляла в 1921/22 г. 14,9%, а в 1922/23 г. - 27,7%,³⁷² количество же предприятий в губернии за это время увеличилось с 1724 до 2400, а их оборот - с 676,72 руб. до 694,44 руб. золотом.³⁷³ Правда, следует отметить, что увеличение количества предприятий и их оборотов в этот период происходило в основном за счет мелких предприятий, имеющих малую доходность, и фискальный эффект от них был незначителен. Например, в Пензенской губернии в течение 1922/23 г, количество мелких предприятий 1-го разряда возросло с 973 до 2721, в то время как количество крупных предприятий осталось прежним.³⁷⁴ Такое количественное преобладание мелких предприятий объяснялось тесной связью торговли и промышленности губернии и региона с сельским хозяйством. Так как начало IV квартала совпадало с

³⁶⁹ ГАУО. Ф.р-183. Оп.1. Д.978. Л.9.

³⁷⁰ ГАПО. Ф.р-2. Оп.1. Д.1498. Л.120, 147.

³⁷¹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л. 246-247.

³⁷² Краткий обзор деятельности Самарского губернского экономического совещания за 1922 г... С.21-2; Доклад Самарского губисполкома 9-го созыва... С.32-33.

³⁷³ Вычислено по: Местный бюджет Самарской губернии на 1923-24 г. - С.16.

³⁷⁴ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.246.

моментом реализации урожая, то в этот период значительно увеличивалось количество обрабатывающих и торговых предприятий, которые могли закрываться в дальнейшем.

Первоначальные успехи налоговых органов Среднего Поволжья осложнялись рядом обстоятельств, в частности, непоследовательностью налоговой политики центральной власти. Налоговые ставка часто изменялась, менялась и налогооблагаемая база, и объекты обложения. В качестве примера можно привести изменение ставок промыслового налога в Пензенской губернии в январе-мае 1922 г. Если в январе 1922 г. «с небольшой угловой лавочки со входом для покупателей» взималось 1,5 млн. руб., то уже в мае - 84 млн. руб. [дензнаками 1922 г. – А.Ф.], причем измененные ставки налога распространялись и на прошедшие месяцы, начиная с января. Все это создавало панические настроения среди нэпманской буржуазии, приводило к частой смене вывесок, изменению форм организации производства и торговли: «Торговля и промыслы калейдоскопически меняются, одни предприятия возникают, другие закрываются, от единоличных хозяев переходят к артелям, артели в свою очередь распадаются на единоличные и т.д. Не зная, какая ставка налога ожидает плательщика, но наперед предугадывая, что немалая, плательщик заранее принимает меры к ускользанию от налога или переходит в подполье, к нелегальной деятельности, то есть в такое положение, при котором органы фиска лишены возможности их уловить».³⁷⁵

Еще одной технической сложностью, характерной для той обстановки, в которой работали налоговые службы в период нэпа, было частое отсутствие необходимых финансовых документов, например, бухгалтерских книг, на подконтрольных им объектах обложения. Как отмечал в декабре 1923 г. ревизор Наркомфина В.Добротворский, «что касается ведения книг торговыми предприятиями,... то выполнение этого требования для владельцев III и IV разрядов предприятий, по единодушному свидетельству фининспекторов...

³⁷⁵ ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.40. Л.81-83.

невыполнимо ввиду безграмотности и малограмотности состава торгующих. Если для предприятий IV разряда в отдельных случаях и возможна кое-какая бухгалтерия, то для массы владельцев предприятий III разряда... счетоводство немыслимо не только в каком-нибудь захолустье вроде Керенского уезда, но и в самой Пензе».³⁷⁶ Это обстоятельство создавало дополнительные сложности для фискальных органов при определении размеров оборотов и прибыли объектов обложения.

Еще более серьезное положение сложилось в этот период в Симбирской губерний. Непоследовательная налоговая политика здесь приводила к резкому росту цен на потребительском рынке, к так называемой «спекуляции на акцизах и налогах». Это явление описывалось следующим образом (по докладу инспектора косвенных налогов В. Орехова): «Вводится какой-либо акциз, и смотришь - не успели еще обложить товары, а цены на них поднялись процентов на 300-500 акцизной ставки. То же явление наблюдалось и при увеличении ставок других налогов... При моих разговорах с торговцами они объясняют такое «непропорциональное» увеличение цен при обложении товаров вроде как бы желанием создать «особый страховочный фонд» на случай могущих быть каких-либо непредвиденных налогов или сборов».³⁷⁷ Таким образом, налоговая политика государства оказывала непосредственное влияние на динамику рыночных цен, товарооборота, а, следовательно, и на темп инфляции и эмиссии денежных знаков.

В свою очередь, состояние рынка и особенности экономической конъюнктуры и товарооборота оказывали свое влияние на динамику налоговых поступлений. Так, серьезное воздействие на налоговую политику оказал кризис 1923 г. («ножницы цен»).

Рассмотрим динамику налоговых поступлений в этот период. В Пензенской губернии во втором полугодии 1922/23 г. промысловый налог был

³⁷⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.9об.-10;141

³⁷⁷ ГАУО. Ф.р-183. Оп.1. Д.1007. Л.9об.

увеличен по сравнению с первым полугодием на 59%, подоходно-поимущественный налог - на 13%.³⁷⁸ В результате в мае 1923 г. было выполнено только 77% налогового задания, в июле 1923 г. 70,5%, в августе - 78%.³⁷⁹ В определенной степени это было связано с сезонными явлениями в развитии экономики региона, но сказывалось и влияние «ножниц цен». «Резкое несоответствие цен на мануфактурные изделия с ценами на продукты сельского хозяйства достаточно красноречиво говорит о невыгодности сбыта продуктов, составляющих единственное богатство сельского хозяина, из которого последний извлекает доходы на покрытие расходов по ведению хозяйства и уплату государственных налогов и сборов», - отмечалось в обзоре финансово-экономического положения Пензенской губерний за июль-сентябрь 1923 г.³⁸⁰ Лишь благодаря энергичным усилиям налоговых органов губернии к ноябрю 1923 г. удалось свести к минимуму недоимочность по основным налогам.

На расхождение «ножниц цен» как на главное обстоятельство, ослаблявшее платежеспособность населения, указывалось и на XI Самарском губернском съезде Советов (декабрь 1923 г.): «Низкие цены па продукты сельскохозяйственной промышленности, понижая покупательную способность главного потребителя промышленных изделий - крестьянина, отрицательным образом отражались на торговых оборотах и вызвали понижение промыслового обложения во второй половине года. То же обстоятельство было существенным препятствием к более значительному успеху косвенного обложения, так как предметы потребления, обложенные акцизами, не находили для сбыта достаточно сильного массового потребителя».³⁸¹

Сокращение товарооборота в результате кризиса 1923 г. вызвало уменьшение количества торговых и промышленных предприятий. Так, количество торговых патентов в Пензенской губернии в октябре-ноябре 1923 г.

³⁷⁸ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.13. Л.1-2.

³⁷⁹ Там же. Д.12. Л.420, 441.

³⁸⁰ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.12. Л.437.

³⁸¹ XI Самарский губернский съезд Советов... С.70.

уменьшилось по сравнению с апрелем-сентябрем того же года на 57,8%, количество же промышленных патентов уменьшилось на 23,8%, количество личных промысловых патентов - на 62,3%, а всего количество патентов за этот период сократилось на 45,6%.³⁸² Одновременно под влиянием сезонных колебаний экономической конъюнктуры и под тяжестью налогового пресса происходил процесс концентрации местной промышленности и торговли. Это выражалось в увеличении их торговых оборотов, в III квартале 1922/23 г. средняя сумма оборота одного предприятия составляла 16810,5 руб., в IV квартале - 27324,7 руб., а в октябре-ноябре 1923 г. - 53044 руб.³⁸³ Таким образом, несмотря на сокращение количества торгово-промышленных предприятий в губернии увеличилась сумма их оборотов, а, следовательно, налогооблагаемая база в губернии сохранилась и даже несколько расширилась. Об этом говорит и общая динамика выполнения заданий Центра по сбору государственных налогов в 1923/24 г.

В Самарской губернии в течение 1923/24 г. также наблюдалось некоторое уменьшение количества торговых заведений. Согласно данным заведующего губфинотдела Мундещема, количество предприятий, выбравших патенты во втором полугодии 1923/24 г. сократилось по сравнению с первым полугодием на 8,7% в государственной торговле, на 41,2%, - в частной торговле, но количество предприятий кооперативной торговли увеличилось на 160,3%.³⁸⁴ Однако это не означало сокращения товарооборота, который вырос за это время в государственной торговле на 335%, в кооперации - на 224%, в частной торговле - на 240%.³⁸⁵ Под влиянием налогового пресса товарооборот перераспределялся в пользу государственной и кооперативной торговли. Благодаря этому удалось сохранить и расширить налогооблагаемую базу губернии. Таким образом, кризис 1923 г. имел в Пензенской и Самарской

³⁸² Вычислено по: ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.12. Л.17.

³⁸³ Вычислено по: ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.12. Л.19.

³⁸⁴ Третья сессия Самарского губисполкома. 3-4 ноября 1924 г. - С.60.

губерниях аналогичные последствия.

Наиболее значительные последствия в области взимания налоговых платежей имели «ножницы цен» в Симбирской губернии. С апреля 1923 г. здесь началось резкое сокращение товарооборота. Одной из главных причин такого положения Симбирское губэконо называло отсутствие «сколь угодно устойчивой экономической политики» местной власти в области торговли, особенно частной: «Нормальной торговли и нормального типа купца нет, а есть «нэпман, нэпач, спекулянт» и проч. с соответствующим презрительным к ним отношением».³⁸⁶ Среди других причин сокращения емкости рынка Губэконо выделяло: высокие ставки налогов, не соответствующих ни экономическим возможностям торговли, ни покупательной способности населения; высокие накладные расходы торгово-промышленных предприятий; недостаточная платежеспособность населения; резкое падение курса рубля; «ножницы цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары; неорганизованность кредита.³⁸⁷

В результате проводимой фискальной политики в губернии наблюдалось резкое сокращение налоговых поступлений. Промысловый налог, например, поступил к концу 1922/23 г. в размере 75% задания.³⁸⁸ Налоговые платежи составили в Симбирском уезде 34,8% задания, в Сызранском - 71,5%, в Сенгилеевском - 36,9%. В среднем по губернии было собрано лишь 88,9% установленной сумм налогов.³⁸⁹ Только к осени 1924 г. благодаря жестким неординарным мерам губернского руководства, в том числе повышением государственных и местных налогов и суровым мерам борьбы с недоимщиками бюджетный кризис был преодолен.

³⁸⁵ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.65. Л.42.

³⁸⁶ Отчет Симбирского губернского экономического совещания №3. С.94.

³⁸⁷ Отчет Симбирского губернского экономического совещания №3. С.94.

³⁸⁸ См. ГАУО. Ф.р.-183. Оп. 8 «с». Д.36. Л.142.

³⁸⁹ Там же. Л.79.об.

И.А. Чуканов характеризует эти явления как структурный кризис, охвативший экономику страны и регионов. При этом в основе бюджетного кризиса, по его мнению, лежали также и социальные причины. Среди них им особо выделяется «разгром в 1918-1920 гг. в ходе «военного коммунизма» среднего класса России - главного источника социальной стабильности любого общества и главного налогоплательщика страны»³⁹⁰ [подчеркнуто автором - А.Ф.]. Здесь, несколько отступая от нашей темы, следует отметить, что модный в современной социологии термин «средний класс» относится к социальной структуре постиндустриального общества. Следовательно, в дореволюционной России, которая представляла собой переходный (от аграрного к индустриальному) тип общества, «среднего класса» не могло быть по определению. Возможно, под понятием «средний класс» подразумеваются средние слои населения, которые существуют в любом обществе. Но и в этом случае говорить о том, что их «разгром» в 1918-1920 гг. явился причиной кризиса в масштабах всего Среднего Поволжья, было бы преувеличением.

Во-первых, слишком большой временной лаг между 1920 и 1923 гг. дает основание ставить под сомнение этот вывод. Ведь в этот промежуток времени в губерниях Среднего Поволжья наблюдались и экономический подъем, и развитие товарооборота, а, следовательно, и увеличение налоговых поступлений. Во-вторых, в период нэпа, по данным источников, наблюдался как раз рост средних слоев населения, особенно крестьянства. В Пензенской губернии, например, в 1925 г. середняки составляли 56,6% крестьянского населения (бедняки - 39,9%, кулаки - 3,5%).³⁹¹ В Самарской губернии в 1924 г. их доля равнялась 40-41%.³⁹² Опираясь именно на эти слои населения, учитывая их возможности в уплате налогов, строилась вся деятельность налоговых

³⁹⁰ Чуканов И.А. Указ. соч. С.217.

³⁹¹ Трудовая правда. - 1925 - 9 декабря.

органов Среднего Поволжья в этот период. В-третьих, как уже отмечалось, Чуканов часто экстраполирует бедственное положение Симбирской губернии на все Среднее Поволжье в целом. В других же губерниях региона в налоговой сфере наблюдалась совершенно иная картина. Следовательно, утверждения Чуканова о социальных причинах кризиса 1923 г. не соответствуют фактическим данным. Действительные причины кризиса были показаны нами во второй главе данной работы.

Еще одним фактором, оказавшим существенное воздействие на развитие экономики, налогового дела в Среднем Поволжье, был неурожай 1924 г. Его влияние оказалось аналогичным результатам кризиса 1923 г., то есть продолжило тенденцию укрупнения торговых и промышленных предприятий и перераспределения объемов товарооборота в пользу государственного и кооперативного секторов экономики.

Так, в Пензенской губернии влияние неурожая сказалось в закрытии ряда предприятий. По данным инспекторов Наркомфина, обследовавших постановку налоговой работы в губернии в марте 1925 г. «количество закрывшихся предприятий достигло на 1 января 1925 г. 205 (141 торговое и 64 промышленных), что находит объяснение в уменьшении емкости рынка и связи с недородом, вызвавшим резкое сокращение потребительского спроса обедневшего крестьянства».³⁹² Вместе с тем, отмечался несомненный рост торговли и промышленности. Количество торговых заведений в первом полугодии 1924/25 увеличилось по сравнению с первым полугодием 1923/24 г. на 5,8%, количество промышленных предприятий увеличилось за этот период на 38%. Этот рост приходился, главным образом, на предприятия первых трех разрядов (развозная и разносная торговля и промышленность по переработке сельхозпродуктов), причем эти предприятия принадлежали, как правило, частным владельцам. Крупные же предприятия 4-го и 5-го разрядов

³⁹² Местный бюджет Самарской губернии на 1924-25 г. С.75.

³⁹³ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.120об.

принадлежали государственной и кооперативной торговле, причем количество государственных предприятий увеличилось на 35% а кооперативных - на 70%. Значительное увеличение среднего оборота торговых предприятий в первом полугодии 1924/25 г. по сравнению с аналогичным периодом 1923/24 г. (с 1920 до 3489 руб.), а также увеличение среднего размера патентного сбора (с 7,58 руб. до 8,75 руб.) свидетельствовало о дальнейшем укрупнении предприятий. Укрупнение это касалось, главным образом, государственных и кооперативных предприятий, средний оборот государственных предприятий увеличился с 8-15 тыс. руб. до 28 тыс. руб., кооперативные предприятия увеличили оборот с 4-13 тыс. до 21 тыс. руб., средний же оборот частной торговли увеличился с 1700 до 2600 руб.³⁹⁴ Помимо влияния неурожая большое значение для преимущественного развития государственной и кооперативной торговли и промышленности имела налоговая политика финансовых органов, которые взяли курс на постепенное вытеснение частника из хозяйственной жизни.

Аналогичные процессы происходили в Самарской губернии. Здесь число торговых патентов во втором полугодии 1923/24 г. снизилось по сравнению с первым полугодием этого года на 31%, количество личных промыслов уменьшилось на 42%, без изменения осталось число промышленных патентов. Сокращение это происходило, главным образом, за счет частной торговли и промышленности, доля которых сократилась с 96,1% до 92,9%. Доля же государственных предприятий возросла с 0,8% до 1,5%, а доля кооперативных - с 3,1% до 4,9%.³⁹⁵ Вместе с тем, средний оборот государственных предприятий возрос за это время на 287%, кооперативных - на 249%, частных - на 197%, а в среднем - на 217%. Основная доля налоговых платежей при этом приходилась на частную торговлю (73,4% поступлений промыслового налога), на долю государственной торговли приходилось 16,3% поступлений налога, а на долю

³⁹⁴ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.120об.-121об.

³⁹⁵ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.65. Л.43.

кооперативной торговли – 10%.³⁹⁶

Наиболее последовательно политика вытеснения частного капитала проводилась в Симбирской губернии. Здесь был особенно сильный налоговый нажим на частных предпринимателей, и система государственных и местных налогов была действенным средством для этого. Так, промысловый налог в губернии в 1924/25 г. был собран в размере 161,2% и основная тяжесть этого второго по значению среди прямых налогов приходилась на частные предприятия.³⁹⁷ Одновременно с ужесточением налогового давления происходили административная регламентация цен и кредитов. В качестве средства общественного воздействия на нэпманов практиковались месячники покупки только в кооперации. Государственные синдикаты практиковали отказ частникам в отпуске товаров, даже если это отражалось на товарном снабжении. В результате в Ульяновской губернии из 29 частных промышленных предприятий в начале 1924/25 г. осталось только два к концу года.³⁹⁸

Таким образом, под влиянием неурожая 1924 г. в губерниях Среднего Поволжья продолжали действовать экономические тенденции, наметившиеся в 1923 г. - концентрация местной торговли и промышленности, перераспределение объемов товарооборота в пользу государственных и кооперативных предприятий. Налоговая политика в этот период была направлена на то, чтобы переложить все последствия от уменьшения емкости рынка и объемов товарооборота на частные предприятия и поддержать государственный и кооперативный сектора экономики.

Вместе с тем, реальные сложности в сборе налогов продолжали сохраняться. Это заставляло уездные органы власти искать альтернативные

³⁹⁶ Третья сессия Самарского губисполкома. 3-4 ноября 1924 г. - С.70.

³⁹⁷ Природа, хозяйство культура Ульяновской области. - Ульяновск, 1927. - С.10.

³⁹⁸ Лютов Л.И. Промышленность Симбирской губернии в условиях либерализации централизованно-плановой экономической системы. 1920-е гг. С.89.

способы пополнения бюджетов, самочинно увеличивать местные налоги, вводить дополнительные поборы.

В начальный период нэпа это «увлечение налоговым делом» доходило до того, что даже отдельные региональные ведомства вводили собственные налогообразные платежи. В Симбирской губернии, например, такими самостоятельными поборам занимались коммунотделы, отделы управления, наробразы, совнархозы, земотделы и т.п. Газета «Экономический путь» сообщала, что «в Сызрани пожарниками был введен налог на «печи». Уполитом [эта аббревиатура не поддается расшифровке - А.Ф.] введен налог на музыкальные инструменты и в довольно-таки «категорической» форме, вплоть до конфискации»³⁹⁹. Не отставали от этих ведомств и некоторые уездные финотделы. Так, 17 ноября 1922 г. Пензенский губфинотдел сообщал Губисполкому, что «по Инсарскому и Нижне-Ломовскому уездам производится под названием «самообложения» сбор натурального налога, не предусмотренного перечнем местных налогов, фактически же, чисто окладного характера».⁴⁰⁰ Самарский губфинотдел отмечал случаи взимания самочинных налогов вплоть до 1925 г., выделяя среди способов незаконного обложения следующие: «обложение на содержание ямщиков, на содержание сельсоветов, гужевая повинность, взимание платы при воинском переучете, продажа благотворительных марок в принудительном порядке, производство сдачи из касс марками и проч.».⁴⁰¹

Разумеется, такая погоня за новыми источникам средств приводила, в конечном итоге, к прямо противоположным результатам, так как порождала отрицательное отношение налогоплательщиков к налоговой политике вообще, вела к росту недоимочности, сокращению количества объектов обложения и к уменьшению суммы уплачиваемых налогов. В Симбирской губернии, особенно

³⁹⁹ Экономический путь. – 1922. - 16 марта.

⁴⁰⁰ ГАПО.Ф.р-2. Оп.1. Д.1587. Л.11.

⁴⁰¹ ГАСО. Ф.р-142. Оп.1. Д.80. Л.302.

в Сызранском уезде, именно такой результат и был достигнут, что отмечалось в качестве отрицательного примера даже в соседних губерниях.

Поэтому, чтобы избежать подобных эксцессов, органы власти средневожских губерний категорически запрещали любые виды самовольных налогов. Так, Пензенский губисполком постановлением от 27 ноября 1922 г. запретил всем уисполкомам, под страхом коллективной судебной ответственности их президиумов, производить взимание налогов, не предусмотренных постановлениями ВЦИК и СНК.⁴⁰² Однако дело часто ограничивалось тем, что на местах лишь отменяли обнаруженные незаконные налоги и не принимали никаких мер для привлечения виновных к ответственности, как это практиковалось, например, в Самарской губернии.⁴⁰³

Очевидно, причиной неэффективности борьбы с местным налоготворчеством было не только и не столько нежелание местных властей вести эту борьбу, сколько скудость и недостаточность доходной части уездных и волостных бюджетов. Так, 2-я сессия Самарского губисполкома в марте 1923 г. отмечала, что уисполкомы совершенно не заботятся о хозяйстве волостей, никакой финансовой помощи им не оказывают, а те средства и дотации, которые получают уисполкомы, тратятся ими на свои местные нужды. В результате «довольно-таки значительные потребности» волостей были удовлетворены не более чем на 15%. Поэтому «волисполкомы, не имея совершенно средств, в то же время обязанные выполнять довольно значительную работу,.. проводят целый ряд незаконных налогов и бороться с этим представляется совершенно невозможным, потому что у нас есть сплошь и рядом волисполкомы, которые получают 10-15 руб. на жалование служащим».⁴⁰⁴ В качестве радикальной меры борьбы уисполкомам

⁴⁰² ГАПО. Ф.р-2. Оп.1. Д.1587. Л.23.

⁴⁰³ ГАСО. Ф.р-142. Оп.1. Д.80. Л.302.

⁴⁰⁴ Вторая сессия Самарского губисполкома. 25-26 марта 1923 г. – Самара, 1923. С.22.

рекомендовалось передать в ведение волостей «целый ряд доходных источников налогового характера, может быть, приписать какую-нибудь мельницу, речку и т.п.». ⁴⁰⁵

Аналогичное положение наблюдалось и в Пензенской губернии, где отмечалось слабое развитие волостного хозяйства, находящегося в зачаточном состоянии и, вследствие этого, вынужденная необходимость для волисполкомов опираться в своей деятельности на взимание всевозможных «надбавок» к государственным и местным налогам. При этом «облагаемыми» являлись в некоторых случаях все жители данного села или волости, в других случаях только владельцы торгово-промышленных предприятий или служители религиозных культов... Сборы производились или вообще для поддержания волостного бюджета, или с более определенной целью (на содержание детских домов и т.д.)». ⁴⁰⁶ Вместе с тем после укрупнения волостей в январе 1924 г. планировалось некоторое увеличение доходов волисполкомов за счет передачи им части доходных статей из уездных бюджетов. ⁴⁰⁷

Однако данные меры борьбы с местным налогоотворчеством оставались паллиативами до тех пор, пока оставались в силе причины этого явления, то есть недостаточность доходной базы местных бюджетов. Наиболее решительные меры в этом отношении были предприняты в Самарской губернии, где в 1924/25 г. в пользу уездных и волостных бюджетов впервые были переданы доходы от единого сельхозналога, а в 1925/26 г. - лесные доходы и доходы от государственных земельных имуществ. Не случайно с этого времени в губернии почти не встречается случаи взимания незаконных поборов. Правда, из-за неподготовленности и неорганизованности уездного и волостного налогового аппарата не первых порах отмечался рост недоимочности по этим налогам, но это были уже технические трудности. В

⁴⁰⁵ Вторая сессия Самарского губисполкома. 25-26 марта 1923 г. - С.23.

⁴⁰⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.337.

⁴⁰⁷ Вторая сессия Самарского губисполкома. 25-26 марта 1923 г. – С.234.

других губерниях Среднего Поволжья на подобный шаг не решились, поэтому и результаты борьбы с местным налоготворчеством были менее впечатляющими.

Итак, одной из главных проблем налоговых органов Среднего Поволжья являлся рост недоимочности по основным государственным и местным налогам. В Пензенской губернии, например, сумма недоимки за период с 1 октября 1923 г. по 1 февраля 1925 г. выросла со 126,3 тыс. руб. до 450 тыс. руб. Недоимка по подоходному налогу составляла 36,8% его оклада на 1 октября 1924 г. и 44,5% на 1 февраля 1925 г. Недоимка по уравнительному сбору составляла соответственно 22,1% и 18%. При этом из общей суммы недоимки по прямым государственным налогам в 345 тыс. руб. на 1 января 1925 г. 250 тыс. руб. (то есть 72,5%) числилось за частными предприятиями и учреждениями. Только во второй половине февраля 1925 г. (видимо в преддверии инспекции из Наркомфина) недоимочность начала снижаться и по прямым налогам снизилась почти на 20%, по косвенным же продолжалась санкционированная Губфинотделом отсрочка платежей.⁴⁰⁸

Среди причин этого явления инспекторы Наркомфина указывали, в основном, на отсутствие репрессивных мер (например, показательных судебных процессов) и недостаточное применение принудительных мер взыскания недоимки (путем продажи имущества неплательщиков). Вместе с тем, важной причиной был также и рост налоговых ставок, несоразмерных с платежными ресурсами населения в экономических условиях 1923-1924 гг. Так, средний размер налогообложения на душу населения увеличился во втором полугодии 1923/24 г. по сравнению с первым на 90%, а в некоторых уездах рост налогообложения доходил до 692%. Кроме того, в качестве причин роста недоимки указывалось на отсутствие планового подхода губернских финансовых органов к ее ликвидации. Вместо систематической работы в этом

⁴⁰⁸ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.116об.-117.

направлении фискальные органы часто прибегали к такой экстренной мере, как ударники по ликвидации недоимок.⁴⁰⁹

Одновременно аналогичные явления наблюдались и в Самарской губернии. За период с 1 октября 1924 г. по 1 сентября 1925 г. недоимочность здесь выросла в среднем на 55,3%, причем особенно большое увеличение размера недоимочности приходилось на Самарский (на 54,8%), Мелекесский (на 167,5%) и Бугурусланский (на 139,9%) уезды. В Бузулукском и Пугачевском уездах, где в связи с неурожаем 1924 г. некоторая часть недоимки была списана, ее размер уменьшился на 7,9% и 20,6% соответственно. При этом наблюдалась следующая закономерность: в течение первых трех месяцев каждого квартала сумма недоимки постепенно снижалась, а на каждый четвертый месяц квартала приходилось ее увеличение. Это объяснялось особенностями составления финансовой отчетности по кварталам и тем, что плательщики стремились, как правило, дотянуть уплату налогов до конца срока.⁴¹⁰

Для борьбы с недоимочностью губернские финансовые органы предпринимали серьезные действия. В Самарской и Симбирской губерниях это были, как правило, репрессии в отношении неплательщиков. В Симбирской губернии с весны 1924 г. практиковалась массовая распродажа имущества должников, повальное взимание штрафов и пени, что позволило выручить до 500 тыс. руб., то есть сумму, сравнимую с размерами недоимки.⁴¹¹ В Самарской губернии наиболее эффективной мерой борьбы с недоимочностью считались «судебные процессы, проводимый на местах выездными сессиями»⁴¹² и другие административные меры воздействия на неплательщиков.

В то же время налоговые службы Пензенской губернии считали, что взимание штрафов и судебное преследование не может иметь массового

⁴⁰⁹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.117об.-118.

⁴¹⁰ ГАСО. Ф.р-142. Оп.1. Д.112. Л.15.

⁴¹¹ Чуканов И.А. Указ. соч. С.95.

применения, так как основная часть недоимки состоит из мелких плательщиков, которые не платят налогов не по злостному умыслу, а из-за недостатка средств. Поэтому применение к ним принудительных мер взыскания, не достигая цели, лишь увеличит недоимку. Пензенский губфинотдел признавал наиболее продуктивным методом массовой ликвидации недоимочности введение института ответственных сборщиков налогов, которые непосредственно соприкасались бы с мелкими неплательщиками и предъявляли бы к ним непосредственные требования об уплате недоимки. Тем самым плательщики избавлялись от необходимости из-за уплаты мелких сумм обращаться в кассы финансовых органов. Этот способ взыскания недоимки показал свою эффективность во время ударных кампаний по ликвидации недоимок в губернии.⁴¹³

Таким образом, рост налогооблагаемой базы в губерниях Среднего Поволжья в течение 1922-1925 гг. сопровождался увеличением количества государственных и местных налогов и ростом платежей по ним. Одной из главных проблем при этом являлась стабильная недоимочность по основным налогам и сборам. Для борьбы с ней в Симбирской и Самарской губерниях применялись, как правило, принудительные административно-судебные меры, а в Пензенской губернии наиболее эффективной мерой считалась непосредственная работа с массой недоимщиков и постепенная ликвидация этого явления. Но первый способ борьбы был малоэффективен с экономической точки зрения, а для второго не хватало технических возможностей и людских ресурсов (поэтому он и применялся в основном во время кратковременных ударных кампаний). Поэтому оба этих метода в социально-экономических условиях нэпа следует признать паллиативными.

Вместе с тем, финансовые органы Пензенской и Самарской губерний стремились оптимизировать систему налогообложения и взимания налогов,

⁴¹² ГАСО. Ф.р-142. Оп.1. Д.53. Л.36.

⁴¹³ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.243-243об.

сообразуя ее с реальными платежными ресурсами населения. Заведующий Самарского губфинотдела И.П. Нудьга в марте 1923 г. призывал «почаще ставить вопрос о системе обложения, о большей рационализации ее и высоте обложения. Настало такое время, когда нужно вместо лозунга «Взять возможно больше» выдвинуть другой лозунг: «Чтобы это стоило возможно меньше государству и чтобы платежные силы населения были бы сохранены и не были бы истощены».⁴¹⁴ Аналогичное стремление в качестве ближайшей задачи деятельности финансового аппарата было продекларировано на 1-м Губернском съезде финансовых работников Пензенской губернии в июле 1923 г.⁴¹⁵ Тем самым финансовыми органами Среднего Поволжья демонстрировался вполне целесообразный подход к налоговой политике, понимание ее целей и методов налоговой работы.

Структура налоговых поступлений различалась в Средне-Волжском регионе как в хронологическом отношении, так и по отдельным губерниям.

В первые годы нэпа (1921-1922) в связи с разрухой в промышленности и на транспорте основным плательщиком налогов было крестьянство. «Главнейшими и в настоящих условиях почти единственными плательщиками денежных налогов могут явиться только сельские хозяева, - писал в мае 1921 г. заведующий Самарского губфинотдела В.Гроссман, - то есть тот класс трудящихся, который всецело несет на себе тяжелую повинность по продовольствию всего неземледельческого населения, уступая значительную часть продуктов своего трудового хозяйства государству... Сельские хозяева представляют собой единственный класс, к которому могут быть с успехом предъявлены налоговые требования».⁴¹⁶

Исходя из этих соображений, основным видом налоговых поступлений в это время должен был стать продналог. Однако в 1921 г. в связи с неурожаем и

⁴¹⁴ Вторая сессия Самарского губисполкома... 25-26 марта 1923 г. – С. 25.

⁴¹⁵ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.7. Л.60.

голодом налог был введен не повсеместно. В Симбирской губернии общегосударственный налог на некоторые продукты не вводился, но был введен внутригубернский налог, который взимался в самых минимальных размерах. Введение этого налога встретило понимание крестьян, продукты по нему сдавались ими, в отличие от продразверстки, добровольно и репрессивных мер изъятия не применялось.⁴¹⁷ В итоге в течение 1921 г. в счет продналога в губернии поступило: хлеба - 18,5% задания, мяса – 83,7%, яиц - 2,7%, масла – 3,8%, шерсти - 18,7%, меду - 17,6%, пеньки – 29,9%. В среднем поступление налога выразилось в сумме 9270 млн. руб. или 25% задания, что при наличии в губернии острого продовольственного кризиса было неплохим результатом.⁴¹⁸

В Самарской губернии, которая также серьезно пострадала от неурожая 1921 г., отношение крестьян к продналогу было более враждебным. Добровольной сдачи продуктов почти не происходило, в большинстве случаев налог сдавался только под нажимом воинских частей. В итоге осенью 1921 г. ввиду полного неурожая Самарская губерния по постановлению ВЦИК была освобождена от уплаты государственного продналога.⁴¹⁹

Пензенская губерния была затронута неурожаем лишь частично, поэтому отношение крестьянства к продналогу было сложным. Первоначально крестьяне, почувствовав разницу между продразверсткой и продналогом, относились к налогу «сочувственно» и довольно охотно сдавали продукты. «Но затем, по мере предъявления крестьянству все более и более решительных требований по выполнению продналога и в связи с тяжестью последнего, обусловленной очевидным неурожаем, в отношениях крестьянства происходит

⁴¹⁶ РГАЭ. Ф.7733. Оп.1. Д.1934. Л.226.

⁴¹⁷ Отчет Симбирского губернского экономического совещания на 1 октября 1921 г. – С.3.

⁴¹⁸ Экономический путь. - 1922 - 17 февраля.

⁴¹⁹ Отчет Самарского губернского экономического совещания. Вып.1. - С.115; Вып.2. - С.7.

перелом к худшему... Появление дополнительного налога за скрытую пашню и его проведение почти целиком прошло под влиянием нажима».⁴²⁰ Для взимания налога приходилось применять военную силу, использовать суды и революционные трибуналы. Будучи эксцессами и пережитками «военного коммунизма», эти меры не могли быть применимы в условиях нэпа, и поэтому с февраля 1922 г. они были отменены. В итоге продналог в Пензенской губернии в 1921/22 г. по хлебофуражу, маслу, семенам и картофелю был выполнен в размере 107%, по мясу – 95%, по молочным продуктам – 56%.⁴²¹

Как отмечалось в источниках, продналог был бы оправдан при наличии хотя бы среднего урожая. Поэтому в первой же благополучный по урожайности год (1922) перед финансовыми органами Среднего Поволжья вновь возникла необходимость организации систематического сбора продналога. Решая вопрос о начале продналоговой компании, налоговые органы проанализировали экономическое положение сельского хозяйства, установили размер пахотной земли и сенокосных угодий, выявили финансовые возможности крестьянства. Величина налога на одного едока в 1922/23 г. составляла в Симбирской губернии от 2 пудов 30 фунтов до 4 пудов 10 фунтов. В Самарской губернии налог в денежном выражении составлял в среднем 3 руб.96 коп на едока. Такая ставка была вполне посильной для крестьянских хозяйств Среднего Поволжья.⁴²²

В Симбирской губернии предполагалось собрать 2,97 млн. пудов налога, в Самарской губернии - 3 млн. пудов. На 1 декабря 1922 г. в Симбирской губернии поступило 74% налогового задания, в Самарской губернии налог был

⁴²⁰ Пензенское губернское экономическое совещание. Отчет Совету Народных Комиссаров и Совету Труда и Оборона... - С.125.

⁴²¹ Сборник статистических сведений по Пензенской губернии.1920-1926 гг. – С.690.

⁴²² Лягушев Е.И. Указ. соч. С. 127-128.

собран полностью.⁴²³ В Пензенской губернии налог поступил в размере 103% задания.⁴²⁴ В целом, подводя итоги продналоговой кампании в Среднем Поволжье, констатировалось полное выполнение задания Наркомпрода.

В 1922-1923 гг. во всех губерниях региона продналог являлся главной статьей доходных поступлений. В бюджете Самарской губернии он составлял 17,9% всех доходов бюджета,⁴²⁵ в бюджетах Симбирской и Пензенской губерний, экономика которых носила более аграрный характер, его доля была значительно больше, в Пензенской губернии - до 59%.⁴²⁶ В то же время в целом по стране в 1921-1922 гг. среди прямых налогов наибольшее значений имели промысловый (47,6% всех налоговых поступлений) и общегражданский налоги (43,9% всех прямых налогов). В масштабах страны Поволжье занимало шестое место (из 15 экономических районов) по уровню финансовых поступлений от патентного сбора промыслового налога.⁴²⁷ Это обстоятельство еще раз подчеркивало аграрный характер экономики региона.

Наряду с продналогом в сельской местности взимались трудгужналог, подворный и общегражданский налоги. Многих крестьян не устраивала не сама величина налогов, а их множественность, а также система и методы их взимания. Например, в докладе о состоянии Симбирской губернской партийной организации от 21 февраля 1923 г. констатировалось, что «среди крестьян и деревенских коммунистов самым большим вопросом является разнообразие налогов... Причем не возражали против самих налогов и их тяжести, а против разнообразия этих налогов».⁴²⁸ Кроме того, в губерниях Среднего Поволжья выдвигались предложения перейти от натуральной формы взимания налогов к

⁴²³ Лягушев Е.И. Указ. соч. С.128, 130.

⁴²⁴ Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. 1920-1926 гг. С.690.

⁴²⁵ Местный бюджет Самарской губернии на 1923-24 г. - С.116.

⁴²⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.210.

⁴²⁷ Народное хозяйство России за 1921-1922г.г. – М., 1923. С.234-235.

⁴²⁸ РГАСПИ. Ф17. Оп.11. Д.242. Л.2.

денежной, указывалось на необходимость унификации налогов. Резолюции с этими предложениями были приняты XII Симбирской губернской партконференцией (март 1923 г.)⁴²⁹ и XIV Пензенской губпартконференцией (апрель 1923 г.).⁴³⁰

Таким образом, опыт налоговой кампании в деревне в 1921-1922 гг. показал, что множественность налогов и бессистемность их взимания создавали путаницу и не давали крестьянам возможности заблаговременно учесть свои ресурсы и расчетливо строить хозяйственные планы. Так сама жизнь поставила вопрос о введении единого сельскохозяйственного налога. «Единый сельхозналог, – указывалось в резолюции XII съезда РКП(б), – должен решительно покончить с множественностью обложения, которая вызывает справедливые жалобы крестьянства и мешает ему твердо подсчитать свои расходы и доходы и в соответствии с этим вести свое хозяйство».⁴³¹

Введение единого сельхозналога сопровождалось отменой остальных налогов, взимаемых с сельского населения, заменой части натурального налога денежным и предоставлением больших льгот по налогу беднейшему крестьянству. Недоимка по отмененным налогам должна была быть ликвидированной к середине августа 1923 г. При этом практиковалось принятие самых решительных мер принуждения к состоятельным плательщикам, а также сложение недоимок с маломощных хозяйств несостоятельных плательщиков. Однако даже несмотря на принятие жестких мер, ликвидация недоимочности по отмененным налогам затянулась до октября 1923 г.⁴³²

Если проанализировать структуру налоговых поступлений в средневолжских губерниях в 1923-1925 гг., то можно выявить следующую картину.

⁴²⁹ Очерки истории Ульяновской организации КПСС. – Ч. II. – С. 37.

⁴³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 15. Д. 32. Л. 2.

⁴³¹ КПСС в резолюциях... Ч. 1. изд. 7-е. - М. 1954. С. 507.

⁴³² ГАУО. Ф. р-183. Оп. 1. Д. 1022. Л. 84-84об., 94.

В Самарской губернии, где по сравнению с другими губерниями региона были наиболее развиты промышленность и торговля, на первом месте находились поступления от промыслового налога (36,4% всей суммы налогов в 1923/ 24 г.). Далее следовали также связанные с торговлей акцизы (32,4% всех налогов). Сельское хозяйство тоже играло немалую роль в экономике губернии, поэтому на единый сельхозналог приходилось 18,1% налоговых поступлений. Подоходно-поимущественный налог, взимаемый с городских жителей, давал 9,7% налоговых платежей. Наконец, гербовый сбор занимал одно из последних мест в налоговой структуре, выражаясь в 8,6% всей суммы налогов.⁴³³

В Пензенской губернии, чья экономика носила преимущественно аграрный характер, главную роль в налоговых поступлениях играл единый сельхозналог (59,9% всех налогов в 1923/24 г.). Торговля также была довольно развита в губернии, поэтому 20,2% налоговых платежей давали акцизы. Промысловый налог с торговых и промышленных предприятий занимал третье место в перечне налогов (7,9% налоговых поступлений). Подоходно-поимущественный налог и гербовый сбор, как чисто городские налоги, не имели существенного значения среди других налогов, на них приходилось соответственно 3,9 и 3,3% всех видов налогов.⁴³⁴ Таким образом, в Самарской губернии основной налогооблагаемой базой являлись доходы промышленности и торговли, а в Пензенской губернии – сельское хозяйство.

В местных бюджетах губерний Среднего Поволжья главную роль среди налоговых платежей играли надбавки и отчисления от государственных налогов. В бюджете Пензенской губернии 1924/25 г они составляли 32,7% всех бюджетных доходов, в Самарской губернии – 27,7%.⁴³⁵ Из них наиболее крупными являлись надбавки к сельхозналогу и к промысловому налогу,

⁴³³ Третья сессия Самарского губернского исполнительного комитета. 3-4 ноября 1924 г. - Самара, 1924. С.69.

⁴³⁴ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.210.

⁴³⁵ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924/25 г. - С.113; Третья сессия Самарского губисполкома. 3-4 ноября 1924 г. - С.57-58.

причем в уездных и волостных бюджетах первое место занимали надбавки к сельхозналогу, а в губернских бюджетах - к промысловому налогу.

Местные налоги, хотя и были многочисленны, но финансовый результат их был незначителен и не имел существенного значения в бюджетах средне-вожских губерний. В бюджете Пензенской губернии в 1923/24 г. их доля равнялась всего 4,4% налоговых доходов, а в Самарской губернии - 7,6%.⁴³⁶ В целом, множественность местных налогов лишь затрудняла их взимание, не сопровождаясь ощутимыми результатами в отношении пополнения местных финансовых ресурсов. Поэтому часть этих налогов постепенно была отменена региональными финансовыми органами.

В общей сумме налоговых платежей в Среднем Поволжье наблюдался уклон в сторону прямых налогов, хотя косвенные налоги также занимали солидное место в бюджете. В Пензенской губернии их доля в 1923/24 г. составляла 20,3% всех налогов, доходя в отдельные месяцы до 45%. Всего по 11 позициям косвенных налогов наибольшие доходы приносили акцизы со спичек (31,2%), нефтепродуктов (18,8%) и соли (9%).⁴³⁷

В Самарской губернии в 1923/24 г. косвенные налоги составляли 30% всей суммы налогов. В их структуре первое место занимали акцизы на нефтепродукты (23,7%), затем шли акцизные платежи с табака (22,8%), соли (10,7%), пива (7,8%), текстиля (7,7%).⁴³⁸ Несмотря на существенное снижение акцизов на соль, керосин, спички акцизный доход в губернии за год увеличился почти в три раза. Это объяснялось расширением потребления подакцизных предметов в связи с ростом платежеспособного спроса населения, понижением цен и усилением работы налоговых органов. В целом косвенное обложение в основной своей массе приходилось на зажиточные слои населения, т.к. главная

⁴³⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.210; Местный бюджет Самарской губернии на 1923/24 г. – С.7.

⁴³⁷ ГАПО. Ф.р-313. Оп.8. Д.94. Л.18; Оп.9. Д. 123. Л. 210; Оп.10. Д.39. Л.15об.

⁴³⁸ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.65. Л.44.

тяжесть акцизов ложилась на товары первой необходимости или предметы роскоши (до 65% суммы косвенных налогов).⁴³⁹

В Симбирской губернии основной проблемой в области косвенных налогов было сокрытие и контрабандная торговля подакцизными товарами, которая по берегам Волги и в районе крупных железнодорожных станции приобрела характер стихийного бедствия. Чтобы выбить почву из-под ног контрабандных торговцев, Симбирский губисполком в октябре 1922 г. разрешил беспошлинный провоз и хранение мелких партий этих товаров (не более шести пудов соли и десяти пудов нефтепродуктов).⁴⁴⁰ Это означало фактическое снижение цен на подакцизные товары для малообеспеченных слоев населения, что стимулировало их потребление и способствовало увеличению акцизных поступлений в бюджет.

В целом, налогообложение того времени носило ярко выраженный классовый характер, то есть сумма налоговых платежей повышалась для зажиточных слоев населения и понижалась для малообеспеченных слоев. Это положение было уже показано нами на примере косвенных налогов. В области прямого налогообложения малообеспеченным слоям населения предоставлялись значительные льготы при уплате сельскохозяйственного и подоходного налогов. Единый сельхозналог существенно снижался для бедняцких хозяйств, ряд категорий сельского населения освобождался от налога.

Так, в Самарской губернии в 1925 г. волостными налоговыми комиссиями были предоставлены автоматические налоговые льготы (то есть снижение или освобождение от налоговых платежей) хозяйствам красноармейцев, переселенцев и бедняков на сумму 227,5 тыс. руб. (4,5% суммы всего сельхозналога). Для поддержки маломощных хозяйств, не пользующихся

⁴³⁹ Третья сессия Самарского губисполкома. 3-4 ноября 1924 г. - С. 71-72.

⁴⁴⁰ Сборник обязательных постановлений и распоряжений Симбирского губисполкома. - Симбирск, 1923. С. 82-83.

автоматическими льготами, был установлен особый фонд скидок в сумме 153,7 тыс. руб. (3% всего исчисленного по губернии налога).⁴⁴¹ Аналогичные скидки с общей суммы сельхозналога применялись в Симбирской губернии в размере от 3,2 до 4,3% от суммы налога и надбавок к нему. Для маломощных хозяйств также устанавливались льготные сроки уплаты налога (позднее общего срока).⁴⁴² В Пензенской губернии в 1923 г. было освобождено от налога более 51 тысячи маломощных хозяйств. При этом основная тяжесть налога перекладывалась на хозяйства зажиточных крестьян, они должны были платить налог с десятины на 26% больше, чем в 1922 г.⁴⁴³

Такое же положение наблюдалось и в отношении подоходно-поимущественного налога. Сумма налога росла в зависимости от величины доходов плательщиков. Прогрессивный налог взимался с лиц, имеющих доход более 400 руб. в полугодие. С дохода в 500 руб. в полугодие взималось 2%, с 4000 руб. – 10%, с 8000 руб. – 14%.⁴⁴⁴ В результате, например, в Пензенской губернии во втором полугодии 1923/24 г. рабочие и служащие платили в среднем 7,6 рублей подоходного налога, в то время как торговцы, владельцы и арендаторы частных промышленных предприятий – 63,4 рубля.⁴⁴⁵

Кроме того, для нэпманской буржуазии устанавливались повышенные нормы квартирной платы и платы за обучение детей. Например, тарифы за коммунальные услуги устанавливались по классовому принципу, понижая ставки для «пролетарского элемента» за счет повышения их для «нетрудового элемента». Так в Самарской губернии в 1924/25 г. тариф на электроэнергию устанавливался для абонентов 1-й группы (рабочие и служащие, военнослужащие, учащиеся, безработные, инвалиды труда и войны, члены

⁴⁴¹ ГАСО. Ф.р-142. Оп.1. Д.120а. Л.6.

⁴⁴² Сборник обязательных постановлений президиума Ульяновского губисполкома.- Ульяновск, 1925. С.253, 258.

⁴⁴³ Килеева А.И. Указ. соч. С.31.

⁴⁴⁴ Коммуна – 1924 – 31 августа.

⁴⁴⁵ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л. 187.

союза кустарей, не пользующиеся наемным трудом) в размере от 31% до 188% ее себестоимости, а для абонентов 3-й группы (лица свободных профессий, торговцы и «нетрудовой элемент») – в размере 560% себестоимости.⁴⁴⁶ Вследствие этого, а также из-за конкуренции государственной и кооперативной торговли многие из них сворачивали свою деятельность. По данным Пензенского Комитета торговцев, количество торговых фирм, объединяемых им, сократилось только за один месяц (октябрь 1924 г.) на 163, из которых 153 составляли торговые заведения 1-го и 2-го разрядов, то есть мелкой розничной торговли.⁴⁴⁷ При этом надо отметить, что такой показатель как соотношение тяжести налогового обложения и коммунальных платежей по частным торговым и промышленным предприятиям в Пензенской губернии считался значительно более низким, чем в других губерниях, и это отмечали инспекторы Наркомфина. «Если госналоги принять за единицу, то коммунальные платежи составляли в 1924/25 г. 1,25».⁴⁴⁸ Это, по их мнению, являлось одной из причин медленного по сравнению с другими губерниями региона сокращения количества частных предприятий в губернии. Но, как правило, в этот период финансовые органы Среднего Поволжья проводили, в общем, разумную налоговую политику, стремясь учитывать финансовые ресурсы и налоговые возможности населения и предприятий. Об этом свидетельствует постоянный рост торговых оборотов предприятий и количества плательщиков всевозможных налогов.

Говоря о налоговой системе, И.А. Чуканов делает вывод о проведении «варварского налогообложения» единоличного крестьянского хозяйства, частной промышленности и торговли. Этот вывод подтверждается у него тем фактом, что в отношении зажиточных крестьян и нэпманской буржуазии в этот период применялись самые высокие ставки обложения и самые суровые меры взыскания, в то время как социальные низы имели всевозможные льготы. С

⁴⁴⁶ Местный бюджет Самарской губернии на 1924-25 г. – С.86.

⁴⁴⁷ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.371.

этим выводом нельзя согласиться полностью. Во-первых, подобные методы налоговой политики целиком отвечали ее целям и задачам, которые ставились в этот период и одной из которых, как отмечалось, было перераспределение национального дохода. Во-вторых, касаясь тяжести налогообложения, все источники отмечают понижение абсолютных размеров налоговых платежей на душу населения по сравнению с дореволюционным периодом. Например, в Симбирской губернии в 1922 г. приходилось на душу населения всех налогов 2,73 руб. по довоенным ценам, в то время как в 1913 г. – 7,98 руб.⁴⁴⁹ В то же время в Пензенской губернии на душу населения приходилось в 1922 г. 4,25 руб., а в 1913 г. – 11,2 руб.⁴⁵⁰ В Самарской губернии эти суммы составляли 0,75 руб. и 11,23 руб. соответственно.⁴⁵¹ Однако следует учесть, что и доходы населения за это время упали довольно резко, в Пензенской губернии, например, в среднем со 130 руб. на душу населения в 1913 г. до 35 руб. в 1922 г.⁴⁵² В Симбирской губернии средний заработок рабочего, соответствующий прожиточному минимуму, в 1922 г. не превышал 30% довоенной зарплаты.⁴⁵³ Поэтому столь же резкое снижение суммы налогов находилось в полном соответствии с пониженными финансовыми возможностями граждан в этот период. Таким образом, оценивая налоговую систему губерний Среднего Поволжья в первой половине 1920-х годов, можно констатировать, что она вполне отвечала задачам налоговой политики Советского государства того времени.

Итак, рассматривая налоговую систему губерний Среднего Поволжья в

⁴⁴⁸ ГАПО. Ф.р.-313. Оп.9. Д.123. Л.122.

⁴⁴⁹ Экономический путь. - 1922 - 18 августа.

⁴⁵⁰ Пензенский 10-й Губернский съезд Советов. Бюллетень №2. - Пенза, 1922. С.22.

⁴⁵¹ ГАСО. Ф.81. Оп.1. Д.34. Л.49.

⁴⁵² Пензенский 10-й Губернский съезд Советов. Бюллетень №2. – С.22.

⁴⁵³ Экономический путь. – 1922. – 6 сентября.

первой половине 1920-х годов, можно констатировать, что увеличение налоговых поступлений в этот период происходило на основе поступательного роста доходов сельского хозяйства, торговли и промышленности региона, а также в результате укрепления налогового аппарата и налаженной работы финансовых органов. В связи с аграрным характером региональной экономики основной налоговой базой следует признать доходы сельского хозяйства и связанной с ним торговли. Размеры налогообложения в целом соответствовали платежным ресурсам населения средне-волжских губерний, а прямые и косвенные налоги являлись существенным фактором государственного регулирования накоплений. Однако решающей роли в финансировании насущных потребностей регионального хозяйства они в тот период играть не могли.

3.3. Кредитные учреждения Среднего Поволжья в первой половине 1920-х годов.

Развитие товарно-денежных отношений после перехода к нэпу вызвало необходимость в развитии кредита и в организации сети кредитных учреждений. Кредитные отношения в банковской сфере играли особенно важную роль при общем недостатке бюджетных средств в первой половине 1920-х гг. Банковский кредит в тот период составил тот маневренный фонд государства, без которого планомерное развитие промышленности и всего народного хозяйства было невозможно. Финансово-кредитная система была с успехом использована для упрочения позиций государственных и кооперативных предприятий, оказания помощи деревенской бедноте и середняцкому крестьянству, для всемерного содействия такому подъему производительных сил, который обеспечивал перевес государственного сектора экономики. Рассмотрим, как происходили эти процессы в Среднем Поволжье.

Потребность в кредите среди населения региона в начальный период нэпа

была необычайно велика. Симбирская газета «Экономический путь» в декабре 1921 г. сообщала о том, что сельское население было готово брать ссуды у ростовщиков даже под 1000% годовых. Общее положение дел в области мелкого кредита газета определяла следующим образом: «Обстановка настоящего момента ужасна. Грабеж заемщика страшнее бандитских налетов: если последние грабят не ежедневно, грабят, естественно, более зажиточный элемент, то «благодетели»-заимодавцы обирают именно ежедневно, обирают именно наиболее нуждающийся люд... Если оставить деревню на произвол судьбы и «благодетелей», то не только сельскому хозяйству, но и сельскому хозяину грозит такая кабала, что трудно будет и мечтать о восстановлении его».⁴⁵⁴ В этой ситуации необходимо было организовать широкую сеть государственных кредитных учреждений.

Начало организации кредитной системы было положено учреждением в октябре 1921 г. Государственного банка РСФСР «в целях способствования развитию промышленности, сельского хозяйства и товарооборота, а также в целях концентрирования денежных оборотов и проведения других мер, направленных к установлению правильного денежного обращения».⁴⁵⁵ Отделения Госбанка были открыты в Симбирске в марте 1922 г., в Пензе в мае 1922 г., тогда же появилось и отделение банке в Самаре. Банковские учреждения начали открываться и в уездных городах, всего к 1 октября 1922 г. в Среднем Поволжье было открыто 2 конторы, 10 отделений и 1 агентство Госбанка.⁴⁵⁶

В первые месяцы своей деятельности отделения Госбанка в Среднем Поволжье испытывали ряд трудностей финансового и технического характера. При принятии в конце 1921 г. решений об их открытии каждому отделению было выдано в качестве уставного капитала по 15 млрд. руб. 1921 г., или 1,5

⁴⁵⁴ Экономический путь. - 1921 - 14 декабря.

⁴⁵⁵ Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). – М., 1978. С.95.

млн. руб. выпуска 1922 г.⁴⁵⁷ Эта сумма в декабре 1921 г. еще могла считаться достаточной, но к моменту открытия отделений банка значительная ее часть из-за инфляции обесценилась и утратила первоначальную стоимость. К тому же, потребность в кредите региональных хозяйственных организаций оказалась в несколько раз выше, чем было ассигновано средств на их обслуживание. Поэтому, например, Пензенское отделение в марте 1922 г. направило в Правление Госбанка ходатайство об увеличении первоначального капитала до 100 млрд. руб.⁴⁵⁸

Еще одной технической проблемой в этот период были минимальные размеры оборотных средств банка. Денежные средства, поступавшие от клиентов на текущие счета, вносились ими не для наращивания на них процентов, а являлись оборотными средствами организаций и частных лиц. Они предоставлялись банку на самое краткосрочное хранение и в любой момент могли быть потребованы обратно. Ни один из вкладчиков в то время не определял даже «неподвижного остатка» своего текущего счета. Поэтому отделения Госбанка не могли использовать свой пассив, а вынуждены были работать на отпущенные Центром средства. Эти проблемы были преодолены только по мере проведения денежной реформы и укрепления финансовой системы страны и региона.

Несмотря на технические и финансовые сложности отделения Госбанка развернули в этот период активную деятельность по кредитованию и привлечению средств населения и предприятий. По данным Самарского отделения, например, за 1922 г. им было выдано обычных ссуд государственным предприятиям 31%, кооперативам - 47% и частным лицам - 23%; срочных ссуд было выдано кооперативам 10% и частным лицам – 90%.⁴⁵⁹ В то

⁴⁵⁶ Народное хозяйство России за 1921-1922 гг. - М., 1923. С.244.

⁴⁵⁷ ГАПО. Ф.р.313. Оп.8. Д.40. Л.106.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Доклад Самарского губисполкома 9-го созыва 10-му Губернскому съезду Советов. За 1922 г. - Самара, 1922. С.24.

же время данные Симбирского отделения Госбанка рисуют следующую картину кредитных операций (без разделения их по срочности): частные торговые предприятия кредитовались в размере 38,3% всей суммы кредита Симбирским отделением и 57,2% - Сызранским отделением; кредиты государственным учреждениям равнялись по Симбирску 33,7%, по Сызрани - 26,5%; кредиты кооперации не превышали 28% в Симбирском отделении, 16,3% в Сызранском отделении.⁴⁶⁰ Таким образом, в Самарской и Симбирской губерниях наибольшей интенсивностью в получении кредитов в начальный период нэпа отличался частный капитал, оперировавший, главным образом, срочными кредитами. Второе место по использованию срочного кредита и первое место в использовании кредита вообще занимала кооперация. Самое же слабое использование кредита относилось к государственным предприятиям.

В то же время в Пензенском отделении Госбанка наблюдался значительный перевес сумм выданных кредитов в пользу частных лиц. Так, в июле 1923 г. выданные здесь ссуды по категориям клиентуры распределялись следующим образом: государственным учреждениям - 23%, кооперации - 33%, частным лицам - 44%. При этом распределение остатков вкладов по текущим счетам выглядело следующим образом: в соврублях государственным учреждениям принадлежало 93% всех сумм, кооперации - 2%, частным лицам - 5%, в червонном исчислении государственных счетов было 84%, кооперативных - 7%, частных - 9%.⁴⁶¹ Из этого можно сделать вывод, что частные лица и кооперация мало доверяли капиталы Государственному банку. В то же время кредитная политика Госбанка в этот период была направлена на всемерное вытеснение частного капитала из сферы долгосрочного кредитования. Лишенные «длинных денег», частные организации занимали почти половину сектора краткосрочных кредитов.

⁴⁶⁰ Отчет Симбирского губернского экономического совещания №3 (с апреля 1922 г. по апрель 1923 г.). - Симбирск, 1924. С.89.

⁴⁶¹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.38. Л.134об. -185.

Кредиты Госбанка предоставлялись, в большей своей части, торговым заведениям. На их долю приходилось от 65 до 85% всех выдаваемых ссуд. Оставшаяся часть ссуд выдавалась промышленным предприятиям, главным образом, относящимся к легкой и обрабатывающей промышленности.⁴⁶² При этом, например, в Саранском агентстве Госбанка ссуды частным предпринимателям предоставлялись под 14% годовых, в то время как государственным учреждениям и кооперации - под 11%.⁴⁶³ Но и в этих условиях частные лица за счет более быстрой оборачиваемости капитала значительно превосходили в отношении пользования капиталом кооперативные и, в особенности, государственные учреждения. В Самарской губернии, например, в июле 1924 г. кредиты, полученные кооперацией, в редких случаях превышали в два раза ее собственные средства. В то же время кредитные средства частной торговли превышали собственный капитал в три раза, достигая в отдельных случаях шестикратного превышения над собственными оборотными средствами.⁴⁶⁴

Наряду с отделениями Госбанка в губерниях Среднего Поволжья действовали и другие кредитные учреждения. Для хранения и привлечения средств населения по всему региону были открыты сберегательные кассы. В Самарской губернии, например, к июлю 1924 г. было открыто 18 почтово-телеграфных и 4 железнодорожных кассы, а также 22 посреднических кассы при учреждениях и предприятиях Самары. Кроме того, центральные кассы были открыты в Самаре и при уездных финотделах в Бузулуке, Бугуруслане и Мелекесе. К этому времени число вкладчиков сберкасс в губернии достигло 12,5 тыс. чел, из которых 80% составляли рабочие и служащие, 8% - так называемые «лица свободных профессий», 2% – учащиеся, 5% - учреждения и

⁴⁶² ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.12. Л.418, 440, 588об.; ГАУО. Ф.573. Оп.2. Д.20. Л.12об.-13.

⁴⁶³ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.127.

⁴⁶⁴ Коммуна. – 1924. – 11 июля.

5% - «нетрудовой элемент».⁴⁶⁵ В Пензенской губернии по состоянию на 1 августа 1925 г. было 103 сберкассы с количеством вкладчиков около 2000 человек и общей суммой вкладов 148,4 тыс. руб.⁴⁶⁶ Большинство сберкасс было сосредоточено в городах и большая часть вкладчиков составляла городское население. Таким образом, сберкассы представляли собой в основном городские кредитные учреждения, где сосредотачивались свободные средства малоимущих слоев населения. Хранение денег в сберкассах помогало им в какой-то степени сохранить их от инфляции и способствовало увеличению накоплений.

Одновременно начали восстанавливаться кооперативные кредитные организации, закрытые административными органами Среднего Поволжья в 1920 г. Первые подобные кредитные учреждения появились в конце 1921 г. в Самарской губернии. Первоначально, до разработки соответствующего законодательства, их деятельность носила полулегальный характер и проводилась «под вывеской» сельскохозяйственной кустарной кооперации. Но среди задач этих организаций на первое место выдвигалось кредитование сельского населения, а затем уже выполнение функций сельскохозяйственного характера.⁴⁶⁷

Начиная с весны 1922 г. процесс создания кредитных кооперативов принял более активный характер. В марте 1922 г. открылось первое в Симбирской губернии Ермолаевское кредитное товарищество. По своим долгам и обязательствам оно отвечало своими капиталами и круговой порукой всех членов.⁴⁶⁸ В марте 1923 г. было открыто Архангельское кредитное товарищество в Чембарском уезде Пензенской губернии, к концу 1923 г. в губернии уже было 10 кредитных товариществ. Самыми крупными из них были

⁴⁶⁵ Коммуна. – 1924 – 2 июля.

⁴⁶⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.11. Д.15. Л.66об.

⁴⁶⁷ Экономический путь. – 1921. – 14 декабря.

⁴⁶⁸ Лютов Л.Н. Экономика Симбирской губернии в начале 20-х гг. С.140.

Константиновское (в Пензенском уезде) и Павло-Куракинское (в Городищенском уезде) товарищества.⁴⁶⁹ По состоянию на 1 октября 1925 г. в Пензенской губернии насчитывалось уже 87 низовых кредитных объединений, которые охватывали около 20% крестьянских хозяйств губернии, их совокупный оборотный капитал по состоянию на март 1924 г. составлял 440 тыс. руб. золотом.⁴⁷⁰ Столь же стремительно росло количество кредитных кооперативов и в других губерниях Среднего Поволжья. При этом со стороны государственных органов делалась попытки придать этому процессу организованный характер, не допустить мелкого спекулятивного рынка. Эту задачу должны были взять на себя губернские Общества сельскохозяйственного кредита, объединяемые с 1924 г. под руководством Центрального сельскохозяйственного банка.

Общества сельскохозяйственного кредита были открыты в Самаре в марте 1923 г., в Пензе - в июне 1923 г., в Симбирске - в августе 1923 г. В числе их пайщиков на первом месте находились государственные учреждения, имевшие, например, в Пензенском Обществе 98,3% всех оплаченных паев. На долю кооперации в капитале Общества приходилось 1,7% акций.⁴⁷¹ Крестьяне могли получить здесь ссуды на расширение своих хозяйств, на улучшение агротехники, на покупку сельхозтехники, инвентаря, рабочих лошадей и т.д. Нормы выдаваемых ссуд, которые зависели от состояния крестьянского хозяйства, определяли правления сельхозтовариществ. Ссуды выдавались по частям под залог крестьянского имущества. Возвращались ссуды также по частям: в первый год крестьянин возвращал только проценты, на второй год он начинал погашение ссуды и продолжал возвращать проценты, в течение 3-4-го года выплачивался остаток платежей по ссуде и процентам равными частями. Большинство ссуд, таким образом, являлись долгосрочными на срок от одного

⁴⁶⁹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.12. Л.418, 440, 588об., 596.

⁴⁷⁰ ГАПО. Ф.р-377. Оп.1. Д.3. Л.4об.

⁴⁷¹ Там же. Л.166об.

до пяти лет под 6-12% годовых.⁴⁷²

Открытие Обществ сельхозкредита оказалось своевременным шагом, который создавал мощный источник кредитования индивидуального крестьянского хозяйства. Потребность в сельскохозяйственном кредите в то время была настолько велика, что, например, в Пензе в первые месяцы работы Общества ежедневно возникала очередь из желающих получить ссуду, которая доходила до 300 человек и стояла тройными рядами. «Некоторые крестьяне прямо жили и ночевали в Обществе в чаянии кредита, а днем ломали прилавки, стараясь добраться поскорее и подать заявление».⁴⁷³

Значительные сложности возникали у Обществ сельхозкредита в связи с пережитками «военно-коммунистической» психологии у крестьянского населения. За годы «военного коммунизма» крестьяне Среднего Поволжья привыкли к тому, что всякого рода ссуды, которые выдавались на восстановление сельского хозяйства государственными органами, не требовались ими обратно или ввиду каких-либо чрезвычайных обстоятельств, или потому, что из-за падения курса рубля возврат их становился нецелесообразным. Такое положение вызывало у крестьян отношение к государственному кредиту как к дотации государства. Полученные кредиты крестьяне-единоличники употребляли на свои потребительские нужды, а сельскохозяйственные кооперативы — на торговлю, о рентабельном же применении кредита в сельском хозяйстве никто не думал.

Поэтому при организации Обществ сельскохозяйственного кредита необходимо было переломить эту психологию. Общества должны были утвердиться в глазах населения как авторитетные кредитные организации. В первое время нужно было выдавать такие ссуды, которые были бы рентабельны для крестьянского хозяйства, использование которых легко контролировалось бы и которые крестьяне старались бы погасить, не задерживая уплаты. Такими

⁴⁷² ГАУО. Ф.573. Оп.2. Д.17. Л.10.

⁴⁷³ ГАПО. Ф.р-377. Оп.1. Д.3. Л.4.

ссудами являлись долгосрочные ссуды на покупку лошадей и рабочего скота. Пензенское Общество сельхозкредита, например, направляло до 50% своего капитала на финансирование этой операции. При этом, прежде чем выдать деньги, Обществу необходимо было затребовать целый ряд документов, досконально выяснить доходность крестьянского хозяйства, нередко подвергнуть клиента перекрестному допросу и только после этого выдать ссуду. Уже сам процесс выдачи ссуд создавал у крестьян, надо полагать, громадное впечатление. После этого употребление кредитов по назначению и, самое главное, их возврат в 90% случаев мог быть гарантирован. Очень немногие клиенты Обществ сельхозкредита рисковали пойти на нецелевое использование кредита, так как при повышении курса червонца (а ссуды Обществ сельскохозяйственного кредита выдавались только в червонном исчислении) досрочное взыскание такой крупной суммы, как ссуда на покупку лошади, наверняка разорило бы их.⁴⁷⁴ Таким образом, одновременно в сознании крестьянского населения укреплялся авторитет государственных кредитных организаций и обеспечивалось целесообразное использование сельскохозяйственного кредита. В этом состояло огромное значение деятельности Обществ сельхозкредита в губерниях региона.

В первые два года своей работы Пензенское общество сельхозкредита выдало сельскохозяйственным предприятиям и торговле кредитов на общую сумму более 1,1 млн. руб.⁴⁷⁵ При этом 95,8% всех выданных кредитов приходилось на долю кредитно-сбытовых кооперативов, 4% - на долю государственных организаций и 0,2% - на долю частных лиц.⁴⁷⁶ Общество разработало программу своеобразного «страхования» крестьян от колебаний

⁴⁷⁴ ГАПО. Ф.р-377. Оп.1. Д.3. Л.115-115об.

⁴⁷⁵ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.301, 425-426, 439-441, 604-607, 613-616, 711-714, 798-801, 809-812.

⁴⁷⁶ ГАПО. Ф.р-377. Оп.1. Д.3. Л.170.

рыночных цен с помощью хлебозалоговых операций, о которой говорилось во второй главе нашей работы.

Общества сельхозкредита старались активно отстаивать финансовые интересы крестьянства. Правда, и сами они в своей деятельности не были свободны от идеологического начала. Об этом свидетельствует преимущественное кредитование ими кооперативных организаций и социальных низов деревни. Общества иногда отказывали в выдаче ссуды зажиточным единоличникам даже в ущерб своему доходу. К примеру, не все крестьяне доверяли Обществам свои пай в счет хлебозалоговых операций, поскольку будущая цена хлеба и курс червонца были «весьма гадательны». Эти операции могли быть безубыточны только при закладе довольно значительного количества хлеба на предельно длительный срок. Такие предложения поступали от зажиточных крестьян, но Общества не всегда принимали их из-за опасения быть обвиненными в поощрении спекуляции.⁴⁷⁷

Тем не менее, Общества сельскохозяйственного кредита в Среднем Поволжье являлись основным источником финансирования сельского хозяйства и крестьянского населения. В процессе своей деятельности они смогли завоевать авторитет среди сельских жителей региона, обеспечивали финансовые потребности и интересы крестьянства, внедряли в практику целевой сельскохозяйственный кредит и способствовали смягчению последствий стихийных бедствий и сезонных колебаний цен.

Кроме этих основных кредитных организаций в городах Среднего Поволжья действовали отделения Промышленного банка в Самаре и Коммунального банка в Самаре и Пензе. Самарское отделение Промбанка финансировало промышленные предприятия, в основном государственные, на долю которых приходилось до 70% выдаваемых ссуд, а также кооперативные, которые получали около 25% кредитов.⁴⁷⁸

⁴⁷⁷ ГАПО. Ф.р-377. Оп.1. Д.3. Л.121.

⁴⁷⁸ XI Самарский губернский съезд Советов. - Самара, 1924. С. 53.

Отделения Коммунального банка, открытые в конце 1924 г., имели своей целью предоставление кредитов на городские ремонтно-строительные нужды. Необходимость открытия этих кредитных учреждений вызывалась тем обстоятельством, что коммунальное хозяйство в этот период постепенно приходило в аварийное состояние, объекты городской инфраструктуры, а также жилая площадь городских домов нуждались в срочном ремонте. Уже к весне 1925 г. Коммунальный банк по объему выданных ссуд вышел на третье место среди региональных банков, отставая по абсолютной сумме активов от Госбанка и идя почти вровень с Обществами селхозкредита.⁴⁷⁹

Размеры взимаемых процентов по кредитам достигали в Госбанке в среднем 12% годовых, в Обществах селхозкредита - по краткосрочным кредитам 12%, по долгосрочным 6% годовых. Коммунальный банк брал от 24 до 27% годовых. Обычные сроки ссуд устанавливались в отделениях Госбанка и Коммунального банка от 1 до 3 месяцев; в Обществах селхозкредита краткосрочные - до 1 года, долгосрочные - от 1 до 5 лет. В свою очередь банки выплачивали клиентам по текущим вкладам от 9 до 12% годовых в зависимости от условий и срока вклада.⁴⁸⁰

Поскольку частный капитал занимал значительное место по объему кредитования, а по оборачиваемости капитала намного превосходил государственные и кооперативные учреждения, с лета 1924 г. началось наступление на его позиции по линии кредитования. Перед Госбанком прямо была поставлена задача «максимального свертывания, а в необходимых случаях, и полного прекращения кредитования частной торговли и, наоборот, расширения кредита государственной и кооперативной торговли».⁴⁸¹

⁴⁷⁹ См. об этом: ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.711-714,798-801,809-812.

⁴⁸⁰ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.12. Л.418; Оп.10. Д.31. Л.598об.; Коммуна. – 1924 - 10 августа.

⁴⁸¹ Под знаменем ленинизма. - 1924 - №13.- С.7.

Выполняя эту директиву, отделения Госбанка резко сократили кредитование частных лиц, стараясь выдавать ссуды исключительно на производственные цели, а также заведениям частной розничной торговли. Так, Самарское отделение Госбанка в августе 1924 г. резко пересмотрело свою кредитную политику, выделяя отныне на долю кооперативных кредитов 74,34% своих средств. На всю госпромышленность и госторговлю предполагалось отпускать 21,44% средств отделения, на предоставление ссуд кредитным учреждениям - 4,15%. Частная же клиентура могла рассчитывать не более чем на 0,07% всей суммы кредитов Госбанка (вместо 7% частных кредитов в начале 1924 г.).⁴⁸² Тогда же в августе 1924 г. Самарское общество сельхозкредита также повысило учетную ставку до 18-24% годовых.

Аналогичные, хотя и не столь жесткие решения были приняты и другими отделениями Госбанка. Так, кредиты, выданные Ульяновским отделением Госбанка в 1925 г., распределялись следующим образом: на кредитование государственной промышленности шло 30,1% кредитов банка, на кредитование госучреждений - 7,8% ссуд (всего - 37,9%); на долю кооперативных организаций отпускалось 44,6% всей суммы кредитов, на кредитование сельхозпроизводителей - 14,2% кредитов; розничные торговые организации кредитовались в размере 8,3% суммы кредитов, а частным предприятиям и организациям доставалось только 3,9% кредитов.⁴⁸³ При этом если в 1924 г. в Симбирской губернии частники получили кредиты на сумму 112 тыс. руб., то уже на 1 января 1926 г эта сумма сократилась до 80 тыс. руб. Даже если суммировать кредиты, выделенные Обществами взаимного кредита частным предпринимателям, то в общей сумме кредитования они не превышали 4,15%.⁴⁸⁴

⁴⁸² Коммуна. - 1924 - 9 августа.

⁴⁸³ ГАУО. Ф.р-334. Оп.1. Д.47. Л.84.

⁴⁸⁴ Чуканов И.А. Указ. соч. С.52; См. также: Пролетарский путь - 1926. - 13 декабря. - №286.

Лишенные государственного кредитования, частные предприниматели вновь были вынуждены пользоваться частным коммерческим кредитом. В Самарской губернии, например, осенью 1924 г. нередко были случаи, когда в хлебной торговле «частный капитал пользовался кредитом от крестьянства, то есть крестьянин продавал известному скупщику хлеб на две-три недели в кредит, и последний лишь после перепродажи уплачивал деньги».⁴⁸⁵ Еще одним способом получения кредита частными лицами было обращение к подпольным ростовщикам. Все это приводило к удорожанию частного кредита. В Пензенской губернии, например, в сентябре 1924 г. частными «дисконтерами» практиковалось взимание по кредитам от 10 до 20% в месяц(!).⁴⁸⁶ Такая политика наряду с налоговой системой приводила к сокращению частной торговли и промышленности и к подрыву их позиций на внутреннем рынке. Вместе с тем, образовавшуюся нишу пытались заполнить государственные и кооперативные организации и предприятия. На их поддержку и была направлена кредитно-финансовая политика середины 1920-х годов. В итоге, в Пензенской губернии удельный вес государственной и кооперативной торговли в общем товарообороте возрос с 6,7% в 1923г. до 55,1% в конце 1924 г., соответственно снизился удельный вес частника в торговле.⁴⁸⁷ В Ульяновской губернии государственные предприятия в 1925 г. производили уже 90,5% всей промышленной продукции, кооперативные 2,8%, частные – 6,7%.⁴⁸⁸

Но в условиях медленной оборачиваемости средств в государственной и кооперативной торговле и при сокращении конкуренции со стороны частных предприятий принцип банковского кредитования не вполне подходил для государственного и кооперативного секторов экономики. Кооперативные организации, к примеру, не всегда были в состоянии возратить в срок взятые в

⁴⁸⁵ 3-я сессия Самарского губернского исполкома. 3-4 ноября 1924 г. – С.60.

⁴⁸⁶ ГАПО. Ф.р-313. Оп.10. Д.31. Л.360.

⁴⁸⁷ Килеева А.И. Указ. соч. С.43.

банке ссуды. Так, по данным Пензенского отделения Госбанка, только в августе 1924 г. им было опротестовано 26 векселей кооперативов на 41000 руб., в сентябре 1924 г. - уже 86 векселей первичных кооперативов на 57000 руб. и 57 векселей кооперативных объединений на 63700 руб. «Таким образом, – отмечалось в отчетах банка, - платежная неисправность кооперации составляет ее большое место и, признавая все усиливающееся значение ее в местном товарообороте, нельзя в то же время закрывать глаза и на этот ее недостаток, а потому поневоле приходится с осторожностью относиться к кредитованию ее».⁴⁸⁹ Поэтому уже с середины 20-х годов XX века намечается тенденция к расширению бюджетного финансирования промышленности и торговли и сокращению доли банковского кредитования. По данным Л.Н. Лютова, в 1924/25 г. на долю бюджетного финансирования промышленности приходилось 18,6%, а на долю банковских кредитов 81,4%, в то время как в 1925/26 г. - 28,3% и 71,7% соответственно.⁴⁹⁰

Среди причин этого явления следует отметить также необходимость продолжения начавшейся еще в конце XIX века индустриализации страны. На фоне этого процесса серьезно менялась роль и значения кредитно-финансовой системы. Ведь если в начале нэпа финансовые средства бюджета и банков направлялись большей частью на увеличение оборотного капитала промышленности и торговли (создание товарных, сырьевых, топливных запасов, организацию кредитной системы, укрепление национальной валюты и т.п.), то с середины 1920-х годов, по мере исчерпания «восстановительного эффекта», возникла необходимость направления финансовых потоков на увеличение основного капитала, на постройку и эксплуатацию новых промышленных предприятий. В тех условиях практически единственным

⁴⁸⁸ Очерки истории Ульяновской организации КПСС. – Ч. II. – С. 68.

⁴⁸⁹ ГАПО. Ф.р-313. Оп. 10. Д.31. Л.317, 336.

⁴⁹⁰ Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа (1921-1929). – Саратов, 1996. С.201.

крупным источником финансирования этого направления могли быть средства государственного бюджета. Поэтому с 1925 г. расширяется доля бюджетного финансирования промышленности за счет сокращения сферы банковского кредитования.

Таким образом, к середине 1920-х годов в Среднем Поволжье сложилась довольно развитая система кредитных учреждений. Банковское кредитование охватывало все сферы экономики региона, концентрируясь, главным образом, вокруг торговли как наиболее рентабельной отрасли хозяйства. Основная часть банковских вкладов и долгосрочных кредитов в начале нэпа приходилось на долю государственных и кооперативных предприятий, частные предприятия лидировали в сфере краткосрочных кредитов. Однако к середине 1920-х гг. в стремлении вытеснить частный капитал из оптовой и посреднической торговли государственные финансовые органы перекрыли доступ к кредиту частным организациям вообще. Это привело к сокращению доли этих предприятий на внутреннем рынке и одновременно наметило тенденцию к вытеснению банковского кредитования предприятий и организаций их прямым бюджетным финансированием. Эта тенденция, с одной стороны, содействовала решению задач дальнейшего развития экономики страны и региона, а с другой, способствовала ограничению, а в дальнейшем, и сворачиванию рыночных отношений и замене их административно-командной системой.

Подводя итоги развития бюджетной, налоговой и кредитной систем в первой половине 1920-х годов, можно констатировать, что за этот период они прошли значительный путь становления, совершенствования и развития. В начале 1920-х годов с их помощью успешно решались задачи восстановления экономики Средне-Волжского региона и пополнения оборотных средств предприятий и организаций. При этом основным источником бюджетных средств и налоговых поступлений, а также главным получателем банковских кредитов были крестьянские хозяйства, сельскохозяйственные предприятия и городская торговля, особенно в Пензенской и Симбирской губерниях. В Самарской губернии, как наиболее развитой в индустриальном отношении,

основным объектом бюджетной, налоговой и кредитной политики были промышленность и городское хозяйство. К середине 20-х гг. XX века в связи с усилением государственного регулирования экономики и под влиянием необходимости увеличения инвестиций в основной капитал промышленных предприятий возрастает роль государственного и местных бюджетов и, соответственно, снижается роль банковского кредитования. В условиях начинающейся «социалистической индустриализации» необходимо было найти и активно использовать новые источники финансирования развития экономики и пополнения бюджетных средств. С этой целью усиливается налоговый нажим на частных предпринимателей, одновременно сокращается их банковское кредитование. Финансовая политика государственных органов региона с этого момента стала направляться на преимущественную поддержку государственного и кооперативного секторов экономики. Все это привело к вытеснению частных организаций из народного хозяйства региона и к началу сворачивания рыночной экономики как системы ведения хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коренные преобразования финансовой сферы в годы нэпа коснулись как страны в целом, так и ее регионов, в частности Среднего Поволжья. Здесь имелись свои особые социально-экономические условия, влиявшие на проведение финансовой реформы.

Среднее Поволжье было типичным земледельческим регионом страны со слабо развитой промышленностью. Это предопределяло зависимость развития торговли и промышленности края от благосостояния сельского хозяйства, а также обуславливало значительные сезонные колебания экономической конъюнктуры.

Гражданская война и политика «военного коммунизма» имели катастрофические последствия для экономики средневожских губерний. За годы гражданской войны свернулось производство на многих фабриках и заводах. Тяжелое положение сложилось на транспорте. Рабочий класс, и без того немногочисленный, распылялся, часть рабочих уходила в деревню. В плачевном состоянии находилось и сельское хозяйство. Если в целом по стране продукция сельского хозяйства составила в 1920 г. половину к уровню 1913 г., то в Среднее Поволжье она была еще меньше.

Еще более усугубил и без того тяжелое положение Средне-Волжского региона неурожай и голод 1921 г. Посевные площади в 14 голодающих губерниях сократились на 50%, а поголовье рабочего и крупного рогатого скота только в Самарской губернии уменьшилось на 60%. Уже к осени 1921 г. в губерниях, полностью пораженных засухой, голодало свыше 23 млн. человек. В Среднем Поволжье от голода пострадали более четырех миллионов человек. Голод и его последствия (сокращение производства, рост цен, галопирующая инфляция и т.д.) обострили социальную ситуацию в регионе. Повсюду росло разочарование в политике Советской власти и правящей партии.

Столь катастрофическое социально-экономическое положение накла-

дывало свой отпечаток и на состояние финансовой сферы в губерниях Среднего Поволжья. Экономика и финансы в этом регионе, как и в целом по стране, переплетались в довольно сложный клубок взаимосвязанных проблем, поэтому решать их можно было только комплексно. В создавшихся условиях вопрос о состоянии финансов и о работе финансовых органов региона занимал одно из важнейших мест в политике центральных и местных властей.

Тяжелое финансово-экономическое состояние страны непосредственно отражалось в сфере денежного обращения, положение в которой было близко к катастрофическому. Инфляция подрывала заинтересованность трудящихся в результатах своего труда. Это останавливало повышение производительности труда в промышленности, тормозило проведение курса на повышение товарности сельского хозяйства, а также подталкивало население и товаропроизводителей к натурализации отношений обмена, что еще более обесценивало находившуюся в обращении денежную массу. В условиях резкого обесценения совзнаков и нехватки денежных средств у предприятий и населения («денежного голода») в денежном обращении одновременно участвовали дензнаки различных выпусков, а также золотая монета и иностранная валюта. Так, в Пензенской губернии летом 1922 г. в обращении одновременно находились разные денежные знаки в количестве более 50 образцов.

Для преодоления финансового кризиса на общегосударственном и региональном уровнях необходимо было преодолеть пережитки психологии «военного коммунизма». Надо было покончить с недооценкой роли финансов, поднять значение всей финансовой работы и укрепить авторитет финансовых органов.

С началом нэпа в средневожских губерниях в соответствии с распоряжениями Наркомфина приступили к реорганизации финансового аппарата. Территория губерний региона была разделена на отдельные финансовые районы-участки с тем расчетом, чтобы каждый участок обслуживался одним финансовым инспектором, а последний в состоянии был бы учесть

и привлечь к налогообложению все объекты на своей территории. В Пензенской губернии было образовано 22 таких финансовых участка, в Самарской губернии - 12, в Симбирской губернии - первоначально 13 (впоследствии 12) финансовых участков. В состав работников финансовых органов привлекались кадры опытных дореволюционных служащих.

Одновременно в губерниях Среднего Поволжья, как и по всей стране, начала проводиться финансовая политика, принципиально отличающаяся от всех предшествовавших финансовых мероприятий. Это видно по тому, как меняется характер архивных документов и статистических данных, направляемых в Москву. Если в начале 1921 г. в отчетах сообщалось только о недостатке денежных средств и о его последствиях, то уже с осени 1921 г. и, особенно, в 1922 г. появляются данные о приходной и расходной частях бюджета губерний региона, о налоговых и неналоговых поступлениях, выявляются причины и следствия тех или иных действий финансовых органов, проводится анализ состояния товарного рынка и ценообразования.

Региональные финансовые органы были поставлены перед необходимостью в условиях уменьшения финансовых вливаний из центра резко сокращать расходы. Вводился строгий контроль за поступающими денежными средствами. Одновременно сокращался региональный административный аппарат, а также государственные расходы на содержание рабочих и служащих. Вместе с тем, расширялась номенклатура новых местных источников доходов. Сюда включались местные налоги и сборы, доходы от коммунальных имуществ и предприятий, а также от государственной и кооперативной торговли. Эти доходы постепенно становились одной из существенных статей в местных бюджетах, все более сокращая роль денежных поступлений из центра. Наряду с этими факторами положительное влияние на общее финансовое состояние средневолжских губерний оказывало развитие торговли и расширение товарооборота. Только в Самарской губернии товарооборот в 1922/23 г. вырос по сравнению с 1921/22 г. в десять раз.

Таким образом, в проведении финансовых мероприятий во второй половине 1921 и в 1922 г. в губерниях Среднего Поволжья, как и по всей стране, наметились первые успехи. В этих условиях вся деятельность финансовых учреждений региона должна была быть направлена на решение единой общегосударственной задачи - поддержку развития промышленного и сельскохозяйственного производства в регионе, достижение устойчивости курса рубля и правильного денежного обращения. Достижение этих целей осуществлялось ими своими путями и методами.

Переломным в восстановлении хозяйства Среднего Поволжья следует считать 1923 г. К этому времени были в основном ликвидированы последствия голода 1921 г. и в экономике региона обозначился устойчивый подъем. Вместе с тем, экономические сложности и противоречия рассматриваемого периода («ножницы цен») заставили региональные власти наиболее активно задействовать механизм государственного регулирования экономики. Таким образом, в этот период начинают складываться основные компоненты нэповской финансовой политики в масштабах края.

Экономические противоречия, существовавшие в стране в годы нэпа, проявились в 1923 г. в виде «ножниц цен». В сентябре 1923 г. общий уровень розничных цен на продукты сельского хозяйства составлял лишь 58% довоенного уровня, в то время как цены на промышленные товары по отношению к тому же уровню достигали 187%. В результате крестьянство теряло за год половину своего платежеспособного спроса, а из-за резкого роста цен и заговаривания был затруднен сбыт промышленной продукции.

Для преодоления возникших трудностей органы государственной власти вынуждены были принять экстренные меры. Цены на предметы первой необходимости были снижены и повышены цены на продукты сельского хозяйства. В результате ценовой механизм стал выравниваться. К середине 1924 г. кризис сбыта был в основном преодолен.

Таким образом, если рассматривать нэп как попытку реализации политики государственного регулирования рыночной экономики (ГРЭ), можно заметить некоторые закономерности в ее проведении. В 1921-1922 г. при сохранении государственной собственности на основные средства производства и монополии внешней торговли был дан относительный простор развитию рыночных отношений в области мелкого сельскохозяйственного производства и торговли. В результате из-за несовершенства рыночного механизма и в условиях недостаточного его государственного регулирования сложился тот диспаритет цен, который стал основой кризиса 1923 г. В поисках выхода из создавшегося положения центральные и региональные органы власти в течение 1923-1925 гг. начали нащупывать механизм ГРЭ. Основным условием и средством этой политики должно было стать поддержание стабильности национальной денежной единицы - советского червонца.

В этих условиях особенно важное значение имело наличие стабильной денежной системы, которая возникла в результате денежной реформы 1922-1924 гг. Денежная реформа в своей технической части начала осуществляться в губерниях Среднего Поволжья с весны 1923 г., когда в регион начала поступать новая валюта. Этот процесс не обошелся без сложностей. Например, в Симбирскую губернию новые денежные знаки (червонцы) поступали с перебоями, а весь имеющийся запас совзнаков был уничтожен. Кассы финансовых учреждений превратилась в несостоятельного кредитора, на рынке сразу же возник ажиотажный спрос на новую валюту и спекуляция ею. Только к концу 1923 г. червонцы и разменная монета нового образца поступили в губернию в достаточном количестве. К середине 1924 г. техническая часть денежной реформы в Симбирской губернии была успешно завершена.

В то же время в Пензенской губернии подобных эксцессов не наблюдалось. В течение весны-лета 1923 г. червонцы постепенно вливались в торговый оборот губернии и первоначально обращались наряду с совзнаками.

При этом случаев недостатка у населения каких-либо купюр практически не имелось. На протяжении осени и зимы 1923 г. червонцы окончательно влились в денежное обращение как в крупных городах, так и в уездах. На них перешел торговый оборот, цены на товары стали обозначаться преимущественно в червонных рублях. Червонцы даже начали вытеснять в качестве средства накопления золотую монету дореволюционного образца.

Для поддержания высокого курса червонца центральными и региональными финансовыми органами разрабатывались меры воздействия на товарооборот, например, банковское кредитование хлебозалоговых операций, установление предельных («лимитных») цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, проведение «товарных интервенций» на рынке. Таким образом, особенностями проведения денежной реформы в Средневолжском регионе было смещение ее хронологических рамок, а также одновременное формирование и совершенствование механизма ГРЭ на региональном уровне.

Механизм ГРЭ в Среднем Поволжье подвергся серьезным испытаниям и, одновременно, получил толчок к совершенствованию в результате борьбы с последствиями неурожая 1924 г. Первоначально основной мерой регулирования рынка в этих обстоятельствах было установление государственными органами лимитных цен на хлеб и другую сельхозпродукцию. Но при отсутствии иных методов контроля низкие лимитные цены в условиях резкого сокращения предложения сельскохозяйственных продуктов на рынке стали сдерживать развитие товарооборота и, в конечном итоге, ударили по фискальным интересам государства. Поэтому с весны 1925 г. в Среднем Поволжье стал применяться более широкий спектр методов государственного регулирования рынка. Для выравнивания уровня доходов и цен предпринимались попытки поднять платежеспособный спрос населения (посредством установления прожиточного

минимума, опережающего по сравнению с ростом производительности труда повышения зарплаты на государственных предприятиях и т.п.). С помощью налоговой системы регулировались накопления населения в целях перераспределения доходов и восстановления платежеспособности крестьянства после неурожая 1924 г. Бюджетная политика и банковское кредитование, а также проведение товарных интервенций были направлены на развитие промышленности и торговли и на поддержание стабильных цен на рынке. Результатом принятых в этот период (1924-1925 гг.) мер стала стабилизация рыночных цен и рост доходов населения. Таким образом, в этот период государство, являясь одним из контрагентов рынка, пыталось установить контроль над ним и одновременно совершенствовало механизм регулирования рыночного хозяйства.

К середине 1920-х годов в губерниях Среднего Поволжья, благодаря проводившейся в этот период экономической, в том числе и финансовой политике, были достигнуты значительные успехи в деле восстановления промышленности и сельского хозяйства, расширения товарооборота, создания и укрепления разветвленной кредитной системы. Посевные площади в регионе достигли 97% к уровню 1913 г. Объем промышленного производства в крае к 1925 г. составил уже две трети довоенного уровня. Вместе с тем, в целом темпы восстановления сельского хозяйства и промышленности в Среднем Поволжье отставали от аналогичных показателей по Советскому Союзу.

Такое положение объяснялось тем, что за годы войн и революций промышленное оборудование на предприятиях региона не обновлялось и достигло на некоторых из них 50% износа. Кроме того, капитальные вложения в промышленность и сельское хозяйство были настолько незначительны, что не могли оказать серьезного воздействия на их развитие. Отсюда перед финансовыми органами региона возникала новая задача - увеличение капиталовложений в основные фонды. Справиться с ней можно было только на

базе продолжения начавшейся еще в конце XIX в. индустриализации страны. Основным источником финансирования при этом должен был стать государственный бюджет.

Итак, на протяжении первой половины 1920-х годов в Среднем Поволжье были успешно проведены основные мероприятия финансовой реформы, восстановлены промышленность, сельское хозяйство и торговля, создана разветвленная кредитная система. При этом был запущен и успешно функционировал механизм ГРЭ. На проведение этих мероприятий существенное влияние оказывали социально-экономические особенности региона, в частности аграрный характер экономики, а также борьба со стихийными бедствиями 1921 и 1924 гг. Кроме того, основой дифференциации губерний региона при проведении финансово-экономических преобразований была степень индустриализации средневолжских губерний. В Пензенской и Симбирской губерниях основным источником бюджетных средств и налоговых поступлений, а также главным получателем банковских кредитов были сельские производители. Только в Самарской губернии, наиболее развитой в индустриальном отношении, основным объектом бюджетной, налоговой и кредитной политики являлись промышленность и городское хозяйство. Во всех губерниях бюджетная, налоговая и кредитная системы были тесно связаны друг с другом и являлись составными частями и инструментами политики ГРЭ.

К середине 20-х годов XX века в связи с усилением роли государства в экономике и под влиянием необходимости увеличения инвестиций в основной капитал промышленных предприятий возрастает значение государственного и местных бюджетов и, соответственно, снижается доля банковского кредитования. В условиях начавшейся “социалистической индустриализации” необходимо было найти новые источники финансирования развития экономики. С этой целью усиливается налоговый нажим на частных предпринимателей, одновременно сокращается их банковское кредитование.

Финансовая политика государственных органов региона с этого момента стала направляться на преимущественную поддержку государственного и кооперативного секторов экономики. Все это вело к нарушению многоукладности экономики региона и к началу сворачивания рыночной экономики как системы ведения хозяйства. Эти процессы были характерны как для Среднего Поволжья, так и для всей нашей страны в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1.Материалы архивов.

1.1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).

1.1.1. Народный Комиссариат финансов СССР (Ф.7733).

Оп.1. Д.589.

Оп.1. Д.591.

Оп.1. Д.616.

Оп.1. Д.872.

Оп.1. Д.875.

Оп.1. Д.1932.

Оп.1. Д.1934.

Оп.1. Д.2010.

Оп.1. Д.2642.

Оп.1. Д.5319.

Оп.1. Д.5325.

Оп.1. Д.5326.

Оп.1. Д.5328.

1.1.2. Центральное Статистическое управление СССР (Ф.1562).

Оп.2. Д.417.

1.2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

1.2.1. Центральный Комитет РКП(б) - ВКП(б) (Ф.17).

Оп.11. Д.78.

Оп.11. Д.242.

Оп.12. Д.367.

Оп.12. Д.506.

Оп.12. Д.508.

Оп.15. Д.32.

Оп.15. Д.39.

1.3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО).

1.3.1. Губернский исполнительный комитет Советов Пензенской губернии (Ф.р-2).

Оп.1. Д.1166.

Оп.1. Д.1243.

Оп.1. Д.1498.

Оп.1. Д.1587.

Оп.1. Д.2804.

1.3.2. Губернский Финансовый отдел Губисполкома (Ф.р-313).

Оп.8. Д.11.

Оп.8. Д.18.

Оп.8. Д.19.

Оп.8. Д.21.

Оп.8. Д.40.

Оп.8. Д.71.

Оп.8. Д.77.

Оп.8. Д.94.

Оп.9. Д.7.

Оп.9. Д.12.

Оп.9. Д.13.

Оп.9. Д.20.

Оп.9. Д.38.

Оп.9. Д.123.

Оп.10. Д.31.

Оп.10. Д.35а.

Оп.10. Д.39.

Оп.11. Д.15.

1.3.3. Пензенское Общество сельскохозяйственного кредита (Ф.р-377).

Оп.1. Д.3.

Оп.1. Д.4.

Оп.1. Д.77.

Оп.1. Д.95.

Оп.1. Д.246.

1.4. Государственный архив Самарской области (ГАСО).

1.4.1. Губернский Исполнительный комитет Советов Самарской губернии (Ф.81).

Оп.1. Д.25.

Оп.1. Д.32.

Оп.1. Д.33.

Оп.1. Д.34.

Оп.1. Д.36.

Оп.1. Д.46.

Оп.1. Д.65.

1.4.2. Самарский Губернский Финансовый отдел (Ф.р-142).

Оп.1. Д.50.

Оп.1. Д.53.

Оп.1. Д.80.

Оп.1. Д.112.

Оп.1. Д.120а.

Оп.2. Д.51.

1.5. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО).

1.5.1. Финансовый отдел Симбирского губисполкома (Ф.р-183).

Оп.1. Д.978.

Оп.1. Д.983.

Оп.1. Д.1007.

Оп.1. Д.1022.

Оп.1. Д.1065.

Оп.1. Д.1159.

1.5.2. Ульяновская губернская плановая комиссия (Ф.р-334).

Оп.1. Д.49.

1.5.3. Ульяновское отделение Государственного банка СССР (Ф.р-573).

Оп.2. Д.17.

Оп.2. Д.20.

2. Опубликованные источники.

2.1. Весь Симбирск. - Симбирск: Симбир. Губисполком, 1923. – 37 с.

2.2. Вторая сессия Самарского губернского исполнительного комитета Советов. 25-26 марта 1923 г. Стенографический отчет. - Самара: Изд-е Самарского губисполкома, 1923. – 91 с.

2.3. Вторая сессия Самарского губернского исполнительного комитета Советов. 3-5 мая 1924 г. Стенографический отчет.- Самара: Издание Самарского ГИКа, 1924. – 142 с.

2.4. Вторая сессия Самарского губернского исполнительного комитета Советов. 24-25 июля 1925 г. Стенографический отчет. - Самара: Изд-е Самарского ГИКа, 1925. – 202 с.

2.5. Главнейшие сведения по государственному бюджету и денежному обращению за 1923/24 бюджетный год. - М.: Б.и., 1924. – 37 с.

2.6. Годовая работа Самарского губкома РКП(б) от XI до XII Губпарт-конференций (март 1923 г. - апрель 1924 г.).- Самара: Изд-е Самарского ГИКа, 1924. – 56 с.

2.7. Доклад Самарского губисполкома 9-го созыва о политическом и экономическом состоянии и о проделанной работе за год - 10-му

- Губернскому съезду Советов. За 1922 г. - Самара: Губсовнархоз, 1922. – 46 с.
- 2.8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. Издание 7-е. – М.: Политиздат, 1954. – 823 с.
- 2.9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.2.- М.: Политиздат, 1983. – 845с.
- 2.10. Краткий обзор деятельности Самарского губернского экономического совещания за 1922 г. и предстоящие задачи. - Самара: Губсовнархоз, 1922. – 25 с.
- 2.11. Ленин В.И. Письмо Л.Д.Троцкому (сентябрь 1921 г.).//Полн.собр. соч. Изд-е 5-е. Т.53.- М.: Политиздат, 1978. – С.234.
- 2.12. Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Выпуск 1.- Самара: Ср.-Волжская план. ком., 1925. – 384 с.
- 2.13. Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Выпуск 2. – Самара: Ср.-Волжская план. ком., 1925. – 360 с.
- 2.14. Местный бюджет Самарской губернии на 1923/24 г. - Самара: Изд-е Самарского УИКа, 1924. – 148 с.
- 2.15. Местный бюджет Самарской губернии на 1924-25 г. - Самара: Изд-е Самарского ГИКа, 1925. – 127 с.
- 2.16. Народное хозяйство России за 1921-1922 гг. Статистический ежегодник. - М.: «Экономическая жизнь», 1923. – 534 с.
- 2.17. Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914-1925 гг./под ред. Л.Н. Юровского.- М.: Финансовое изд-во НКФ, 1926. – 350 с.
- 2.18. Отчет Пензенского губернского комитета ВКП(б) 19-й Губернской партконференции. – Пенза: Изд-е Губсовнархоза, 1926. – 68 с.
- 2.19. Отчет Самарского Губернского экономического совещания. Выпуск 1. - Самара: Самар. Губэкономсовещание и Госиздат, 1921. – 192 с.

- 2.20. Отчет Самарского Губернского экономического совещания. Выпуск 2. – Самара: Самар. Губэкономсовещание и Госиздат, 1922. – 154 с.
- 2.21. Отчетный бюллетень Симбирского губернского и городского Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к X съезду Советов Симбирской губернии (25 февраля 1921 г.).- Симбирск: Симбир. госизд-во, 1921. – 61 с.
- 2.22. Отчет Симбирского Губернского экономсовещания на 1 октября 1921 г. - Симбирск: Симбир. госизд-во, 1921.
- 2.23. Отчет Симбирского Губернского экономсовещания №2. Октябрь 1921 г.- Март 1922 г. - Симбирск: Симбир. губэкономсовещание, 1922. – 81 с.
- 2.24. Отчет Симбирского губернского экономического совещания №3. (с апреля 1922 г. по апрель 1923 г.) - Симбирск: Симбир. губ. план. комис., 1924. – 98 с.
- 2.25. XI Самарский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Отчет Самарского губернского исполнительного комитета X созыва за 1923 год. – Самара: Самар. Губисполком, 1924. – 260 с.
- 2.26. Пензенское губернское экономическое совещание. Отчет Совету Народных комиссаров и Совету Труда и Оборона за период с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. - Пенза: Губсовнархоз, 1922. – 253 с.
- 2.27. Пензенский 10-й Губернский съезд Советов. Бюллетень №2. 12 декабря 1922 г. - Пенза: Губсовнархоз, 1922. – 32 с.
- 2.28. Пензенский край. 1917-1977 гг.: Документы и материалы. - Саратов: Приволжское книжное издательство (Пензенское отделение), 1982. – 304 с.
- 2.29. По вопросам коммунального хозяйства в Ульяновской губернии. Карсун: Уисполком, 1925. – 58 с.
- 2.30. Природа, хозяйство, культура Ульяновской губернии. - Ульяновск: Изд-е Губисполкома, 1927. – 184 с.

- 2.31. Промышленность Поволжья и голод 1921 г. - М.: ВСНХ, 1921. – 196 с.
- 2.32. Сборник главнейших статистических сведений по государственному бюджету, по денежному обращению, по кредиту, по движению цен и курсов за 1922 г. и начало 1923 г. – М.: Ред. изд. отдел, 1923. – 119 с.
- 2.33. Сборник декретов и распоряжений по финансам. Т.4. - М.: Госполитиздат, 1921-1922. – 42 с.
- 2.34. Сборник директив и решений по финансовым вопросам. Т.4.- М.: Госполитиздат, 1921. – 46 с.
- 2.35. Сборник обязательных постановлений и распоряжений Симбирского губисполкома.- Симбирск: Губернский Отдел управления, 1923. – 189 с.
- 2.36. Сборник обязательных постановлений президиума Ульяновского Губернского Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. - Ульяновск: Организационно-Инструкторский отдел УГИК, 1925. – 175 с.
- 2.37. Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. 1920-1926 гг. - Пенза: Статистич. отдел, 1927. – 897 с.
- 2.38. Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Выпуск 2.- Самара: Самар. губ. стат. бюро, 1924. – 286 с.
- 2.39. Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг. - М.: Наука, 1967. – 259 с.
- 2.40. Статистический ежегодник. 1918-1924. Т.8. Вып.3. (1921 1922 гг.) – М.: ЦСУ, 1921. – 371 с.
- 2.41. Статистический справочник по Ульяновской губернии. – Ульяновск: Губсовнархоз, 1925. – 74 с.
- 2.42. Третья сессия Самарского губернского исполнительного комитета Советов 12-го созыва. 12-13 июля 1923 г. Стенографический отчет. - Самара: Самар. губисполком, 1923. – 146 с.
- 2.43. Третья сессия Самарского губернского исполнительного комитета Советов. 3-4 ноября 1924 г. Стенографический отчет. - Самара: Самар.

губисполком, 1924. – 105 с.

2.44. Три года работы Самарского Сельхозбанка (Сборник статей). - Самара: Самарский Сельхозбанк, 1926. – 18 с.

2.45. Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924-25 г. (Сборник материалов). - Пенза: Губсовнархоз, 1925. – 294 с.

2.46. Что сказал хозяин губернии. Резолюции XIУ губернского съезда Советов Ульяновской губернии. - Ульяновск: "Пролетарский путь", 1925. – 69 с.

3. Периодическая печать.

3.1. Журналы.

3.1.1. Бюллетень Самарского Губотдела Управления. – Самара, 1922-1923 гг.

3.1.2. Известия Самарского Губсоюза. - Самара. 1922 г.

3.1.3. Под знаменем ленинизма. Орган Пензенского губкома ВКП(б), Губисполкома и Межкоопсовета. - Пенза. 1924 г.

3.2. Газеты.

3.2.1. Заря. Орган Симбирского губкома РКП(б) и ГИКа. - Симбирск. 1921 г.

3.2.2. Коммуна. Орган Самарского губкома ВКП(б). - Самара. 1924 г.

3.2.3. Пролетарский путь. Орган Симбирского ГСНХ. - Симбирск. 1924 - 1925 гг.

3.2.4. Трудовая правда. Орган Пензенского губкома РКП(б), Губисполкома, Горсовета и Губпрофсовета. - Пенза. 1922-1925 гг.

3.2.5. Экономический путь. Орган Симбирского ГСНХ. - Симбирск. 1921- 1923 гг.

4. Исследования.

4.1. Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917- 1925). - М.: Госфиниздат, 1940. – 245 с.

4.2. Атлас З.В. Социалистическая денежная система. Проблемы социалистических преобразований и развития денежной системы СССР. - М.: Финансы, 1969. – 384 с.

- 4.3. Атлас М.С. Развитие Государственного банка СССР. - М.: Госфиниздат, 1958. – 253 с.
- 4.4. Бернадский М.В. Денежная реформа в Советской России.//Сборник статей, посвященный П.В. Струве. - Прага, 1925. – 143 с.
- 4.5. Боголепов Д.П. Деньги Советской России. - Л.: Прибой, 1924. – 90 с.
- 4.6. Борисов С.М. Червонец - валюта нэпа.//Деньги и кредит. 1992. №1. – С.48-52.
- 4.7. Бронский М.Г. За оздоровление денег (О денежной реформе.) - М.: «Красная новь», 1924. – 27 с.
- 4.8. Вопросы банковской политики. - М.: ВСНХ, 1922. – 58 с.
- 4.9. Всемирная история экономической мысли. Т.4.- М.: Экономика, 1990. – 374 с.
- 4.10. Генис В. Упрямый нарком с Ильинки.//Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте, - М.: Экономика, 1995. – 216 с.
- 4.11. Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина в 1921- 1923 гг. - М.: Наука, 1969. – 289 с.
- 4.12. Генкина Э.Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921-1922).- М.: Госиздат, 1954. – 274 с.
- 4.13. Голанд Ю.М. Леонид Наумович Юровский. Портрет на фоне эпохи. //Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917-1927).- М.: Начала-пресс, 1997. – 418 с.
- 4.14. Голанд Ю.М. Финансовая стабилизация и выход из кризиса. Уроки советского червонца.//Коммунист. 1991. № 3-4 – С.34-43.
- 4.15. Денежное обращение и кредит. Т.I: Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914-1921).- Пг.: НКФ, 1922. – 638 с.
- 4.16. Денежная реформа. - М.: МК РКП(б), 1924. – 29 с.

- 4.17. Денежная реформа. - Л.: Прибой, 1924. – 68 с.
- 4.18. Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887-1926). Т.1. Ч.3. – М.-Л., 1929.
- 4.19. Дмитренко В.П. Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921-1924 гг. - М.: Наука, 1971. – 271 с.
- 4.20. Дмитренко В.П. Нэп и построение социализма в СССР. - М.: Знание, 1981. – 64 с.
- 4.21. Дмитренко В.П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры: Проблемы регулирования рыночных отношений. – М.: Наука, 1986. – 252 с.
- 4.22. Дмитренко В.П. Четыре измерения нэпа.//Нэп: приобретения и потери. - М.: Наука, 1994. – С.36-43.
- 4.23. Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. Часть 1. - М.: Госфиниздат, 1947. – 476 с.
- 4.24. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). - М.: Наука, 1978. – 493 с.
- 4.25. Дэвис Р.У., Гатрелл П. От царизма к нэпу.//Вопросы истории. 1992. № 8-9. – С. 41-55.
- 4.26. Ефимкин В.П. Дважды реабилитированные: Н.Д.Кондратьев, Л.Н. Юровский. - М.: Политиздат, 1991. – 167 с.
- 4.27. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – М.: Госиздат, 1952. – 348 с.
- 4.28. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XX век (1918-1998).- М.: Наука, 2000. – 375 с.
- 4.29. История социалистической экономики СССР. Т.2.- М.: Наука, 1976. – 479 с.
- 4.30. Казьмин А.И. Опыт перехода к рыночной экономике. Денежная реформа 1922-1924 гг.//Деньги и кредит. 1990. №9.

- 4.31. Камардин И.Н. Особенности забастовок в Среднем Поволжье в 1918-1929 гг.//Пензенский государственный педагогический университет. Исторические записки. Выпуск 4. - Пенза: ПГПУ, 2000. – С. 161-170.
- 4.32. Каценеленбаум З.С. Денежное обращение в России. 1914-1924. - М.-Л.: «Экономическая жизнь», 1924. – 192 с.
- 4.33. Килеева А.И. Пензенская партийная организация в борьбе за восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.). - Пенза: Кн. изд., 1961. – 60 с.
- 4.34. Козлов Г.А. Советские деньги. - М.-Л.: Госфиниздат, 1939. – 216 с.
- 4.35. Край Ильича за 50 советских лет. - Ульяновск: Ульяновское отделение Приволжского книжного издательства, 1967. – 186 с.
- 4.36. Кронрод Я.А. Деньги в социалистическом обществе. – М.: Госфиниздат, 1954. – 375 с.
- 4.37. Кузовков Д.В. Основные моменты распада и восстановления денежной системы. - М.: Изд-во Ком. акад., 1925. – 485 с.
- 4.38. Курбатов А., Лурье Д. и др. Хозяйственное строительство СССР. - М.-Л.: Госфиниздат, 1927.
- 4.39. Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. - Куйбышев: Кн. издательство, 1967. – 644 с.
- 4.40. Куйбышевская область. Историко-экономический очерк. - Куйбышев: Кн. издательство, 1983. – 351 с.
- 4.41. Лившиц А.Э. Нэп и восстановление хозяйства Поволжья.// Новая экономическая политика. Вопросы теории и истории. - М.: Наука, 1974. – 360 с.
- 4.42. Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х гг.//Отечественная история. 1992. №4.
- 4.43. Лютов Л.Н. Частная промышленность в годы нэпа (1921-1929). - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. – 147 с.

- 4.44. Лютов Л.Н. Государственная промышленность в годы нэпа (1921- 1929). - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1996. – 320 с.
- 4.45. Лютов Л.Н. Промышленность Симбирской губернии в условиях либерализации централизованно-плановой экономической системы. 1920-е годы.//Симбирский вестник: Историко-краеведческий сборник. Вып.3. - Ульяновск: "Симбирская книга", 1996.
- 4.46. Лютов Л.Н. Формы организации производства в промышленности Симбирской губернии в 1920-е годы.//Тезаурус. 1997. №1.
- 4.47. Лютов Л.Н. Экономика Симбирской губернии в начале 20-х годов. //Прошлое и настоящее России: политика, экономика, культура/под ред. А.Г. Рыбакова. - Саратов: Саратовский университет, 1999. – С.147-153.
- 4.48. Лягушев Е.И. Продналоговая политика Советской власти на Средней Волге (1922-1924 гг.).//Из истории Среднего Поволжья и Приуралья./под ред. С.Г. Басина. Выпуск 2. - Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт, 1972. – С.193-202.
- 4.49. Малышев А.И. Таранков В.И. Смиренной И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. - М.: Филателия, 1991.
- 4.50. Марков А. Советская денежная реформа и русское народное хозяйство.// Свободная Россия. 1924. №2.
- 4.51. Мельникова А.С. Твердые деньги. – М.: Политиздат, 1973. – 72 с.
- 4.52. Мец Н.Д. Наш рубль. Исторический очерк. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 99 с.
- 4.53. Неретина Л.А. Нэп - идеи, практика, уроки. /Конференция в Институте истории СССР АН СССР. //Отечественная история. 1992. №1.
- 4.54. Неретина Л.А. Соотношение политики и экономики. Завершающая стадия нэпа. Конференция в Москве.//Отечественная история. 1996. №2.
- 4.55. Николаев М.Г. Царский министр делает советские деньги. Страницы биографии Н.Н. Кутлера. – М.: Государственный исторический музей, 1999. – 199 с.

- 4.56. Новейшая история Отечества. XX век / под ред. А.Ф.Киселева и Э.М. Щагина. Т.1. - М.: Просвещение, 1998. – 389 с.
- 4.57. Очередные вопросы финансовой политики: Сборник статей. Выпуск 1. - М.: Фин.-экон. бюро, 1922. – 120 с.
- 4.58. Очередные вопросы финансовой политики: Сборник статей. Выпуск 2. – М.: Фин.-экон. бюро, 1922. – 177 с.
- 4.59. Очерки истории Пензенской организаций КПСС. - Саратов: Приволжское книжное издательство, 1983. – 503 с.
- 4.60. Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Часть 2. - Ульяновск: Приволжское книжное издательство (Ульяновское отделение), 1972. – 539 с.
- 4.61. Поддубная Р.П. В борьбе за единство (из истории партийных организаций Среднего Поволжья).- Куйбышев: Кн. изд-во, 1971. – 104 с.
- 4.62. Прокопович С.Н. Что дал России нэп.//Нэп: взгляд со стороны. - М.: Моск. рабочий, 1991. – 302 с.
- 4.63. Путь в полвека. Пензенская область за 50 лет Советской власти. - Саратов-Пенза: Приволжское книжное издательство, 1967. – 368 с.
- 4.64. Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней. Книга 3: Самарский край в XX веке. (1918-1996 гг.) /под ред. П.С. Кабытова, Л.В. Храмкова. - Самара: «Самарский университет», 1997. – 263 с.
- 4.65. Сигал Б.В. Итоги денежной реформы. – Харьков: «Книгоспілка», 1925. – 96 с.
- 4.66. Симонов Н.С. Советская финансовая политика в условиях нэпа (1921-1927). //История СССР. 1990. №5.
- 4.67. Симонов Н.С. Из опыта финансово-экономической реформы 1922 - 1924 гг.//Нэп; приобретения и потери, - М.: Наука, 1994. – 215 с.
- 4.68. Соколов А.С. Из истории становления и развития финансовой системы

- России в период новой экономической политики. – М.: Б.и., 1998. – 113 с.
- 4.69. Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. – М.: Экономика, 1995. – 216 с.
- 4.70. Струмилин С.Г. На плановом фронте (20-30-е годы). – М.: Прогресс, 1958. – 294 с.
- 4.71. Финансы и кредит СССР / под ред. Л.А. Дробозиной. – М.: Просвещение, 1982. – 362 с.
- 4.72. Хенкин Е.М. Очерки истории борьбы Советского государства с голодом (1921-1922). – Красноярск, 1988. – 193 с.
- 4.73. Чуканов И.А. Кредитно-финансовая политика местных органов власти Среднего Поволжья (ноябрь 1917-1932 гг.). – Ульяновск: Военная академия тыла и транспорта (Ульяновский филиал), 2000. – 233 с.
- 4.74. Юровский Л.Н. Современные проблемы денежной политики. – М.: «Финансовая газета», 1926. – 115 с.
- 4.75. Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917-1927). – М.: Финансовое изд-во, 1928. – 399 с.

5. Диссертации.

а) кандидатские.

- 5.1. Соколов А.С. Финансовая реформа 1921-1924 гг. и ее место в партийно-государственной политике. – М.: МГУ, 1997. – 180 с.
- 5.2. Ягов О.В. Мелкотоварное производство кустарей и ремесленников и его кооперирование в 1920-е годы (по материалам Пензенской, Самарской и Симбирской (Ульяновской) губерний). – Пенза: ПГПУ, 1997. – 224 с.

Приложение 1.

Структура денежного обращения РСФСР в 1921 г. (в процентах)⁴⁹¹

Даты	«Романовские»	«Думские»	«Керенки»	Кредитные билеты 1918 г.	Расчетные знаки 1919 г.	Расчетные знаки 1921 г.	Обязательства РСФСР
1 января	2,4	3,2	3,3	39,6	51,5	-	-
1 февраля	2,1	2,9	3,0	36,0	56,0	-	-
1 марта	1,9	2,5	2,6	31,8	61,2	-	-
1 апреля	1,7	2,2	2,3	28,6	65,2	-	-
1 мая	1,5	2,0	2,0	25,4	69,1	-	-
1 июня	1,3	1,8	1,8	23,3	71,8	-	-
1 июля	1,2	1,6	1,6	21,3	72,6	1,7	-
1 августа	1,0	1,3	1,4	17,8	64,9	13,6	-
1 сентября	0,8	1,1	1,1	14,3	54,0	28,7	-
1 октября	0,6	0,8	0,9	11,1	44,5	42,1	-
1 ноября	0,4	0,6	0,7	7,7	31,8	58,8	-
1 декабря	0,3	0,4	0,4	5,1	21,0	71,3	1,5

⁴⁹¹ Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914 - 1925 гг. - М., 1926. С.170.

Приложение 2.

Распределение числа торговых предприятий Пензенской губернии по разрядам на 15 февраля 1925 года (в процентах к итогу).⁴⁹²

Разряды	В городах	В сельских местностях	По губернии	В том числе		
				государственные	кооперативные	частные
1 - й	33,4	23,7	28,9	15,0	6,0	31,9
2 - й	31,4	55,2	42,5	-	12,3	47,4
3 - й	28,9	19,4	24,5	11,0	67,4	19,4
4 - й	4,7	1,1	3,0	24,0	11,3	1,1
5 - й	1,6	0,6	1,1	20,0	3,0	0,2

Распределение числа торговых предприятий Самарской губернии по разрядам на 15 февраля 1925 года (в процентах к итогу).²

Разряды	Государственные	Кооперативные	Частные
1 – й	-	2,1	19,4
2 – й	1,5	8,8	60,6
3 – й	28,5	72,7	18,5
4 – й ⁴⁹³	40,0	12,2	1,2
5 – й	30,0	4,2	0,3

⁴⁹² Материалы по районированию и организации Средне - Волжского области. Выпуск II.- С.174.

⁴⁹³ Там же. Выпуск 1. С.141.

Приложение 3.

**Розничные цены частной торговли по г.Пензе на начало и конец
1923/24 г.⁴⁹⁴**

Название товаров	Единица измерения	Розничная цена в рублях	
		На начало года	На конец года
Рожь	пуд	0,80	0,85
Мука ржаная	«	1,00	1,25
Хлеб печеный черный	фунт	0,04	0,03
Хлеб пеклеванный	«	0,07	0,06
Мука пшеничная	пуд	5,00	4,40
Хлеб пшеничный	фунт	0,14	0,11
Овес	пуд	0,80	0,80
Крупа гречневая	«	2,00	3,00
Горох	«	2,00	1,40
Масло сливочное	фунт	-	0,50
топленое	«	0,70	0,55
подсолнечное	«	0,20	0,22
Говядина I сорта	«	0,30	0,14
Баранина	«	0,35	0,12
Свинина	«	0,29	0,10
Сахар рафинад	«	0,35	0,60
Сахар песок	«	0,30	0,35
Картофель	пуд	0,30	0,35
Яйца	10 шт.	0,30	0,24
Спички	коробок	0,02	0,015
Керосин	фунт	0,05	0,05
Дрова	воз	3,50	3,50
Сапоги простые	пара	17,00	23,00

⁴⁹⁴ ГАПО. Ф.р.-313. Оп.10. Д.31. Л.219-219 об.

Приложение 4.

Цены на хлебобродукты в Поволжье (в копейках за пуд)⁴⁹⁵

Наименование культуры	Средняя цена за период			
	1912 - 1913 гг. и 1913 - 1914 гг.	1924 - 1925 гг.	1926 г.	1927 г.
Рожь	67,8	103,0	98,0	70,0
Пшеница	94,5	187,0	158,0	144,7
Овес	67,0	115,5	100,0	61,7
Ячмень	70,0	-	72,3	58,6

⁴⁹⁵ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней.

Приложение 5.

Неналоговые доходы в бюджете Пензенской губернии 1924/25 г. (в руб.):⁴⁹⁶

Виды доходов	Губернский бюджет	Бюджет г. Пензы	Уездные бюджеты	Волостные бюджеты	Всего
Доходы от имуществ сельскохозяйственного значения.	32561 13,8%	- -	48891 8,5%	56762 26,5%	138214 8,8%
Доходы от коммунального хозяйства.	- -	513375 93,7%	289584 50,6%	106695 49,8%	909654 58,0%
Доходы от промышленности.	156004 66,4%	- -	- -	- -	156004 9,9%
Доходы от разных мероприятий	21376 9,1%	26598 4,9%	172069 30,1%	18740 8,8%	238783 15,2%
Разные поступления	25288 10,7%	7808 1,4%	61487 10,8%	32035 14,9%	126618 8,1%
ИТОГО	235229 100%	547781 100%	572031 100%	214232 100%	1569273 100%

⁴⁹⁶ Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924 - 1925 гг. С.114.

ПЕРЕЧЕНЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МЕСТНЫХ НАЛОГОВ, ВЗИ- МАВШИХСЯ В ГУБЕРНИЯХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В 1921-1925 ГГ.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАЛОГИ:

1. Промысловый налог. Введен в июне 1921 г., первоначально взимался с ненационализированных торговых и промышленных предприятий и личных промыслов без применения наемного труда. В начале 1922 г. был распространен и на государственные и кооперативные предприятия и хозяйственные организации, а также на все личные промыслы. Налог состоял из двух сборов - патентного и уравнительного. Ставки патентного сбора дифференцировались в зависимости от местонахождения (по 5 поясам) и разряда предприятия, определяемого по внешним признакам (число рабочих и служащих, размер помещений, характер и род торговли и т.д.). Налог засчитывался при уплате уравнительного сбора в размере 3% от суммы облагаемого оборота.

2. Подоходно-поимущественный налог. Введен в ноябре 1922 г. Являлся основным налогом с городского населения. Государственные и кооперативные предприятия, смешанные общества и крестьянские хозяйства налогом не облагались. Основой обложения был совокупный доход, определяемый по декларации плательщиков. Ставки налога (от 0,83% до 15%) носили прогрессивный характер. Зарплата рабочих и служащих в совокупный доход не включалась, налог с нее взимался при ее выплате, причем с января 1923 г. для рабочих и служащих устанавливался повышенный необлагаемый минимум. В дополнение к окладам подоходным налогом устанавливались оклады налога с имущества, не составляющего предметов промысла плательщиков, в размере от 0,33% до 1,5% стоимости имущества.

В конце 1923 г. налог был разграничен на основной ("классный") и дополнительный (прогрессивный). Первый исчислялся и взимался без предъяв-

ления плательщиками деклараций - по спискам, составляемым домоуправлениями или исполкомами. Все плательщики основного налога делились на три категории: А - рабочие и служащие с зарплатой не менее 75 руб. в месяц (необлагаемый минимум); Б - лица, получающие доход от личного труда не по найму; В - лица, имеющие нетрудовые доходы. Плательщики каждой категории подразделялись, далее, на группы в зависимости от размера дохода, для каждой из которых устанавливался твердый оклад налога. Минимальный оклад (один для всех категорий плательщиков) равнялся 3,6 руб., максимальный для плательщиков категории А - 15 руб., категории Б - 18 руб., категории В - 72 руб.

Дополнительным налогом облагались на основании деклараций лица, совокупный доход которых за полугодие превышал: для рабочих и служащих - 900 руб., для других плательщиков - от 300 до 500 руб. в зависимости от пояса местности. Ставки налога дифференцировались по размерам совокупного дохода и достигали 25% с дохода, превышающего 8000 руб. в полугодие. Налог взимался также с частных юридических лиц. В 1924 г. обложение имущества было отменено и подоходно-поимущественный налог преобразован в подоходный.

3. Общегражданский налог. Введен в феврале 1922 г. для оказания помощи голодающим и борьбы с последствиями голода, вызванного неурожаем 1921 г. Взимался единовременно со всего взрослого населения страны. В 1923 г. для оказания помощи сельскому хозяйству налог был повторен.

4. Акцизные платежи. Были введены в 1921 г. на виноградные, плодовые и изюмные вина, спички, табачные изделия, гильзы и курительную

бумагу; в 1922 г. - на технический спирт, пиво, мед, квас, фруктовые и искусственные минеральные воды, соль, нефтепродукты, сахар, свечи, чай, кофе, водочные изделия и отечественные коньяки, прессованные дрожжи; в 1923 г. - на текстильные изделия и резиновые галоши.

5. Квартирный налог. Введен в конце 1924 г. Взимался с представителей нэпманской буржуазии в размере 10,5% их совокупного дохода. Квартирная плата вместе с квартирным налогом достигала 50% всех остальных налогов и сборов.

6. Гербовый сбор. Взимался с начала 1922 г. при заключении актов гражданско-правового характера.

7. Продовольственный налог. Взимался с крестьянского населения с марта 1921 г. по август 1923 г. в натуральной и частично-денежной (с весны 1923 г.) формах.

8. Подворно-денежный налог. Взимался в денежной форме в мае 1922 - августе 1923 г. с сельского населения. Носил в основном местный характер и предназначался для расходов местных бюджетов.

9. Единый сельскохозяйственный налог. Был введен с сентября 1923 г., объединил в себе продовольственный, трудгужевой, подворно-денежный, общегражданский (в части, приходящейся на сельское население) и некоторые местные налоги и сборы. Налог исчислялся и выражался первоначально в натуральных единицах (в пудах ржи или пшеницы), взимался же частично натурой, частично деньгами, причем крестьянству предоставлялось право уплачивать деньгами и натуральную часть налога. Беднейшие хозяйства освобождались от обложения. Для содействия интенсификации сельского хозяйства и разведению технических культур вовсе не облагались налогом посевы технических культур, корнеплодов и кормовых трав. С осени 1924 г. налог взимался исключительно в денежной форме. Абсолютные размеры налоговых изъятий увеличивались в зависимости от уровня доходов сельского населения. Налог стал основной государственной повинностью для сельского населения.

II. МЕСТНЫЕ НАЛОГИ И СБОРЫ. Устанавливались в соответствии с декретом ВЦИК и СНК «О местных денежных средствах» от 22 августа 1921 г. Декрет от 10 декабря 1921 г. содержал перечень и определил предельные размеры налогов. Уточненный состав доходов и расходов местных бюджетов был определен Временным положением о местных финансах, принятым сессией ЦИК СССР в ноябре 1923 г. В соответствии с ним определялись отчисления от государственных доходов, надбавки к государственным налогам и сборам в местные бюджеты, а также местные налоги и сборы. В губерниях Среднего Поволжья к ним относились:⁴⁹⁷

1. Налог со строений;
2. Разовый сбор;
3. Сбор с пригоняемого па рынок для продажи скота;
4. Сбор за пользование общественными весами;
5. Налог с заведений для потребления на месте кушаний и напитков;
6. Надбавка к цене патентов табачных и питейных;
7. Налог со скота, кроме лошадей;
8. Налог с выездных лошадей и экипажей;
9. Налог с велосипедов и самодвижущихся экипажей;
10. Налог с промышленных садов и огородов;
11. Надбавка к судебной пошлине и дополнительный сбор за засвидетельствование актов и надписей в нотариальных столах;
12. Налог со зрелищ и увеселений;
13. Налог с актов об отчуждении строений;
14. Налог с плакатов и афиш;

⁴⁹⁷ ГАПО. Ф.р-2. Оп.17. Д.1587. Л.366.

15. Налог с извозного промысла;
16. Квартирный налог;
17. Налог с аукционных продаж;
18. Налог на право охоты;
19. Прописочный сбор;
20. Налог с железнодорожных грузов;
21. Налог с биржевых сделок;
22. Налог на прислугу;
23. Налог с фабрично-заводских помещений;
24. Налог с отпускаемой из лесных дач древесины;
25. Подворный налог;
26. Канцелярский сбор;

Отчисления и надбавки:

27. Отчисление от патентного и уравнительного сборов;
28. Отчисления от трудгужналога;
29. 100%-ная надбавка к патентному сбору;
30. То же к уравнительному сбору;
31. Надбавка к подоходно-поимущественному налогу - 25%;
32. Отчисление от лесных доходов.

В ноябре 1923 г. были отменены следующие налоги и сборы:⁴⁹⁸

- Налог с выездных лошадей и экипажей (в городах);
- Налог с извозного промысла (в сельской местности);
- Сбор с перевозного промысла;
- Сбор за пользование общественными весами;
- Налог с велосипедов и самодвижущихся экипажей;

Приложение 6 (продолжение)

⁴⁹⁸ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.34-34об.

- Налог с публичных зрелищ и увеселений;
- Налог с актов об отчуждении строений и на право застройки (в сельской местности);
- Налог на прислугу (в городах).

Приложение 7.

**Выполнение заданий центра по сбору госналогов в Пензенской губернии в
1923/24 бюджетном году:⁴⁹⁹**

Месяц	Задание в рублях 1923 г.	Поступление в рублях 1923 г.	% выполнения
Октябрь	320000	232034,34	72,5
Ноябрь	400000	503191,84	125,8
Декабрь	740000	1420272,24	191,8
Январь	1282500	1925915,14	150,1
Февраль	2469000	2232274,71	90,4
Март	4938000	9788142,20	198,5
Апрель	5120000	5006602,31	97,8
Май	7315000	6119325,36	83,7
Июнь	7315000	10461709,00	143,1
Июль	12000000	8465811,52	70,5
Август	23000000	17954589,78	78,1
Сентябрь	45825000	135694495,24	294,9
В том числе сельхозналога:		101681889,00	
Всего	110724500	199804363,68	180,0

⁴⁹⁹ ГАПО. Ф.р-313. Оп.9. Д.123. Л.6.